КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

5

ЕВГЕНИЙ КАПБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Четвертая четверть - самая короткая, самая солнечная, самая веселая и самая грустная одновременно. Весна, конец учебного года, и у простого провинциального учителя истории полно проблем: аттестовать учеников, принять выпускные экзамены, справиться со зловещим заговором магнатов, уберечься от козней тайного общества Скоморохов и пережить встречу с настоящим Убийцей Драконов. Но и это еще не все: впереди - долгожданный поход с ненаглядной Ядвигой Сигизмундовной и один из самых ответственных шагов в жизни каждого взрослого человека...

- Как приручить дракона — 5
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Эпилог
  - Nota bene

Как приручить дракона — 5

Глава 1
Социальный выбор

Я смотрел из окна поезда на залитые лучами солнца зеленые весенние холмы, и у меня дух захватывало.

Одно дело — знать что-то в теории. Читать книжки, смотреть кино, разглядывать фото, услышать от кого-то, обсудить в разговоре. Другое — увидеть собственными глазами. Твердь — мир контрастов, за месяцы моей жизни здесь я хорошо это уяснил. Государство Российское — квинтэссенция Тверди, это тоже было предельно понятно, я и убедиться в этом успел, но…

Только вчера я выехал из земского города Вышемир на электричке, битком забитой бабусями, клетчатыми сумками, спящими студентами, квохчущими курами и сытными запахами чипсов, беляшей и семечек. А уже сегодня — мчал в ультрасовременном роскошном вагоне монорельса, среди плазменных панелей, позолоты и сексапильных проводниц со сверкающими хромом имплантами. В вагоне кроме шляхетных пассажиров расположилась еще компания смуглых, изящных туристов-лаэгрим откуда-то с Байкала, а прямо напротив меня — два молодых волшебника, которые пересылали друг другу по воздуху некий магический конструкт из светящихся полупрозрачных колец, переливающихся руническими символами всех цветов радуги.

Со страшной скоростью поезд несся вперед, приближаясь к Збаражу, одному из двух главных центров юридики Вишневецких. Проплывающий в небе караван белоснежных дирижаблей, гигантские ветряки на вершинах холмов, табун натуральных пегасов, которые щипали первую весеннюю травку и время от времени взмахивали своими огромными крыльями, трясли гривами и прядали ушами… Пожалуй, для меня это было уже чересчур.

Все-таки местная полесская земщина если и отличалась от привычной мне Беларуси, то нюансы эти в целом можно было признать несущественными. Если не считать эльфийку во главе гимназии и орков в беседке подъезда, то, наверное, какой-нибудь японский провинциальный городок на Земле имел от моего родного Вышемира отличий больше, чем Вышемир местный. Эту разницу миров вынести было легко, потому я и освоился на Тверди довольно быстро. Да, Минск с его разделением на панские, земские и опричные районы в этом плане казался более наглядным, но там территории с разным юридическим статусом

сильно влияли друг на друга, и отличия размазывались… Траволаторы вместо тротуаров? Девушки в обтягивающих комбезах и очках дополненной реальности? Магические фейерверки вместо обычной пиротехники? Все это можно было пережить. В конце концов, в больших городах всегда встречалось гораздо больше фриков и технических новинок, чем в провинции.

Но здесь, в Галиции, где господство кланов оставалось особенно ощутимым, игнорировать чуждость Тверди было практически невозможно.

— Коряво работает, — сказал один из магов и указал пальцем за окно. — Надо связаться с Кульчицкими, пусть гонят такого погодника к чертовой матери!

На холме чуть в сторону от эстакады виднелась фигура мага в развевающемся за спиной плаще. Он размахивал руками, как будто танцуя диковинный танец, а над его головой собирались темные дождевые тучи.

— Нормально работает, — возразил ему второй волшебник. — Тут вроде как форелевое хозяйство собрались устраивать. Не такая и плохая идея — заполнить пруд дождевой водой. Особенно если припрячь для этого мага.

— Тьфу, ты посмотри, какие у него скрюченные эфирные потоки! Это маг? Это паралитик! Он теорему Бецалеля-Скорины в колледже не учил? Или ему бабка-знахарка теорию магии преподавала? Здесь нужно было закольцевать, вот, смотри… А тут — вывести по синусоиде!

Чародеи стали пальцами малевать на окне воображаемые схемы, пока не подошла рыженькая проводница: в блузочке, жилеточке и мини-юбочке. Изящно изогнувшись, девушка движением наманикюренного ноготочка нашла известные, похоже, одной ей сенсорные точки на подоконнике и вывела прямо на оконное стекло проекцию какого-то универсального графического редактора, чем повергла меня в недоумение, а магов — в состояние радостного возбуждения.

Волшебники тут же принялись чертить графики и выписывать формулы, и материть друг друга теормагическими сквернословиями. Я снова стал смотреть сквозь стекло, разглядывая пасторальные киберфеодальные пейзажи за окном и погрузившись в собственные мысли. Правда, их записки сумасшедшего несколько мешали мне любоваться проносящимися мимо красотами… Да и бес с ним!

…Волынь, Галиция и Подолье на сегодняшний день почти полностью были поделены между разными магнатскими семьями. Заславские, Замойские, Кульчицкие, Сагайдачные, и, конечно, светлейшие князья — Радзивиллы, Острожские, Вишневецкие.

Магнатерия заключила между собой какие-то соглашения по поводу транспорта, связи, почты, выдачи беглых преступников и других полезных и облегчающих жизнь аспектов. Это не препятствовало им периодически с воодушевлением убивать друг друга, руководствуясь при этом некими псевдо-джентльменскими правилами войны. Например, наш монорельс никто трогать бы не стал ни при каких условиях, а вот сжечь деревеньку вассалов конкурента, разграбить имущество, убить и подвергнуть насилию кабальных жителей — это запросто. Главное — благовидный повод найти.

— Через пятнадцать минут — станция Бережанка! — объявил солидный мужской голос из внутренней системы оповещения.

До Збаража оставалось полчаса езды, не больше. Оставив на месте саквояж и трость, я встал, разгладил костюм, поправил орден Георгия Драконоборца на лацкане и двинул по вагонам в сторону бара. От окружающего меня великолепия рябило в глазах. Да, можно было заказать любое лакомство прямо в руки, и его доставили бы мгновенно, но мне просто хотелось пройтись.

Кибер-рококо, вот как бы я назвал стиль внутреннего убранства этого передвижного монорельсового великосветского клуба. Золото, самоцветы, мелкие затейливые детали, какие-то вычурные финтифлюшки заполоняли собой весь объединенный салон пяти вагонов, из которых состоял поезд. Публика путешествовала сплошь приличная — по меркам юридики. «Приличная публика» — значит, ни одного простолюдина, кроме обслуживающего персонала. За редким исключением все пассажиры-мужчины носили желтые сапоги, все женщины — диадемы в сложных прическах. Похоже, такие элементы гардероба выполняли у них функцию цветных штанов из истории про Кин-Дза-Дза, или просто являлись своего рода фетишами. Все девочки — принцессы, все мальчики — сарматы, ага.

Нельзя сказать, что я был тут самой настоящей белой вороной, нет. В своем клетчатом костюме и полуофициальных ботинках, я вызывал косые взгляды со стороны особенно пафосно разнаряженных панов в жупанах и кушаках, но в целом — никто не сказал ни слова. Меня ведь просто не пустили бы в этот поезд, если бы я не был аристократом, однако! Да и вообще — мои соседи-маги не придерживались местной моды, как и опричный штабс-капитан в черной форме, и два очень взрослых мужчины в стильных дорогих костюмах, которые уже зависали на баре. Так что я тут был не один такой, выделяющийся своей неброскостью.

— Мое почтение! — вежливо сказал я, подходя к стойке. — Можно — чаю?

Девушка за стойкой мило улыбнулась:

— Черный раджпутский, зеленый хоуханьский, молочный улун, пуэр, капский ройбас, йерба мате? — лучезарно улыбнулась она.

Эти проводницы — они как будто из киностудии явились. Или из инкубатора. Носики, подбородочки, бровки, щечки — все как будто нарисовано в нейросети. Вроде симпатичное, вроде разное, и при этом — одинаковое. Пластику им, что ли, делают? Очень может быть!

— Черный листовой, крепкий. Если можно — купчик.

— Что, простите? — на секунду эта кукла за стойкой стала похожа на человека.

— Две чайные ложки заварки с горбом на стакан чая, — пояснил я. — Будьте любезны.

Вряд ли, если бы я стал мерять заварку спичечными коробками, меня бы правильно поняли. Штабс-капитан — стройный черноглазый брюнет — с интересом повернулся ко мне и подкрутил ус. Опричники вообще любили свои усы.

— А вы знаете толк в извращениях, сударь, — ухмыльнулся он. — Или к вам следует обращаться, как принято у местных — пан?

— Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, к вашим услугам, — наклонил голову я. — Лучше всего так и обращаться.

— Штабс-капитан опричных войск Иван Выготский, — он встал с высокого барного стула и щелкнул каблуками. — Еду в Збараж по служебной надобности. Слово и дело Государево!

Опричник явно гордился собой. Еще бы — ему ведь поручили настолько солидное задание, что он мог безбоязненно произносить сакральную формулу «Слово и Дело!» Интересно, что это за миссия? Или — не интересно?

— Пепеляев-Горинович? — обратили внимание на меня и дядечки в дорогих костюмах. — Эриваньский нефтепромышленник? Это с чего вас в Галицию занесло, неужто нефть обнаружили в местных холмах?

— Вышемирский школьный учитель, — невозмутимо ответил я. — Еду к невесте, в Збараж. С ее родными знакомиться.

Штабс-капитан дернул головой.

— Лихо, — не к месту сказал он, поглядывая на мой перстень. — Пиромант?

— Нулевка, — настало мое время ухмыляться.

В кромешной тишине девушка подала мне фаянсовую золоченую чашечку с ароматной черной жидкостью, исходящей паром. Чашечка стояла на фаянсовом же блюдечке, тоже — с позолотой.

— Две чайный ложки, — мило улыбнулась она. — Без сахара.

«Купец», как вы и просили.

— Подготовленный тут персонал, однако! — я принюхался, остался доволен крепостью заварки и зашагал к своему месту.

Кресла тут были под стать всему убранству: бархатные, с золочеными резными подлокотниками и с тысячей высокотехнологичных приблуд внутри. Сей предмет мебели, кажется, мог одновременно сделать массаж, показать кино, накормить, напоить, сыграть в покер и спеть арию Риголетто пассажиру, буде у него появится такая потребность. Меня излишняя мультифункциональность пугала, я считал, что кресло создано для того, чтобы на нем сидеть. Но кое-кто из шляхтичей помоложе — пользовались. Например, какой-то парень в желтых сапогах и желтом же кунтуше развалился на своем месте и странным образом подергивался. Голова его при этом была полностью погружена в бархатную спинку, только рот и нос наружу торчали… Выглядело это странно. Может быть — подключение к виртуальной реальности?

Я старался не уронить чашку, шагая по проходу меж сиденьями, и не разлить чай. Других таких идиотов, которые сами себе носят чай, тут не имелось. Один я — человек Божий, обшит кожей, осталось, подобно графу нашему Льву Николаевичу, армяк надеть и лапти. Если бы я был Штрилицем, то тут бы и прокололся со своими простонародными замашками, точно. Но мне и в голову не приходило делать какой-то похожий на местных аристократов вид: тутошняя галицкая шляхетность никак не совпадала с моей полесской провинциальной интеллигентской ментальностью.

Проходя мимо туалета — дверь его смотрелась бы уместно где-нибудь во дворце дожей в Венеции — я констатировал: занято! Маги тоже ходят в сортир, однако. Великий уравнитель — это не культ, это унитаз.

Усевшись на свое кресло, я удивленно поднял бровь в ответ на услужливость моего сидения: оно сформировало из подлокотника что-то вроде круглого подноса, так что поставить фаянсовое произведение посудного искусства с купчиком внутри стало куда как удобно. Лепота! Вот что техномагия животворящая делает!

Соседей моих не наблюдалось, графический редактор с формулами и графиками с окна пропал, смотреть в него снова стало удобно: там как раз замелькали белые крестьянские хаты с крышами из металла или черепицы, по-весеннему голый чернозем огородов, плетеные заборы, водокачка, линии электропередач…

— Через две минуты — станция Бережанка! — заявил

мужской голос.

Осторожно взявшись за чашечку, я наконец сделал глоток и прикрыл глаза. Чай был хорош!

В этот момент за моей спиной раздались возбужденные и при этом приглушенные голоса: два мужских и один женский, и звуки какой-то возни. Я обернулся и увидел выходящих из туалета молодых магов, тех самых, что чертили графики. Они как-то странно переглядывались, закрывая дверь и поправляя одежду.

Поезд тормозил почти незаметно для пассажиров, так что волшебники просто взяли свой багаж, прошли к выходу и шагнули на перрон ровно через секунду после того, как система распахнула перед ними двери. Что-то во всей этой ситуации было тревожное, неправильное — и я никак не мог понять, что именно… А когда понял, то выругался сквозь зубы, тихо, чтобы никто не услышал:

— Скотство какое, а?

Из туалета вышла та самая рыженькая проводница. На лице ее застыла вымученная улыбка, прическа под форменной шляпкой была явно растрепана, мини-юбка — измята. Увидев мой взгляд, она потупила глаза, а потом снова улыбнулась — довольно резиново, если честно.

— Разрешите, я уберу посуду? — спросила она, приблизившись, а потом увидела, что у меня еще полно чаю, и смешалась: — Извините.

Пока она уходила в отсек проводников, то два раза запнулась каблуком, и едва не подвернула лодыжку. Я скрипнул зубами, залпом выпил чай, в висках у меня застучало, в груди — начало печь.

— СПОКОЙНО, ГРИГОРИЙ! — сказал дракон. — ЧЕГО ТЫ ЗАВЕЛСЯ?

Дожили. Дракон меня успокаивает…

— Я присяду? — раздался голос штабс-капитана Выготского. — Эти пижоны сошли, у вас свободно?

— Присаживайтесь, Бога ради, — пожал плечами я.

Опричник уселся напротив и закинул ногу на ногу. В руке у него был коньячный бокал, на дне которого болталась янтарная жидкость:

— Вы ведь впервые в юридике? — спросил он. — Это странно звучит, я вижу, что вы — аристократ, хоть и нулевка, и тем не менее…

— Я вырос в земщине, но в юридиках бывал. У Волк-Ланевских, Солтанов, Ходкевичей, Сапег. У Гуттен-Чапских, в Минске.

— Хм… Если бывали у Солтанов, то ваша реакция на

произошедшее — действительно странная. Да и Сапеги со своими людьми не церемонятся. Эти сударыни, — он пошевелил пальцами, имея в виду проводниц. — Знали, на что шли. Они могли бы работать комбайнершами и жать кукурузу, или устроиться на свиноводческий комплекс и задавать корму хрякам, или работать в теплице, собирать огурцы — не Бог весть что, но это честная работа, которая позволила бы им сводить концы с концами. Каждая из них захотела красивой жизни: фигурку, как с плаката нижнего белья, смазливую мордашку и возможность вращаться в обществе шляхты. Они знали, на что шли. Даже в юридике у холопов есть выбор, мы ведь живем в двадцать первом веке, а не в семнадцатом…

За каким бесом ему понадобилось копаться в моих эмоциональных реакциях, и зачем в принципе ему этот разговор? В чем он вообще хотел меня убедить?

— Однако, иногда я про это забываю, — признал я. А потом посмотрел на его роскошные закрученные усы и спросил: — А вам доводилось когда-нибудь сводить концы с концами, штабс-капитан?

— Мне-то? — его черные глаза потемнели еще больше, если это было вообще возможным. — Я вырос в Киеве, в Яме. Знаете, где это?

Я не знал.

— До того, как у меня произошла инициация первого порядка, я чистил ботинки кхазадам, чтобы раздобыть денег на еду себе и мамке, которая валялась в отключке после очередной пьянки. Иногда — дрался со снага и гоблинами, за пятак, — пояснил Выготский. — Я знаю, что такое сводить концы с концами. Вы, как я понимаю, тоже. Но ни вы, ни я никогда не позволили бы трахать себя в туалете, верно?

Он допил коньяк, повертел головой и, выцепив взглядом ту самую рыжую проводницу, поманил ее пальцем. Девушка то бледнела, то краснела, подходя к нам.

— Забери-ка это, — он кивнул на мою чашку и на свой бокал. — И скажи вот что: ты собираешься искать новое место работы?

— Н-н-нет, я не… — растерялась проводница.

— Свободна! — цыкнул зубом он. — Видите, сударь мой Пепеляев-Горинович? Это довольно мерзкий мир, и люди в нем — тоже довольно мерзкие.

Я мог бы ему сказать, что мы — мужчины, а она — девушка, и родилась, по всей видимости, в юридике, так что у нее априори гораздо меньше вариантов для самореализации и хорошего заработка. Особенно в этом контрастном мире. Мог бы попробовать обратить его внимание на то, что условия

кабального контракта иногда бывают довольно расплывчатыми и порой включают в себя пространные пункты о, например, «обеспечении максимально комфортного путешествия для пассажиров». Или рассказать о невозможности разрыва контракта без жесточайших штрафных санкций… Вплоть до смертной казни. На такого человека, как Выготский, все это не произвело бы ровным счетом никакого впечатления. Он уже преисполнился своей правды. Он считал, что понял это мир. Поэтому я пожал плечами:

— Это не обязательно, штабс-капитан.

— Что именно? — удивился он.

— В мерзком мире не обязательно быть мерзким самому. Я бы не стал никого трахать в туалете, зная, что мне не смогут отказать. А вы?

— Тьфу, — картинно отмахнулся он. — Гнилое морализаторство. Вы что, и вправду — учитель?

— Однако, учитель истории. географии и обществоведения. Высшей на данный момент категории, — усмехнулся я.

— А как… Хм! Ну, понятно, как-то выслужились. Не за учительство же вам все это… — он глянул на трость, потом — на перстень, а после этого — на орден. — … все это досталось.

— Пожалуй, что и за учительство тоже, — выдержал я его взгляд.

— Вы мне не нравитесь, — вдруг сказал он, резко встал и двинул прочь по вагону.

На душе у меня скребли кошки. Визит в Збараж явно начинался дерьмово.

Глава 2
Сегрегация

Когда мы подъезжали к Збаражу, я как раз вспоминал про Америку годков эдак пятидесятых и про отдельные вагоны для белых и негров. Хотя тут народ встречался сплошь европеоидный, одного фенотипа. Но разделение было более, чем очевидным…

Да что там говорить — железных дорог имелось аж две! Одна — та, по которой сюда прибыл я, монорельсовая — использовалась для доставки срочных грузов и для пассажирских перевозок премиум-класса, и располагалась на ажурной эстакаде, собранной из сверкающих на солнце обманчиво-невесомых металлоконструкций. Вторая — самая обычная, с плацкартами, купе и грохочущими товарными составами — была проложена ровно под ней, меж опор эстакады.

Вокзалов тоже в Збараже оказалось два: приземистое серое здание для цивильных-простолюдинов и шикарное строение в стиле барокко, трехъярусное, с вызолоченной крышей — для аристократии. Панский вокзал!

Эстакада находилась как раз на высоте третьего яруса, приподнятый над землей перрон располагался там же, так что, выйдя из поезда, любой пассажир мог немедленно начинать наслаждаться архитектурным великолепием юридики Вишневецких. Меня подобная демонстрация богатства и статусности (все эти статуи, атланты с кариатидами, лепнина и росписи) уже порядком утомила в поезде. Искусство и архитектуру я любил, но ровно до того момента, пока меня не начинало от них тошнить.

Быстрым шагом я прошел внутрь, минуя клановых дружинников Вишневецких — крепких мужчин, скорее всего — пустоцветов, в красной униформе с нашивками в виде герба «Корибут» на плечах. На поясе каждого из этих свирепых чубатых воителей можно было увидеть кобуру с тяжелым пистолетом и саблю-карабелу в ножнах. Один из них даже слегка изменил стойку, завидев меня, но опытным взглядом высмотрел перстень на руке и, прищурившись, коротко кивнул.

Простучав подошвами ботинок по гулким ступеням мраморной лестницы, я спустился в вестибюль панского вокзала и на секунду замер, осматриваясь.

Как я понял — пассажиров монорельса в основном встречали. На Збараже вышло человек семь, в том числе — знакомый мне штабс-капитан Выготский. Он едва ли не пробежал мимо меня и

нырнул в открытую дверь приземистого электрокара, который тут же двинул по мостовой прочь от вокзала, сыто хрупая протекторами. Тут была мостовая, из булыжника, самая настоящая!

Остальные паны и паненки либо садились в личные авто, либо ловили такси. Это выглядело довольно странно: шляхтич достает из кармана жупана смартфон и, вазюкая носком желтого сапога в пыли а пальцами, унизанными перстнями — в экране, вызывает машину. Приезжает желтое, в цвет сапог, авто с шашечками, шляхтич открывает перед своей дамой (с диадемой в волосах) дверцу, влезает в салон сам, что-то вещает водителю, и машина трогается. За лобовым стеклом у такси в это время болтает головой фигурка-собачка с подвижной шеей и качается во все стороны закрепленный на зеркальце заднего вида огромный деревянный крест на четках.

А водитель за рулем — в свитке, однако. И, может быть, даже в шароварах.

Меня такси не интересовали: я хотел посмотреть Збараж, составить свое впечатление о жизни в юридике. Хотя и того, что я увидел во время путешествия поездом, в целом хватило для настоящей душевной бури. Тем не менее, сверившись с картой на смартфоне, я вышел из вокзала и зашагал в сторону замка. Мой путь лежал по улице князя Острожского до перекрестка с улицей Ивана Линниченко, а потом — мимо Цивильного кладбища и вперед, вперед к подножию Збаражского дворца и парку имени Яремы Вишневецкого — того самого, легендарного, а не нынешнего.

Прогулка эта действительно более, чем полностью, удовлетворила мое любопытство. Прихотью старинных хозяев этого места, а еще — архитекторов и планировщиков, весь Збараж, как и железнодорожный вокзал, представлял из себя два уровня: для аристократии и для простолюдинов. Выполненные в стиле помпезного, кричащего барокко, верхние этажи городских зданий сверкали на весеннем закатном солнце золочеными крышами, поражали воображение текучестью форм, сложностью фасадов, масштабными колоннадами, изящными волютами и прочими, свойственными этому стилю, художественными излишествами.

Первые же этажи — обычно от цокольного до второго — представляли собой дикую смесь латиноамериканского гетто, знакомой мне украинской глубинки, этнографического музея и самого махрового киберпанка из всех возможных. Здесь было полно мелких магазинчиков и кафешечек, мастерских и пекарен, парикмахерских и контор. Надписи «SDAETSYA V ARENDU»,

«SKIDKI», «NASTOYASHCHIJ BORSHCH S PAMPUSHKAMI», «FERMERSKAYA POLYANICA» и внезапно — «INTIMNYE USLUGI» были выполнены в самых разных стилях и техниках: неоновые огни, голограммы, трафареты, настоящие живописные картины… Народ вокруг — в подавляющем большинстве люди и небольшое число гномов — разговаривал на причудливой смеси украинских, русских, польских и кхазадских слов, в целом понятной, но не поддающейся никакой адекватной кодификации. Местный суржик!

Стиль одежды был таким же эклектичным: в общем-то аутентичный, с этими самыми свитками и шароварами у мужчин, длинными юбками и платками у женщин, он дополнялся вполне современными кроссовками, например, или аксессуарами типа пейджера или фитнес-браслета. Запросто можно было увидеть эдакого парубка, подстриженного под горшок, с шунтом в виске, или гарную дивчину, которая вместо рук имела манипуляторы и тащила в каждой из четырех своих верхних конечностей по корзинке с продуктами. При этом люди не выглядели нищими или заморенными, нет — обычный народ, самый разный. Тут можно было встретить и тощего алкаша у магазина, и солидного толстого дядечку с дорогим смартфоном и мешком денег у пояса. Женщины тоже попадались разной степени ухоженности, но в целом — по-украински привлекательные.

Где-то там, над головами, на этажах от третьего до седьмого, на барокковых балконах кипела другая жизнь — богатая и яркая, но у местных простолюдинов, похоже, выработалась привычка — они не смотрели вверх. Обитатели нижних ярусов старательно отворачивались от проезжающих по мостовой дорогих машин, прятали глаза, завидев всадника (я успел увидеть двух на пегасах, одного — на самом обычном коне и еще одного — на гигантском волке), старались прижаться к стене и пропустить, уйти с дороги, низко поклониться, если распознавали в пешеходе аристократа. Во мне, например.

Я тысячу раз пожалел, что не спрятал перстень и трость. Это было странно, видеть такое поведение! Они на тень мою боялись наступить, огибая меня по самой странной траектории! Пока я не понял, в чем дело — это даже пугало. Тень, просто — тень! Кто обращает внимание на свою тень вообще?

С другой стороны — видимые атрибуты дворянского статуса спасали меня от серьезных разборок со шляхтичами. Тот всадник, на волке — он был сильно удивлен, поймав мой прямой взгляд, и даже остановил свою животину, перегородив дорогу карете скорой помощи и двум грузовикам со щебнем, чтобы понять — с какого перепуга это рыжий интель такой дерзкий? Однако, увидев

перстень — отсалютовал мне кулаком:

— Чешч! — и сорвал хищного скакуна в галоп — по своим панским делам.

У самого парка Яремы Вишневецкого я увидел огороженную сложной кованой оградой площадку. Дружинники в красной форме дежурили здесь, не препятствуя, впрочем, зевакам рассматривать сквозь прутья и завитушки находящиеся за забором приспособления. Несколько виселиц, пара подвесных клеток, колодки разных размеров — в одной из них был зажат какой-то тощий тип — а еще натуральная гильотина с бурым от запекшейся крови помостом…

— За что его? — поинтересовался я, подойдя поближе.

Однако, в глубине души я радовался, что нынче в Збараже, видимо, наблюдается спад преступности, и занято только одно из множества имеющихся тут устройств. Только утра стрелецкой казни мне тут не хватало.

— Пан… — кивнул мне стражник. — Этот человек — преступник. Он напился, как свинья, и сломал несколько надгробных плит на кладбище. Получил двадцать плетей и проведет в колодках два дня без пищи и воды. А потом — будет возмещать ущерб. Хотите швырнуть в него гнилое яблоко? Вон, там в миске есть несколько.

— Нет, спасибо. Я не хочу швырять в него гнилое яблоко…

Пожалуй, изнанки юридики с меня было довольно. Ускорившись, я двинулся ко входу в парк.

В воротах имелась изящная калиточка, украшенная металлическим лавровым венком и еще какими-то финтифлюшками. Калиточку открывали для гостей, прибывающих пешком, ворота — для титулованной знати, которая являлась на наземных транспортных средствах. В парк пускали только аристократов. «CIVIL'NYM VHOD ZAPRESHCHEN» — табличка с такой надписью стояла на значительном удалении от ворот — метрах в двадцати, дабы пресным дизайном своим не портить общий вид дворцово-паркового комплекса.

Там, среди деревьев, слышались звуки музыки, веселые разговоры и звонкий смех. Волшебные огоньки блуждали в сумерках меж стволов, горели магическим пламенем жаровни, разгоняя весеннюю стылость. Да что там говорить, в парке Вишневецкого уже распустились листочки, а травка не просто зеленела — выросла как раз на тот самый идеальный газонный размер. Могут себе позволить, в конце концов…

А за моей спиной компания пацанов и девчонок швыряла гнилые яблоки в тощего дядечку в колодках. Честно говоря, идти в парк не хотелось. Хотелось свистнуть молодецки и заорать: «А

выпустите Ясю погулять!» Ну, и там камешек в окошко кинуть, чтобы милая выглянула наружу.

Но они ее не выпустят. Как минимум потому, что Яся была не в курсе, что я приехал. Да и не знаю — одобрила бы она визит по такому поводу, или нет… Так или иначе — я пошел к воротам и, воспользовавшись тем, что калитка была приоткрыта, проник внутрь. Дружинники во главе с красивым молодым мужчиной лет тридцати — чубатым, усатым и с золотой цепью поверх форменного кафтана — тут же подхватились, вскочили с лавочек и двинули мне навстречу, пытаясь на ходу оценить мой вид и решить, что со мной, таким наглым, делать.

— Добри вечер тоби, пане… — проговорил главный, с неким сомнением глядя на меня.

— И вам доброго вечера. Парк открыт?

— Парк открыт для вельможных и ясновельможных, — пояснил чубатый. — Пани Гражина Игоревна сегодня дает прием в честь совершеннолетия внука!

— Однако! — хмыкнул я. — Это я удачно зашел. Меня зовут Георгий Пепеляев-Горинович, вольный рыцарь, владетель Горыни.

— Предъявите талант, — он вдруг протянул ладонь, как будто я должен был ему что-то дать или продемонстрировать.

— Что, простите?

— Ну, докажите, что вы маг… Пане Пепеляев-Горинович… — последнее он произнес явно с издевкой.

Я чувствовал себя идиотом. Вот что мне было делать в этой ситуации? Начать трясти перстнем и тростью? Объяснять ему, что нулевки тоже могут быть рыцарями? Отрастить чешую и когти?

— СПАЛИТЬ ЕГО К ЕБЕНИ МАТЕРИ! — предложил дракон.

Драматическая пауза задерживалась. Дружинники взялись за рукояти сабель, возможные варианты развития события в моей голове прокручивались медленно, слишком медленно.

— Падажжите! — раздался откуда-то из зарослей энергичный, низкий голос. — Вы делаете капитальную ошибку, и винить вам за нее будет некого! Это же нулевка, служивые! Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!

Кусты за их спинами затряслись, сквозь густые ветви черемухи на свет Божий выбрался громадный черный урук — в рваных джинсах, тяжелых ботинках, кожаной косухе и с растрепанными черными космами. На площадке перед воротами мигом стало тесно от всей его крупной фигуры, широких жестов, громкой речи. Волосы, одежда и обувь орка были сплошь покрыты какими-то ошметками, репьями и мелкими щепочками. Однако, где он нашел репейник в начале апреля? И какого беса этот странный орк так безбожно перевирал Есенина? И вообще —

почему сия страшная рожа казалась мне смутно знакомой?

— Так, ять… — орк с довольно человечным, можно даже сказать, диковато красивым лицом,наконец, отряхнулся, подошел к нам и почесал затылок, еще больше растрепав волосы. — Что вы стоите и смотрите на него, отцы родные? На нем цветы не растут, и узоров нет! А на мне — есть, потому как я — Резчик, что автоматически уравнивает меня в правах с аристократией Государства Российского, смекаете? Кроме того — давеча мне титул князя присвоили, что тоже в общем-то невхерственное подтверждение моего выда-перда-ющегося статуса. И я, как самый аристократический аристократ, торжественно вам клянусь, что этот… Как его… Пеклов-Змеевский? Огневушкин-Тугаринов? Ять… Как же плохо думается-то… Вот этот вот самый человек — он тоже аристократ. Пускайте его скорей, он мне нужен.

— Я? — мои брови взлетели вверх. — Однако!

Я, кажется, понял, кто передо мной, но мозг все еще отказывался это осознать полностью.

— Да-да! — орк уже приобнимал меня за плечо и вел куда-то, и думать позабыв про каких-то там дружинников. Был он меня как минимум на голову выше и раза в полтора шире в плечах, так что такая доверительная манера беседы выглядела довольно угрожающе. Но мой неожиданный знакомец так не думал, он просто продолжал свой невероятный треп в стиле героев из фильмов Гая Ричи: — Тут такая ситуация: мне нужен кто-то кто поможет поймать эту гадину. И я могу быть уверен только в двух личностях на данный момент. Первый — это я. Потому что я — это я, а не он, тут сомнения быть не может. А второй — это вы! Потому что вы, как бишь вас там, Адсков-Орлангуров? Цмоков-Пепелинский? Да Гос-с-с-споди… Вы — нулевка в общем! Хтонические Сущности не бывают нулевками!

Дракон внутри меня ржал как припадочный, Гоша тоже посмеивался. Но ситуация становилась все более интересной и интригующей!

— Погодите-ка! — я погрозил ему пальцем и вывернулся из орочьих объятий. — Это вам все понятно. А мне вот непонятно. Я, предположим, явился сюда по личному делу к кое-кому из Вишневецких, и тут, значит, из кустов вылезает черный урук, цитирует Есенина — между прочим, безбожно перевирая монолог Хлопуши! А после этого предлагает поймать какого-то неизвестного гада. Это выглядит престранно, понимаете?

— А… А я думал — это Высоцкий… — он почесал башку и спросил: — Вы что, тоже — оттуда?

— Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,

Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.

Проведите ж, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека! — вместо ответа процитировал я. — Это стихи Есенина. А Высоцкий в спектакле играл.

— Вот — еще один повод нам с тобой пообщаться, земляк, — хмыкнул орк, мигом переходя на «ты». — Но это все потом. Пока — погнали искать тварь.

— И что там за тварь? — я понял, что он от меня просто так не отцепится.

— Очень банальная и очень мерзкая скотина, — пояснил урук. — Лярва обыкновенная. Скачет от одного к другому, энергией питается. Страхами, радостями. Едва выследил! Но теперь точно знаю — она тут, в парке! Погнали, я ее если увижу — сразу вычислю. А поскольку ты нулевка, то мы ее мигом запакуем!

— Хтонический паразит? — со знанием дела переспросил я. — Тогда нужен пластиковый контейнер. Но!

— Ага! — обрадовался орк. — Ща найдем. А чего — но?

— Но я не собираюсь носиться по парку и пугать гостей с совершенно незнакомым мне орком в рваных джинсах, — заявил я. — А еще — мне нужно где-то оставить саквояж. По-хорошему еще пальто бы снять, вообще отлично было бы. Тут потеплее, чем снаружи…

— Так… Саквояж и пальто мы оставим у Бахара, в фургоне. Заодно кард, наверное, возьму — с ним всяко спокойнее. А что касается нашего знакомства, тут как вам будет угодно… — черный урук отступил на шаг, мотнув шевелюрой, изобразил что-то вроде церемониального поклона и как можно более пафосно проговорил: — Позвольте представится: пан-атаман Бабай Сархан Хтонический!

Я фыркнул:

— Однако! «Свадьба в Малиновке» какая-то!

— Ну! — радостно оскалился Бабай, демонстрируя клыки. — Правда — разгонно звучит? Гы-ы-ы-ы! Так-то я еще и владетель Паннонии, но это — чисто формально. А тебя как там по имени-отчеству? Сложное какое-то фамилие у тебя было…

— Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, — охотно напомнил я. — Школьный учитель.

— Ну, судя по твоей трости и по этому ордену, ты — такой же школьный учитель, как я — бариста и шаурмист, — покивал он.

— Эй, я вправду учу детей в школе! — возмутился я. — Я педагог высшей квалификационной категории, а *там* — еще и учитель-методист, и кандидат исторических наук!

— Так и я шаурму капитально замутить могу, — пожал он плечами. — И кофе на песке лучше меня никто не варит. Идем,

идем, занесем твой саквояж, заодно кофе бахнем! Искать паразита без кофе — это дурацкая затея. Все эти великосветские приемы — такая махровая дичь… Ни пожрать, ни поспать, ни… чего. Пошли.

И мы пошли. Наверное, сложно было придумать более странную пару. Он — в джинсах и репейнике, огромный и звероватый, с бицепсами, которые распирали рукава косухи, уверенный в себе и заполоняющий собой сразу все пространство, сколько бы его ни было. И я — в пальто, с тросточкой, худощавый, бородатый и вообще — вида самого что ни на есть декадентствующего. И уж совершенно точно — никто из нас не походил на аристократа. Разумеется, если мы говорим об аристократии, как ее представляли себе местные.

Все эти шляхтичи в желтых сапогах и панночки с диадемами — они шарахались от нас, как от прокаженных! И вряд ли дело тут было в моей бороде. Скорее всего — главная проблема заключалась в том, что мой новый знакомый пер вперед весьма решительно, напевая себе под нос нечто угрожающее. Прислушавшись, я с некоторым внутренним удовлетворением стал различать сначала мотив, потом — отдельные слова, а потом — узнал и всю песню.

Черный урук в такт тяжким своим шагам мурлыкал себе под нос, иногда переходя на гроул, известный революционный гимн!

— … *vihri vrazhdebnye veyut nad nami*

temnye sily nas zlobno gnetut…

Это была «Варшавянка», чтоб меня! И ничего более неуместного, кажется, я в своей жизни не слышал!

* * *

Глава 3
Индукция

Здесь, в парке, температура воздуха составляла градусов двадцать, не меньше. Аристократы любили комфорт! Благодаря таким тепличным условиям, панночки могли позволить себе довольно откровенные платья — с разрезами и декольте. Нет, что и говорить — зрелище было привлекательное, аристократки справедливо считали, что главной целью техномагического прогресса всегда было и остается сохранение и приумножение женской красоты — и пользовались этим, чтобы добиться шикарного внешнего вида.

Шляхтичи тоже не отставали от своих спутниц — микроклимат позволял им сменить жупаны на кунтуши, расстегнуть пуговицы блуз, закатать рукава, демонстрируя жилистые предплечья и мужественную волосатость груди. Они ходили гоголями, стараясь произвести максимальное впечатление на прекрасный пол своей брутальностью. Кое у кого получалось.

Я уже на ходу снял пальто, а подойдя к фудтраку с яркой белой надписью «ORDA» и легко узнаваемой белой дланью, скинул и пиджак. Вид у меня был ни разу не мужественный. С саквояжем, кучей вещей в руках и торчащей из всего этого изобилия тростью я напоминал того, кем и являлся: путешествующего интеллигента.

Из окошка фудтрака, откуда шибало жаром и мясными запахами, высунулась страшная клыкастая рожа:

— Гарн, гарн! — обрадовался мне знакомый урук в дрэдах и протянул свою татуированную лапищу для приветствия. — Пепел! Добрейшего вечерочка, чтоб я сдох, это ж надо — гора с горой не сходится, а вот мы с тобой, как видишь…

— Вы что — знакомы? — удивился Бабай.

— Это тот рыжий хладнокровный черт, с которым мы добывали драконьи кости в Мнемозино! — тут же сдал меня Бахар. — Сотрудник Риковича.

— Внештатный! — тут же вставил свои пять копеек я. — Я — педагог!

— Как оно все переплетено-то… — задумчивое выражение лица пану-атаману явно не шло, он становился похож на кретина. — Ладно, что высмотрел-то, Бахарушко?

Бабай Сархан полез в фудтрак и принялся там хозяйничать, спустя несколько мгновений сильно запахло крепким кофе. Бахар же наоборот — выбрался наружу, явив миру свою гигантскую

наружность, и вещал:

— Того-этого… Три подозрительных высмотрел. Один — мужик в белом пальто, явно неместный. У него рожа такая… Переменчивая, я бы даже сказал — ненадежная! Будет мимо проходить — пальцем ткну. Второй — местный, шлюхтич. То есть — шляхтич! Высокий, такой на морду симпатичный, но бледный. Волосы светлые, плечи — широкие, лапсердак — с золочеными петухами, расписной. Тип этот то щурится, то шатается, будто нехорошо ему. Ходит, пялится на всех так, вроде как сожрать хочет. И третья — баба!

Тут он замолчал, а Бабай высунулся в окошечко, мигом разлил по трем крохотным чашечкам кофе из турки, и спросил:

— И что, интересная баба?

— О-о-о-о! — Бахар закатил глаза. — Не женщина, а взбитые сливки!

— Липкая и приторная? — уточнил я.

— Не! Белая и сладкая! И пышная! — урук с дрэдами принялся пояснять, показывая руками невероятных размеров достоинства незнакомки. — Ща Кузя фотки сбросит. Ну, бахнем?

— Бахнем… — уруки взялись за чашечки. В их мощных лапищах они смотрелись как кукольные посудки.

Я тоже взял кофе и принюхался. С кардамоном! Эти орки — настоящие гурманы! Но я — человек чайный, мне кофе так — на разок побаловаться, или — в качестве стимулятора-лекарства. При этом стоило отдать должное — пан-атаман не врал, получилось у него знатно! Зборовский бы одобрил.

— Пилинь! Пилинь! — завибрировал карман у Бахара, он достал смартфон и показал экран нам обоим. — Вот! Баба.

Панночка на самом деле оказалась что надо, стоило признать. Не толстая — фигуристая. Но глаза у нее были странные — чуть раскосые и явно с придурью.

— Пилинь! — снова звякнул телефон.

— А вот — мужик в пальто, — продемонстрировал новое фото Бахар.

— Так, на этого бы я взглянул повнимательнее, мне это пальто смутно знакомо! — сам себе удивляясь, проговорил я. — Лицо — незнакомо, а костюм — очень и очень! Я его точно недавно видел!

— Да-а-а? — уруки синхронно повернулись ко мне, а потом Бабай сказал: — А вообще — знаешь что? Это ведь отличная идея! Ты будешь нашей подсадной уткой! Ты — человек, так что сильного внимания не привлечешь. Ты нулевка — тебе плевать на паразита. Вот — подойдешь к каждому из них, пообщаешься. А мы прикроем — из кустов. Мы будем силовая поддержка! Как

только вычислишь лярву — тут уж мы из кустов как выпрыгнем, и мигом паразита упакуем! А! Да! Пластиковый контейнер! Там тварь большая, литров на пять нужна коробочка…

— Как вычислим-то? — я должен был это спросить.

В конце концов — по мнению достопочтенных орков я являлся нулевкой, и хотя при помощи драконьих глазок и мог бы, наверное, понять, что передо мной не просто пустоцвет или маг, а Сущность. Но им этого знать было не нужно — по крайней мере, пока.

— Ультразвук! — заявил ордынский атаман. — Надо свистнуть в собачий свисток, и тогда лярву начинает капитально колбасить: у носителя кожа ходуном ходит, вспучивается в самых неожиданных местах.

— Однако, как-то слишком просто. Серьезно, ультразвук — и все? — удивился я.

— То есть пластиковый контейнер для хтонической сущности тебя не смущает? — выпучил на меня свои орочьи бельмища Бабай. — А собачий свисток — смущает? Слушай, я ни-хре-на не знаю, ПОЧЕМУ это работает. Но точно знаю, что это РАБОТАЕТ. Вычислил эмпирическим путем. Поверь, опыт работы в Хтони у меня как бы не один из самых больших в нашем богохранимом отечестве. Логика там не работает, это я тебе авторитетно скажу. Держи свисток, у меня будет второй — на всякий случай!

Орк, который знает слово «эмпирический» — это было мощно. Так что я спорить не стал. Вообще-то я бы с большей охотой пообщался с этим лихим парнем о жизни — той и этой, о Хтони, уруках, Орде и всем таком прочем, но, похоже, Бабай Сархан был одним из тех товарищей, про которых говорят «шило в заднице». Он просто не мог сидеть на месте! С такими можно общаться только на фоне бесконечной совместной активности: созидательной или разрушительной, как повезет. Просто точить лясы — наверное, не его стиль. Значит — будем ловить лярву!

Вдруг что-то заискрило, затрещало — я дернулся, а потом рассмотрел, что произошло, и меня отпустило. Искрили фонари в парке! Между ними протянулись самые настоящие электрические дуги, запахло озоном, потоки энергии перетекали от одного светильника к другому, освещая весь дворцово-парковый комплекс, аллею за аллеей!

— Ого! — только и смог проговорить я.

— Красиво, да? Наследие Теслы! — пояснил Бабай Сархан. — Никола Тесла — великий электрический маг, основатель Балканской Федерации. Небось, нынче в гробу переворачивается. Прикинь, какие охренительные бабки Вишневецкие угрохали на всю эту систему? Зато теперь для того, чтобы пробиться к замку

по земле, возможным агрессорам придется капитально постараться… Да и по воздуху тоже хрен доберешься, как я понимаю. Долбит нормально! Или ты думаешь, это просто на светильники такую чертову уйму бабла и энергии угрохали?

— Ничего я не думаю, — пожал плечами я. — Я нулевка. Для меня главный эффект этих электрических пстрикалок — освещение. Спорим, они на меня даже не наведутся, если по мне отстреляться кто-то захочет? Хотя, нет. Не будем спорить. Пойдем лярву искать.

— Точно Бахар про тебя сказал — хладнокровный… А где Бахар?

— Ваще-то теперь я за него! — высунулась из-за прилавка носатая гоблинская рожа. — Я все заснял! Бахар пошел за вашими фехтованскими… фейхтвангеровскими… фейхоа… Эй, эй Бабай, чего ты начинаешь? За кардами вашими, вот!

Мне было дико интересно: какого беса самый настоящий оркский князь — он же ордынский походный атаман — и его генеральный есаул делают здесь, на этом приеме? Нет, положим — для фуршетных столов бабаевскую шаурму подать и элитный кофе по-ордынски сварганить — это понятно. Последний год эти блюда в тренде! Но — лично? Первые лица не последней по силе военизированной группировки на роли фастфудных дел мастеров? Определенно, я должен был выяснить этот вопрос. Но пока…

— Куда идти? С кого начнем? — спросил я.

— С белого пальто, — кивнул Бабай. — Уважаю — деловой подход. Сначала дело сделаем, а потом уже — пожрем, поржем, потреплемся. Кузенька, будь добр, скажи, где сейчас наша первая цель?

— Наша первая цель у фонтана с шампанским, нажирается бурбалками в хлам! — пояснил гоблин и почесал себе сначала афедрон, а потом — нос. Фу!

— Тогда я пошел к фонтану, — я повесил пиджак на сгиб левой руки, получиласькакая-никакая защита, в правую взял трость и с как можно более безмятежным видом двинулся на поиски первого подозреваемого.

* * *

Наверное, кому-то это действительно нравилось: фланировать по парку меж деревьями, обмениваться какими-то фразами то с одним, то с другим таким же бездельником, изредка подходить к столу с угощениями и угощаться — аки птичка

Божья, находить там себе собеседника — и фланировать потом с ним. По мне так — самое идиотское времяпрепровождение. Так дела не делаются, вопросы не решаются — это если с практической точки зрения. С психологической — так всем хорошо известно, что самые душевные разговоры ведутся на кухне, желательно — один на один. Или у костра, под деревом. Там уже собеседников может быть и трое… Вот так, мимоходом, можно разве что самое общее впечатление о человеке составить.

Хотя эта публика, похоже, по большому счету друг друга хорошо знала. Чужаков — таких, как я — тут было не слишком много. Нет, не каждый носил кунтуш и желтые сапоги, мужчины в стильных костюмах или военной форме тут тоже попадались, да и женщин без диадем было полно. Просто — на каждого чужака пялились так, будто пытались провести УЗИ брюшной полости и головного мозга одним взглядом. На меня — тоже.

Мне было все равно — пусть пялятся. Я закатал рукава белой рубашки, расстегнул верхнюю пуговицу и вообразил себя барином на отдыхе. Не считая моей странной миссии к Вишневецким и совместного дела с ордынцами — так оно и было. В конце концов, могу себе позволить поотдыхать во время работы!

— Мадмуазель, — непонятно с какой стати на галльский манер обратился к бойкой чернявой паненке я. — Не подскажете, где тут фонтан с шампанским?

— Пане? — она повернулась ко мне, и ее свободная юбка взметнулась до колен. — Если хотите выпить — я бы предложила «Вдову Клико», я могу провести вас к столику, где как раз стоит парочка непочатых бутылок. Говорят, в фонтане — сущая кислятиина.

— И все же…

— Ну, если вы настаиваете… — в ее голосе слышалось разочарование. — По аллее прямо.

И я пошел прямо, услышав фырканье паненки. А! Действительно, я же должен быть у ее ног, а не за бурбалками бегать. Ну, бывает. Бывает, что мужчина занят делом, а еще бывает, что мужчине плевать на других женщин, когда у него есть своя собственная.

Поглядывая время от времени на потрескивающие над головой тесла-фонари, я продвигался вперед, внимательно осматривая окрестности в поисках белого пальто. И увидел его — сидящего на бортике фонтана с фужером игристого в руках. Фонтан шипел и пузырился — бурбалок там и вправду было предостаточно. Пальто, а точнее — его носитель, черноусый импозантный мужчина с седыми висками — старательно производил впечатление на стайку каких-то совсем молоденьких

шляхтичей и шляхтенок, что-то самозабвенно вещал, размахивая руками и фужером.

И снова я поймал себя на мысли, что видел когда-то и эту манеру жестикулировать, и похожую одежду!

Перехватив тросточку поудобнее, я быстрыми шагами пересек поляну, с трудом игнорируя ломящиеся от угощений фуршетные столы, и — пристроился в непосредственной близости от интересующего меня господинчика.

— … нельзя обвинять в измене, поскольку состава преступления князя Андрея так и не было обнаружено. Тем не менее, до сих пор существует стереотип… — он дернулся, взглянув на меня, вскочил, облившись шампанским, и вдруг заистерил: — Мы же решили все вопросы с вашими коллегами! В чем дело? Почему вы меня преследуете? В конце концов, я тут как частное лицо!

Вот это было для меня крайне неожиданно! Так или иначе — шоком следовало воспользоваться: я ухватил его за локоть и потащил в кусты, значительно произнеся:

— Нет уж, пройдемте!

За спиной я слышал удивленные ахи и охи и отнес их к своим решительным действиям. Однако, оказавшись за пределами поляны и взглянув в лицо моему визави, понял, в чем была суть удивления почтенной публики: вместо импозантного мужчины с усиками и седыми висками на меня смотрел молодой человек с грустными глазами, крючковатым носом и тонкой линией нервных губ.

— Курбский! — пришло озарение. — Ипполит Матвеевич!

— Да что вы прицепились-то, Гос-с-споди Боже! Я вашему Сыскному приказу, будь он неладен, подписку о невыезде дал, и регулярно отчеты о своем местонахождении высылаю! Я что уже — и на прием сходить не могу? Вообще — в чем я виноват? Подставили меня, подставили! Да, сглупил! Но глупость у нас по закону не карается, я никого не убил, ничего не украл! Чего вы хотите-то? Это невыносимо, право слово!

За спиной Курбского появились две страшные орочьи рожи, и я не успел среагировать — Ипполит Матвеевич обернулся и «страциу прытомнасць», как говорят белорусы. Потерял сознание и рухнул на траву. Интересно, это на него так общение с собственными наемными охранниками повлияло, что он теперь от вида уруков в обморок падает.

— Зараз адбудзецца вынас цела, — прокомментировал я.

— Йак? — удивился Бахар на черном наречии.

Но мне это сильно напомнило наше белорусской «як?» Пришлось переводить и пояснять:

— Сейчас произойдет вынос тела. Это Курбский, метаморф. У него лицо менялось не из-за лярвы, а из-за природной магии. Метаморфы они. Хотя — погодите-ка…

Я достал из кармана переданный мне собачий свисток, наклонился к самому лицу Ипполита Матвеевича и свистнул. Я ничего не почувствовал, а орки — они хором выругались на черном наречии. Надо же, какие чувствительные! Курбский, впрочем, тоже ничего не услышал, он не приходил в себя.

— Пойду, макну его в фонтан, может, очнется, — сказал Бабай и аки младенца подхватил метаморфа на руки. — Я не очень люблю Курбских, у меня с ними личные счеты, но… Этот какой-то малахольный. Не верю я в его злонамеренность, кишка у него тонка. А вы — продолжайте. Минус один подозреваемый, это уже плюс. Следующая цель — бледный шляхтич! Давай, Бахар, держи дистанцию!

И пошел к фонтану. А мы двинули на поиски бледного — я по дорожке, Бахар — в тени деревьев.

* * *

Бледного обнаружили через минут десять, за наблюдением за экстравагантными развлечениями почтенной публики. Пара шляхтичей — скорее всего, боевых магов — со страшной силой и скоростью швыряли столовые ножи в официантку. Точнее — в стол. Стол поставили «на попа», официантку поставили плотно к столу и попросили принять пикантную позу. И швыряли — соревнуясь, кто попадет ножом ближе к телу. Ножи были тупые, закругленные — но боевых магов это не смущало, они бы и подкову швырнуть могли так, чтобы она в доски воткнулась.

Девушка стояла ни живая, ни мертвая, по щекам у нее текли слезы, но… Я вспомнил проводниц в поезде и подавил бешеное желание вмешаться. Тем более — бледный реально вел себя пугающе. Глаза его налились кровью, язык время от времени облизывал губы… Какой-то стремный!

— *На упыря похож,* — подсказал Гоша.

— ТАК ОН ТУТ ПО СОЛНЦУ РАЗГУЛИВАЛ, КАКОЙ ИЗ НЕГО УПЫРЬ? — резонно заметил дракон.

Я подобрался поближе к эпицентру событий. Тут вообще все в порядке было с развлечениями: между деревьями по проволоке ходила девочка в ярком клетчатом трико, жонглировали горящими головнями мускулистые молодчики в колпаках с бубенчиками, вокруг какого-то джентльмена в громадном цилиндре выплясывали дрессированные собачки, а две девушки

— то ли одетые, то ли раздетые — делали вид, что показывают акробатические этюды на фонарных столбах, но на самом деле — форменным образом выдавали стриптиз. Еще один лысый и тощий циркач при этом пускал изо рта огонь.

— Да-а-а! — обрадовался один из боевых магов. — Я победил!

— Гляди, она чуть не описалась! — возразил другой. — Грязно работаешь! Но прядь волос — это сильно, признаю. Иди сюда, красавица, теперь — можно! Я тебе сто денег дам.

— Да-а-а? — официантка шмыгнула носом, утерла слезы и приблизилась к шляхтичам.

— Давай, не тушуйся! — на каждую из ладоней девушки легло по монете в пятьдесят денег, а потом оба мага поцеловали ее.

Один — в щечку, второй — взасос. И обнял ее за талию.

— Пошли с нами, милая! — девушка, кажется, не возражала.

Ну и ладно. Бес с ними и с их порядками. Я особенно не расстроился, а вот бледный — тот огорчился очень сильно. На его лице проступила явная гримаса злости, он сделал шаг назад — по направлению к кустам, а потом я моргнул — а он исчез!

— Зараза! — я рванул следом за ним, обежал толпу и циркачей по кругу, нырнул в кусты черемухи, огляделся — никого!

— ДАЙ ПОСМОТРЕТЬ! — потребовал дракон, и я позволил.

…фигуры гостей выделялись яркими пятнами на фоне темных деревьев, нечеткими штрихами пробегали меж фонарями электрические дуги, мощно полыхал силуэт Бахара, который ломился ко мне сквозь заросли. Бледного нигде не было видно! Вдруг, краем глаза, я увидел смутную тень слева, дернулся и…

— Ащ-щ-щ! Какого беса? — левое плечо и шею обожгло болью, а потом — раздался чудовищный, полный страдания вой.

— Ы-ы-ы-ы-а-а-а-у!!!

Честно сказать — я и понять не успел, что произошло! Ухватил себя за шею, почувствовал что-то теплое, поднес ладонь к глазам — там была кровь! Бледный шляхтич в кунтуше, расшитом узорами из петухов, скорчившись на траве, блевал чем-то комковатым, красным и черным, и выл, выл…

Сначала подбежал Бахар, потом — Бабай, после этого — кто-то из стражи…

— ПРОКУСИЛ, ГАД! — в голосе дракона я услышал изумление. — ЭТО Ж НАДО! ПРОКУСИЛ! НИЧЕГО-О-О, ПОДОХНЕТ В СТРАШНЫХ МУКАХ!

— *Упырь все-таки…* — Гоше, похоже, дорогого стоило не ляпнуть что-нибудь в духе «я же говорил, я же говорил».

— Носферату! Стража, стража!!! — суета поднялась страшная, все стали искать жертву, а я — то есть жертва — спрятался в кустах и не отсвечивал.

И вообще — при первом же удобном случае слинял к фургону. Нужно было переодеть рубашку — рана-то затянулась, а рубашка-то пришла в негодность! Благо, запасная имелась в саквояже, так что я принялся стучать в фудтрак. Дверца отворилась, и гоблин Кузя с сырой куриной ножкой в зубах проговорил:

— Ваще-то я ем. И ваще-то Бабай звонил, тебя искал.

— Скажи ему, что я здесь. И готов продолжать операцию, — определенно, происходящее на этом приеме стоило того, чтобы во всем этом поучаствовать.

Пока я переодевался — пришли орки. Они живо обсуждали откинувшего коньки носферату и были этим событием весьма возбуждены.

— Он как будто серной кислоты хлебнул! — радовался Бахар. — Или царской водки. Красота, как проблевался-то! Любо-дорого смотреть. Скотина какая, а? Это он девчонку ту себе в свиту приметил, похоже… Подумать только, пришел на прием…

— Следствие разберется, — мрачно кивнул Бабай. — И вообще — какая кислота? У него там все запеклось, как будто в микроволновке! Это все не может быть совпадением: Курбский, носферату… И паразит! Теперь мы точно знаем, кто — лярва. О, Пепеляев! Не подскажешь, что там такое случилось?

Благо, я успел переодеть рубашку, и они не могли видеть, что четыре крохотные ранки у меня на шее и трапециевидной мышце уже затянулись.

— Нормально все. Я его кое-чем из арсенала поискового батальона накормил, — на ходу сочинил я. — У нас с упырями разговор короткий!

— Поискового? Так ты что, тоже — федоровский? — поинтересовался ордынский атаман. — Это хорошо. Значит, у нас еще больше точек соприкосновения… Как разберемся с этой мутью — надо будет сесть рядком да поговорить ладком…

— Если Гражина Игоревна нас не сожрет, после всей это бесовщины, — с сомнением произнес я.

— Знаешь ее?

— Больше с Иеремией Михайловичем общался, но и с ней знаком. Грандиозная женщина! — не кривя душой, признал я. И тут же перевел стрелки: — Пойдем искать дикую бабу? Где она?

— Была на танцульках, но как носферату нашли — смотреть, небось, побежала… — задумался Кузя. — Лярвы ваще-то до чужих эмоций весьма охочие. Ща я пацанам позвоню, уточню…

И он удалился в фургон. Что у него там за пацаны? Может — гоблины? С другой стороны — откуда в юридике гоблины? А с третьей стороны — а где их нет? Небось, бутылки после приема будут собирать и прочее вторсырье… Такой ушлый народ — ужас!

Представитель ушлого народа дал нам информацию буквально через секунду:

— Женщина эта как раз там, где носферату пакуют. Ваще я все правильно догадался. Я догадливый. Всегда догаживаю… То есть…

— Паразит ее туда привел, точно. Лярве этой чем сильнее эмоции — тем лучше, это совершенно точно известно! — пояснил Бабай, ловким движением хватая гоблина за нос. — План такой: выслеживаем ее, свистим в три свистка, когда дрянь эта себя проявляет — наш нулевка ее хватает и бросает в контейнер!

— А если под кожей будет? — уточнил я.

— Тогда надо скальпелем чиканути! — отмахнулся урук, махнув при этом и Кузей тоже. — Да падажжи ты паниковать, мы ж не убийцы! Чиканем, а потом ультрапантенолом запшикаем сразу, как только вынимем эту бяку! Погнали, щас всё будет!

Честно говоря, меня его напор тоже заряжал. Я никогда не мог похвастать такой бьющей через край энергией, я — человек рассудочный, сначала думаю — потом делаю. А тут… Слабоумие и отвага, как есть! С другой стороны — панночку нужно спасать. Все, что я знал о хтонических паразитах, говорило о том, что срок реабилитации и вероятность возвращения к нормальной жизни напрямую зависят от скорости экстракции симбионта. Поэтому мы рванули вперед. По старой схеме: я — по дорожке, уруки — по кустам. Пробегая мимо того самого фонтана с шампанским, я вдруг увидел Ясю, а она — увидела меня!

На самом деле, все было чуть по-другому: я увидал самую красивую девушку в красном платье, то есть — абстрактную девушку, мой мозг сразу не распознал в ней Вишневецкую. А потом — в голове стрикнуло, я понял, что предо мной — дражайшая Ядвига Сигизмундовна, а я соответственно — пробегаю мимо с большим пластиковым контейнером в руках!

— Пепеляев?! — глаза ее стали величиной с хорошие такие блюдца.

— Яся! Я все объясню! — пропыхтел я на бегу. — Люблю тебя!

А ветер уже в спину с некоторым запозданием доносил ее слова, выкрикнутые с крайним негодованием:

— Опять!.. Без меня!!!

Заминка с Ясей позволила оркам удалиться от меня чуть ли не на полсотни метров, бегали они быстро, примерно как два

гоночных бульдозера — если такие бывают. Пришлось снова включать драконьи глазки — и ускоряться! Потому что на поляне впереди происходило некое непотребство: два черных урука дули в свистки, зафиксировав ту самую чуть раскосую панночку в положении вниз головою, при этом Бабай пытался пальцами удержать ее рот открытым, а Бахар лупил ладонью по… Хм! По ягодицам! Как будто они мечтали из нее что-то вытряхнуть!

— Пепеляев! — заорал Бахар. — Контейнер!

Мигом я подскочил к этой странной мизансцене, запоздало думая о том, что, пожалуй, стоило надеть хотя бы какие-то перчатки. Сунув в рот свисток, я дунул что было сил — и изо рта у девушки показалось *нечто!* Рассуждать стало некогда — я цепко ухватил это нечто двумя пальцами и потянул на себя! И оно полезло! Гадость страшная, на ощупь — что-то вроде слайма, на вид — как черное желе. Я его тянул и беззвучно свистел в собачий свисток, и уруки трясли панночку и тоже свистели, уровень сумасшествия нарастал. Когда огромный ком этой хтонической мерзости ляпнулся наконец на дно контейнера, я мигом закрыл его крышкой — и распрямился.

И увидел целую толпу дружинников Вишневецких с самим Иеремией Михайловичем во главе. Все они окружили нас и были готовы пустить в ход сабли и боевую магию, и, видимо, не делали это только потому, что князь Ярема, разведя руки в стороны, своим жестом как бы удерживал воинов.

— Георгий Серафимович, — его голос был вкрадчивым, даже ласковым. — Ваша светлость князь Сархан… Я так понимаю — вы каким-то образом скооперировались и…

— И — вуаля! — притопнул и прихлопнул ордынский атаман, едва не сплясав «барыню» — Проблема решена! Попутно вычислили Курбского и укокошили носферату! Потрясающая эффективность, а? Ор-дын-ска-я! Никто ничего не понял, но всё получилось! Кто молодцом? Я — молодцом, Бахар — молодцом, учитель этот ваш школьный — вообще молодцом! Всем хорошо, все радуются!

— А у меня попа теперь вся синяя, — пожаловалась панночка, которая ошеломленно вертела головой, разглядывая разыгравшееся вокруг нее светопреставление. Глаза у нее, кстати, теперь нормально располагались. — И штука в контейнере — шевелится. Страшная!

— А! — спохватился я. — Это подарок. Подарок вашему внуку на совершеннолетие! Очень редкий экземпляр лярвы обыкновенной, крупненький!

Я потряс контейнером. Лярва внутри задергалась и забилась о стенки.

— Пепеляев! Ты хоть и рыцарь, и мною посвящен, а берега не путай! — нахмурился Вишневецкий, и его воины подались вперед.

— Еремка, солнышко ты мое, ты понимаешь, НАСКОЛЬКО это редкий и ценный экземпляр, м? И какой уникальный ингредиент? Нет? Вот и помалкивай, — на авансцене появилась Гражина Игоревна, и ее тоном можно былотравить тараканов. Но когда она взглянула на меня, то голос ее стал просто медовым: — Это поистине царский подарок, Георгий Серафимович! Уверена — Димочка обрадуется, он у нас всякими диковинами сильно интересуется. Церемония дарения вот-вот состоится, пройдемте…

— Я только рубашку переодену, можно? — сделал я невинное лицо.

— Через четверть часа! — погрозила пальцем Гражина Игоревна и, взмахнув подолом тяжелого бархатного платья, удалилась.

— Э-э-э-э… Ну, ежели так… — Иеремия Михайлович был слегка растерян. — Ваша светлость князь Сархан, и ты, сударь мой Георгий Серафимович… После окончания приема жду вас у себя. Отказа не приемлю.

И тоже удалился вместе со всем своим войском, прихватив с собой панночку растрепанного вида. А Бахар сказал:

— Ловко ты в воздухе переобулся, про подарочек! И не откажешь тебе теперь, потому как без тебя бы…

— Без него бы мы обосрались, — кивнул Бабай Сархан. — Нулевка в команде — это просто праздник какой-то. Где б нам в Орду нулевок навербовать?

— У меня, однако, — тут же сообразил я. — По договору подряда!

— Хитрый ты… — тут этот громадный черный урук стушевался и почему-то стал корчить рожи Бахару, и оба они бочком-бочком попытались ретироваться.

И я понял, что надо оборачиваться. И обернулся. И Яся сказала:

— Пепеляев, я тебя сейчас убью!

* * *

Глава 4
Рефракция

— Со своей стороны официально заявляю — ваш Пепеляев в первый раз меня увидел два часа назад и явился сюда по какой-то своей надобности. Наше с Серафимычем сотрудничество точнее всего можно охарактеризовать как внезапное! — вальяжным тоном заявил Бабай, привольно раскинувшись в кресле.

Косуху он снял, оставшись в одной черной безразмерной футболке. На груди выделялась белая надпись: «CHUZHIE GUBY TEBYA LASKAYUT». Поразительный тип!

Мы ждали в парадной княжеской приемной: ордынский атаман, я и дражайшая Ядвига Сигизмундовна. Яся все еще подозревала меня в злонамеренном утаивании невероятных приключений и потому — сердилась, но не очень. По крайне мере, бить меня по рукам перестала и отодвигаться дальше и дальше вдоль по дивану прекратила, так что мне удалось приобнять ее за плечи. Благо — мы сидели на одном диванчике, и это тоже было хорошим знаком. Видимо, ход с подарком братику на совершеннолетие был воспринят девушкой благосклонно: братик обожал всяких тварюшек и держал в подвале замка целый не то террариум, не то серпентарий с хтонической живностью, и вообще — мечтал поступить в университет на зоолога — если останется пустоцветом, или химеролога — если инициируется второй раз, а практику проходить в Орде. И живая лярва пришлась как нельзя более кстати!

— Как это так выходит: тебе двадцать шесть, но, пообщавшись с тобой всего два часа, они все начинают звать тебя по отчеству? — Вишневецкая чуть изменила позу и подняла на меня взгляд, взмахнув пушистыми ресницами. Тут я сразу понял, что девушка больше не злится, наоборот — веселые искорки плясали у нее в глазах. — Меня вот Сигизмундовной никто не зовет, даже студенты предпочитают как-то обходить имя-отчество!

Ну, какая из нее Сигизмундовна? Сигизмундовна без имени — это грымза какая-нибудь, навроде охранницы в концлагере Биркенау, а не моя Яся!

— Двадцать шесть? — удивился урук. — Э-э-э-э… Я б сказал, тридцать пять или там — сорок… Чисто по ощущениям! Не, Серафимыч, выглядишь ты классно, молодо, хотя борода тебя и делает солиднее. Но вообще — спортивный такой препод, бегаешь быстро, ловкий, хитрый, вон, как носферату уделал…

Падажжи, кстати, а как ты его так уделал-то? Что ты ему в пасть напихал? Он прям обуглился изнутри, как будто паяльной лампой по потрохам прошлись!

Орк застал меня врасплох. Никакого внятного объяснения, кроме правды-матки о том, что гад напился драконьей кровушки, и его организм не выдержал такого стресса, у меня не было. Но, как правильно заметил Бабай — я его сегодня первый раз в жизни встретил, и раскрывать полузнакомому черному уруку все карты явно не входило в мои планы. Задумавшись, я инстинктивно потер шею в месте укуса, и этот жест от орка не укрылся — глаза его сузились, он цыкнул языком, но был прерван новым действующим лицом:

— Князь ожидает вас в кабинете, — из больших двустворчатых золоченых дверей вышел некий разнаряженный в пух и прах мужчина с вычурным жезлом в руках.

Мне в голову сразу пришло слово «мажордом», но какую сей джентльмен занимал должность на самом деле — это оставалось загадкой. Хотя, вроде бы именно у мажордомов имелись такие жезлы…

— Идите, ребята, идите, — Вишневецкая встала, грациозным и естественным движением расправила платье, никого не стесняясь, пригладила мне рукой волосы, а потом чмокнула в щеку. — Я пойду к гостям, а потом — найду тебя. Ваша светлость…

— … да из меня светлость, как из говна — пуля! — заржал урук, поднимаясь с кресла и мигом заполняя собой всю княжескую приемную. — Нет уж, я настаиваю — Бабай есть Бабай! Мне эти титулы и прочая тряхомудия и нахрен не всрались.

— Тогда и для вас… Тебя! Ядвига, можно — Яся! — Вишневецкая сделала пару шагов к главному ордынцу и протянула орку руку, а он, не будь дурак, осторожно ее пожал. Как равный — равной.

Правильный все-таки парень, хоть и орк. С другой стороны — попаданец! Бог его знает, может, в той жизни он был очень-очень хорошим мальчиком, прямо как Джимми Хокинс? Хотя почему-то мне в это не верилось. Скорее какой-нибудь байкер, реконструктор-бугуртмен или экстремальщик — из тех, что без страховки на небоскребы залезают и к медведям обниматься лезут. Иначе какого беса для его духа самым подходящим приютом стала шкура черного урука?

Мажордом смотрел на нас явно осуждающе, молча порицая задержку, так что мы переглянулись и двинули сквозь открытые створки золоченых дверей. Я обернулся, провожая глазами Ясю,

которая сделала мне ручкой — и упорхнула.

— Заходите, заходите… — раздался голос откуда-то сверху.

Мы вошли, двери захлопнулись, Бабай заозирался, а я, уже будучи человеком в плане общения с князем Яремой опытным, тут же уставился на потолок. Там у Иеремии Михайловича все было оборудовано: удобная оттоманка, ковры, подушки… Все это бес знает, как удерживалось вниз головой, но с него станется — небось, специальные чары какие-нибудь изобрел на этот случай.

Владыка Збаража ел сыр.

— Дор Блю, — пояснил Вишневецкий. — Отвратительно. Никогда не понимал этого удовольствия — жрать плесень.

И откусил еще кусок. А потом вместе с оттоманкой спланировал вниз, мягко перевернувшись в воздухе.

— Жаль, что пить вниз головой не получается, — посетовал он. — С другой стороны, если набрать, например, винца в тюбик, как у космонавтов, то дело может выгореть!

— Можно еще брать с собой шланжик, трубочку… Метров трех длиной, — посоветовал Бабай. — Поставить бутылку на стол, главное — прочно поставить, чтобы не соскользнула. Или сразу — бочонок! Туда запустить шланжик — и сюсёкать.

— Что делать? — удивился Иеремия Михайлович. — Как ты сказал?

Странная словоформа действительно прозвучала очень неожиданно — особенно от брутального и мускулистого черного урука, который говорил хриплым баритоном.

— Ну… Сюсёкать! Смоктать! Да ну вас, не предложу же я князю сосать, на самом деле! — явно растерялся орк.

— Га-га-га-га! — Вишневецкий захохотал так, что затряслись стены, и стали падать подушки с потолка. — Сюсёкать! Это ты от Феодора нашего Иоанновича набрался? Хо-хо-хо! У того — писюн, у тебя — сюсёкать! Что за ясельная группа, детский сад?

— Это… Ну, гы-ы-ы-ы! — орк не выдержал, и зараженный весельем старика тоже усмехнулся.

Ну, и я улыбнулся, для приличия. Два князя, один другого дуроватее… Один я — рыцарь в белом пальто красивый. Хотя нет, в белом пальто — это не ко мне, это к Курбскому.

— Итак! — Бабай стряхнул с себя смешливость и мигом посерьезнел. — Миссия выполнена, лярва поймана, внук ваш — в безопасности. Склонен думать — это было покушение, поскольку на Заруцкую эту Дмитрий Сигизмундович Вишневецкий имел некоторые виды…

— М-м-мда? — удивился Иеремия Михайлович. — Ну, у внучка определенно есть вкус, Заруцкая — девка справная! Хотя, кто ей лярву эту подсадил, и какие с этим последствия для

организма образовались — с этим мы будем разбираться. А Курбский тут какого черта трется?

— А тут вроде как никакой подоплеки нет, он действительно развеяться пришел, на прием. За ним после какой-то истории в Великом Княжестве капитально присматривают… Но это скорее вот Георгий Серафимович расскажет, — ловко перевел стрелки на меня черный урук.

— А я что? Я в Сыскном приказе — внештатный консультант, мне не докладывают! — я поднял ладони в обезоруженном жесте. — Ну да, там была какая-то мутная тема с Вышемирским отделом, что-то с их начальником. Рикович наш, Иван Иванович, здорово бесился, поставил нового начальника — Караулова. А, да, я на последней работе едва не погорел…

— Погорел он… — Иереимя Михайлович состроил страдальческую мину. — Бабай, он прикончил Олельковича, Паца и Гольшанского. Всех троих. И сделал вид, что оно само! А Заславскую — отпустил. Потому что — женщина. Понимаешь?

— Ну ты это… Чудовище прям! — с нескрываемым восторгом глянул на меня ордынский атаман и запустил пальцы в свою шевелюру, растрепав волосы во все стороны. — За один раз — троих? Силен! А я еще спрашивал, как он заставил носферату выблевать свои жареные внутренности!

— А! — Вишневецкий широко улыбнулся. — Наверное, тот его покусал, да? Наш учитель — невкусный!

— Хуже урука? — удивился орк. — Меня один раз вампир укусил, так у него было несварение. Но, кажется, потрохами не рыгал. Расскажешь рецептик, Серафимыч? Это какой-то эликсир? Ты его заранее выпил? А с другой стороны — ты ж нулевка, какой, нахрен, эликсир?

— Расскажешь? — старый князь подмигнул мне, явно издеваясь. Но стоило отдать должное: моего драконского инкогнито он не раскрывал. — Ну, это ты сам решай, что и кому говорить. Меня другое волнует: не бывает таких совпадений! Курбский, носферату, лярва. Явление каждого из них по отдельности — уже большая проблема. Троих сразу — явный злой умысел…

Я поднял вверх руку, как примерный ученик. Два князя — старый и молодой, оркский и Збаражский — синхронно повернули головы в мои стороны.

— Ну-ка, ну-ка… Есть соображения?

— Есть дополнительная информация. Так уж вышло, что в самом конце третьей четверти из разных источников мне прилетела кое-какая информация по поводу Христофора нашего Радзивилла и того инцидента, который произошел в Горыни в

связи с… — я замешкался.

— … с тем, что у меня была беда с башкой, — Вишневецкий сделал небрежный жест рукой. — Говорите при атамане смело, у нас с ним договор — наши дела — это наши дела, и их детали никого больше не касаются. И уж поверьте мне — даже менталисту уровня Заславской будет трудно вытянуть из Бабая хоть крупицу того, что он выдавать не хочет. Рассказывайте!

— Заславская и есть один из моих источников, — я смотрел на выражение лица урука: кажется, он прекрасно знал, о ком идет речь! — Второй источник — Сергей Рыбак, бывший соратник Холода, это…

— … братец Жевуского, — кивнул князь Ярема. — Жирного черта, который хвостом увивался за Кшиштофом Радзивиллом. Преме-е-е-ерзкий тип.

— Точно. Они хотели сделать из Вышемира сервитут. Но Рыбак быстро отказался от этой мысли, когда узнал, что такая идея исходит от Радзивиллов, и они готовы мигом ввести в город капиталы и людей своих клиентов. А еще Сергей Сергеевич узнал от меня о том, что немалая часть проблем, которые обрушились на город и горожан, были вызваны воздействием как раз несвижских некромантов… И Холод, и Рыбак — люди далеко не святые, но точно — мужественные и решительные, а еще — любят наш город, и продавать его чужакам никогда не намеревались. Особенно тем, кто так усиленно гадил нам — месяц за месяцем! Зборовский — новый земский предводитель — взялся круто, но его власть явно пошла Вышемиру на пользу, и влиятельные люди города с такими раскладами в целом смирились. Но не Радзивиллы.

— К чему ты клонишь? — прищурился Вишневецкий. — И вообще, садитесь давайте… Чай, кофе, спиртные напитки? У меня есть хороший каледонский виски, м?

— Ага, — сказал Бабай. — С такими разговорчиками виски — самое оно. Хотя вообще-то я почти непьющий. Но на два пальца — можно… Моих пальца!

Графин с янтарной жидкостью взлетел с дальнего столика, следом за ним утиным клином следовали низкие, толстые, угловатые стаканы. Лед стайкой выплыл из мини-бара, встроенного в стену, и все это великолепие принялось булькать, звенеть и переливаться в лучах света, которые исходили из магических ламп под потолком.

— Вот! — удовлетворенно покивал старик, когда квадратные бокалы оказались в наших руках. — Выпьем — и продолжим разговор.

Виски был хорош, но я его едва пригубил — напиваться не

было никакого желания. И осторожно проговорил:

— Николай Христофор Радзивилл Черный вселился в тело Кшиштофа Радзивилла, так?

— Так, — кивнул Вишневецкий.

— То есть фактически он — попаданец из прошлого… — продолжил я.

Мы с Бабаем переглянулись. Иеремия Михайлович этого, кажется, не заметил. Или не подал виду.

— Так и есть, — сказал збаражский князь. — Натуральный попаданец из шестнадцатого века.

— Насколько мне известно, взаимовлияние реципиента и попаданца весьма велико, — я двигался наощупь, пытаясь не пересечь некие туманные границы. — И порой остаточные идеи, образ мыслей, привязанности, воспоминания и физиология реципиента играют решающую роль в формировании общей личности…

— Пожалуй, известны и такие случаи! — кивнул хозяин замка. — К делу, к делу, Пепеляев! Что ты круги нарезаешь?

— Однако он захотел поиметь нас всех, этот старый лич, — пояснил я. — Вас, меня, Вышемир. Он хотел создать Аномалию в Горыни, возникновение которой легко бы свалил на вас. А получив Аномалию, добиться статуса сервитута и запустить радзивилловские щупальца в мой город было бы куда как легко! Заславская сняла эфирный слепок, пока вас подлечивала, и теперь уверена: не было необходимости в заклинании такой мощи. Он не страховал вас, он хотел использовать вашу силу архимага, чтобы спровоцировать Прорыв. И живущий в вашем мозгу ментальный паразит должен был стать точкой фокуса и впоследствии — хранителем Аномалии.

— Ага-а-а-а!!! — вскочил со своего места Вишневецкий. — А я знал, знал!!! Презлым воздал за предобрейшее! Змей, чистый змей! А он думал, что контролирует Кшиша, а Кшиш подточил его волю за несколько недель! Да и было бы, что там подтачивать! Тут их стремления точно совпали! Радзивилл — он и после смерти Радзивилл, что ему клятвы и узы дружбы, когда можно целый уезд своим родичам в лапы передать! У-у-у-у, подлюка! Я ведь от души, мы ведь… Эх… А навешал-то мне лапши, а? Мол, родственничков проведать едет, мосты навести… Навел, скотина! Черта с два его теперь из Несвижа выколупаешь!

Он здорово раздухарился. Забегал по комнате: по полу, стенам и потолку, потрясая кулаками, ругался сквернымисловами и грозился объявить войну и вырезать весь их род до седьмого колена. Его можно было понять: воспользовавшись тяжким душевным недугом, старый некромант втерся к нему в

доверие… Да что там — и я демонстрировал потрясающую наивность в этом деле, сосредоточившись на школе, экономических проектах, инициациях и… И Ясе, конечно! Вот что значит — пытаться объять необъятное! Понадеялся, что старый Вишневецкий разберется сам…

Князь меж тем успокоился, соскочил с потолка, сел на оттоманку:

— Повезло мне с тобой, Пепеляев. Если бы ты Заславскую ко мне не притащил, если бы сам не… — он глянул на Бабая. — Если бы с этим недохранителем не разобрался — гореть бы мне уже в аду, а Вышемиру — быть сервитутом под пятой Радзивиллов… Как думаешь, атаман, расклад реальный? Или мы тут навели тень на плетень?

Урук наблюдал за нами молча все это время, скрестив мощные татуированные руки на груди. Он буравил меня своими орочьими бельмищами, и выдержать его взгляд было тяжеловато, особенно — не призывая дракона.

— Я точно знаю, что злонамеренная организация прорыва Хтони возможна, я видал такое, — сказал он. — И я совершенно уверен, что реципиент очень, очень сильно влияет на попаданца. Вне всякого сомнения. Я не сталкивался с Радзивиллами, но имел дело с Ермоловыми — они не некроманты, а Темные, но начинка у такого рода магов примерно одинаковая. Думаю, они не отступят от Вышемира, если только не столкнутся с обстоятельствами непреодолимой силы.

Иеремия Михайлович посмотрел на меня, я — посмотрел на него. Мы переглянулись.

— Я не буду вступать в войну из-за земского города, — серьезно сказал Вишневецкий. — Ты все правильно сделал, что приехал сюда, Пепеляев, и сказал мне это здесь, в моем средоточии силы. В своих владениях я могу принять взвешенное решение… И я его принял. Да — меня оскорбили, воспользовались моей слабостью. Но это между мной и им, между Иеремией Михайловичем Корибут-Вишневецким и Николаем Христофором Радзивиллом Черным, а не между нашими кланами. И я страшно отомщу личу… А сейчас — я не могу стать причиной нового грандиозного кровопролития! Если мы схлестнемся с Радзивиллами, заполыхают все западные земли Государства Российского, от моря до моря! Думаешь, твои приятели — Олельковичи, Пацы, Гольшанские и прочие — они останутся в стороне? А сколоти эти кланы коалицию — ко мне тут же примкнут Сапеги и…

Он перечислял фамилии, а я думал про Феодора Иоанновича. Снова — его сценарий! Однако — все говорило о неизбежности

феодальной войны. Или нет?

— А вообще-то… Вы правы! Ну их к бесам! — неожиданно сам для себя выдал я. — Да пошли они!

— А? — удивился Бабай.

— Собака лает — караван идет. Мы можем просто продолжать делать то, что делаем, это будет лучшей тактикой. Они хотели нас поиметь — но мы-то сами их поимели! — уточнил я и потер руки.

— Да-а-а? — на лице Иеремии Михайловича расцвела улыбка. — А ведь действительно! Ни черта у них не вышло! Представь, как они сильно огорчились, уверен, когда Христофор приехал в Несвиж и рассказал все Скрежету с братцем, как там его — Доброй Ночи? — они рвали волосы на себе! Вышемир — до сих пор земщина и крепнет от месяца к месяцу, нефть уплывает к Пепеляеву-Гориновичу, Вишневецкий — то есть я — теперь снова в силах тяжких… Богатства Горыни — тоже у тебя, их лич потерял бесповоротно. Ядвига…

Тут он замолчал. Мы оба помнили тот разговор.

— Ядвига решит сама, — нажал голосом я. — Это — вторая цель моего визита, помимо происходящего сейчас разговора. Курьерская доставка Орловых уже должна была привезти сюда байдарку и снаряжение…

— Байдарку? — поднял бровь урук. — Какую байдарку?

— Трехместную, но мы поплывем вдвоем… — туманно ответил я.

— Кто — мы? Куда поплывем?

— Горынь, — сказал я. — Это не только озеро под Вышемиром. Это еще и речка, которая течет от самого Збаража до Припяти. А по Припяти можно доплыть до Мозыря, а если не останавливаться там, то попасть в Днепр, а по Днепру — в Вышемир. Совпадение?

— Не думаю! — откликнулся Бабай, и мы вдвоем по-кретински хихикнули.

— Значит, ты собрался украсть мою внучку? — нахмурился Вишневецкий.

— Именно! — кивнул я. — Весенние каникулы не резиновые, очень быстро закончатся. Надо успеть!

— Ничего не понятно, но очень интересно! — заявил Бабай Сархан. — Ты вот что, Серафимыч… Ты, может, к нам в Орду решишь? Ты вроде как педагог? Мне очень нужен толковый педагог. У меня есть сотен пять или десять гребаных папуасов, которым очень не хватает некой системы в воспитании и образовании… Это такой материал для написания научных работ по девиантностям, ты не представляешь! Я ведь нутром чую —

есть в тебе одновременно и внутренний стержень, и некий элемент распи… Э-э-э… Долбо… М-м-м-м… Элемент вольности! Ты наш, ордынский!

— ЭТО НЕ СТЕРЖЕНЬ, ЭТО Я! — возмутился дракон. — САМ ТЫ — СТЕРЖЕНЬ!

— Знаешь, мне очень льстит твое предложение, — честно сказал я и почесал бороду, задумавшись. — И Орда ваша мне нравится, я, когда в Мозыре бываю, то к вам постоянно захаживаю, обаятельные там у тебя сотрудники работают… Но есть одна проблема.

— Это какая? — удивился Бабай.

— Я с детства не люблю командные виды спорта. Никогда не понимал футбол: какого беса они все бегают за одним мячиком и орут друг на друга? В чем тут смысл? — это было истинной правдой.

— А мне футбол нравился, — вздохнул урук. — Я был вратарем-водилой. А какой вид спорта тебе по душе?

— Айки-крав-мага, — развел руками я.

— Это что еще за чертовщина? — удивился Иеремия Вишневецкий.

И был тысячу раз прав.

* * *

Глава 5
Коммуникация

Я проснулся внутри роскошной кровати под пышным балдахином. Роскошь, пышность, вычурность — эти определения меня уже достали за время пребывания в юридике Вишневецких. Особенно — во дворце. Я был чужим на этом празднике жизни, меня никогда не привлекала эстетика излишества, я любил минимализм и надежные, простые вещи. Если говорить, например, об одежде, то «Олива» — пожалуй, квинтэссенция моего вкуса. Удобно, практично, мужественно. Да, мне нравились еще и костюмы — пиджаки, брюки… Например, два костюма: легкий и утепленный. Ну, пусть еще по одному на каждый сезон — мало ли, порвется-испачкается. Но за каким бесом человеку — если он мужчина, конечно, — более четырех костюмов — я никогда не понимал.

Нет, если человек — девочка, то тут вопросов нет. Девочки — самые красивые природные явления в мире, пусть украшают собой окружающую действительность со всем возможным разнообразием.

И зачем на кровати позолота? Как позолота может улучшить качество сна? И зачем балдахин, если благодаря охранным чарам комары и прочие кровососущие насекомые Збаражский замок облетают стороной? Вся эта марля, тюли и шелка — чистый бред! Да и вообще — от слишком мягкой перины спина болит, даром, что здешнему моему телу 26, и я вообще отчасти дракон.

— ДРАКОНЫ ЛЮБЯТ СПАТЬ НА КУЧЕ ЗЛАТА И СЕРЕБРА! — подал голос дракон. — ИЛИ В КОМПАНИИ ПРЕКРАСНЫХ ДЕВ.

— Что касается компании прекрасных дев, тут мы с тобой необыкновенно солидарны, — признал я. — Мне бы хватило и одной, но, похоже, в отчем доме положено соблюдать некие правила. Это ж юридика — тут правил и традиций вагон и маленькая тележка…

— *А где одежда?* — удивленный Гоша — это было что-то новенькое, так что я мигом вскочил с кровати и уставился на стул, куда аккуратно, по-военному, развесил брюки, жилетку, рубашку и пиджак.

Ничего этого не наблюдалось. Нет, в саквояже, конечно, имелся комплект оливы — я же собирался, в конце концов, воспользоваться байдаркой, но этот костюм мне был дорог как память! В конце концов — первая серьезная покупка в мире Тверди! Впрочем, одежда — это был второстепенный вопрос.

Первостепенной важности тема после сна находилась за расписной дверцей — там имелся и душ, и уборная. И полотенца, и халат, и всякие-разные гигиенические принадлежности — на гостях Вишневецкие не экономили.

Стоя под тугими горячими струями воды, я поймал себя на том, что пытаюсь услышать, что там поделывает дядя Петя из соседней квартиры… М-да, можно вывести человека из земщины, но не земщину из человека! Даже если он — дракон.

Выйдя наружу посвежевшим и запахнутым в халат, я застал у своей кровати какого-то блондинчика в свитке. В одежде такой, а не в пергаменте, скрученном в трубочку.

— Ваш наряд, пан рыцарь! — он едва ли поясной поклон передо мной не вломил, но был прерван.

— Однако, ты кто такой?

— Тараска, Микулин сын! — отрапортовал он. — Коридорный!

— Где моя одежда, Тарас Николаевич? — очень вежливо поинтересовался я.

— Вот, пан рыцарь!- он протягивал мне стопку чего-то явно пышного и вычурного — снова.

Сверху стояли желтые сапоги, чтоб их бесы съели.

— Меня Георгий Серафимович зовут, — объяснил я. — Еще раз назовешь паном — будем учить с тобой Уолта Уитмена, «Песню о выставке». Наизусть.

— А… — несчастный Тарас знать не знал, что ему делать. — Приказано вам вот наряд доставить, тут блуза, кунтуш, шаровары, жупан и сапоги — желтые, как подобает…

— Кому подобает? — уточнил я, постепенно зверея.

— Ясновельможному пану! — понятно, что сам он виноват ни в чем не был, выполнял распоряжения кого-то большого и важного, но…

— Итак, повторяем за мной, Тарас Николаевич… — я взмахнул рукой и начал декламировать:

— … *О, мы построим здание*

Пышнее всех египетских гробниц,

Прекраснее храмов Эллады и Рима.

Твой мы построим храм, о пресвятая индустрия!

Я вижу его, как во сне, наяву…

— Помилуйте, не проклинайте! — рухнул на колени коридорный. — Я же ничего…

— Давай, Тарас Николаевич, проведи меня туда, где сейчас находится моя одежда. И не смей мне дурить голову, мол, «не высохла», «не успели постирать» и всякое такое прочее. Мы с тобой оба знаем, что тот уровень магии и технологии, которым

располагают Вишневецкие, способен справиться с моим любимым клетчатым костюмом в худшем случае минут за двадцать… Вставай давай, Тарас Николаевич, хватит комедию ломать!

— Я ничего не ломал, пане! — в ужасе вскричал он.

Я тяжко вздохнул и снова взялся за Уолта не нашего Уитмена:

— Долой этот разнузданный ад, этот кровавый наскок, словно мы не люди, а тигры.

Если воевать — так за победу труда!

Будьте нашей доблестной армией вы, инженеры и техники,

И пусть развеваются ваши знамена под тихим и ласковым ветром!

Тараска вскочил, ляпнул на кровать стопку одежды и, чуть не плача, сказал:

— Не сносить мне головы, па… Герман Серапионович, но лучше уж на плаху, чем такие ужасы слухать! Поведу вас в прачечную… Но вы за меня словечко замолвите?

— Замолвлю. Скажу, что подверг тебя пыткам! — пообещал я.

— Жестоким пыткам! — закивал Тарас Николаевич.

Он вел меня сначала по коридору, потом — по винтовой лестнице, и, прыгая со ступеньки на ступеньку, все повторял:

— «Пресвятая индустрия!» Это ж надо такое придумать — «пресвятая индустрия!» Богохульство-то каковое!

Я шел в халате и в тапочках и особенно не смущался. А чего мне смущаться? Вот в желтых сапогах мне, полешуку, было бы очень стыдно. Я бы лучше с голым афедроном прошелся, чем сапоги эти надел. А в халате — комфортно, даже тепло… Мы спустились куда-то в район пятого круга ада, глубоко под землю.

— Тут — темница, там — прачечная и складские помещения, — пояснил коридорный. — Нам — налево. В темницу пока рано, да и не очень хотелось бы.

Вдруг я услышал из-за железной двери знакомы хриплый баритон. Там явно орудовал Бабай Сархан!

— Лурц, гребаный ты папуас, ты сведешь меня в могилу! — слышался его громовой рев. — Ладно эти дефективные, но тебе-то за каким хреном сраные зимние яблочки понадобились, а? Что, кисленького захотелось? Ты у меня компот с синильной кислотой до конца жизни пить будешь! Я тебе набью на левой груди татау с оскоминой, а на правой груди — татау левой груди! Как выглядит оскомина? Попи…говори у меня еще, малолетний бубхош багронк! Давай, вылезай оттуда и аборигенов этих мелких вытаскивай… Дожили, ять, целую команду черных уруков поймали какие-то шляхтюки! А й-о-о-оп вашу… И высекли вас? Стыдоба! Я отдам вас Перепелке в вечное рабство, он вас сначала

шомполами запорет, а потом научит яблочки воровать, мои ж вы обосранцы! Позорище всего ордынского народа!

Постепенно причины появления Бабая на приеме у Вишневецких проявлялись во всей своей красе… Похоже, отлавливая лярву в парке, он выплачивал долг за косяк своих подчиненных!

— Нам налево, — опасливо косясь на дверь, повторил Тарас Николаевич.

— Ну, ладно. Налево — значит налево, — не стал спорить я.

— Людка-а-а-! — заорал коридорный, едва шагнув внутрь прачечной. — Тута па… Э-э-э… Постоялец из седьмого! Хочет себе костюм взад завернуть.

— СЕБЕ В ЗАД ЗАВЕРНИ! — рыкнул Пепел.

Я подавился усмешкой, сунул руки в карманы халата и стал ждать.

— Это чегой-то ясновельможному пану кунтуш не понравился? — раздался женский голос из глубин прачечной.

— Чш-ш-ш-ш, дура, он щас опять свою чертовщину читать начнет, Григорию Сатьяграховичу не ндраицца, когда его паном кличут!

Моей реакцией на такой пассаж стал типичный жест рука-лицо: с запоминанием имен и отчеств у бедового коридорного явно имелись проблемы! Но, поскольку и костюм, и рубашка предстали предо мной в самом приличном виде, то дальнейшее курощение Тараса Николаевича я решил прекратить. Скинул халат, быстро оделся, стоя босиком на каменных плитах пола, грозно глянул на своего провожатого — и тот мигом принес начищенные ботинки с новыми шнурками.

— Ну, носки-то, Гавриил Самвелович, возьмите уж эти? — коридорный протянул мне пару.

Ничего крамольного в них я не увидел. Разве что цвет — красный, ну это уж меня слабо волновало. Так что спустя минуту я был одет, обут и готов к новым свершениям. Например — очень хотел найти Ясю и Бабая, к обоим у меня имелись серьезные разговоры. Но…

— Завтрак в малой столовой! — хлопнул себя по лбу Тарас Николаевич. — С меня шкуру снимут! Пойдемте, пойдемте, Гавриил Соломонович!

Интересно — а если бы я не проснулся вовремя, что бы он делал? И вообще вовремя — это во сколько? Который сейчас час?

* * *

Честно говоря, я слегка переживал по поводу завтрака: вдруг там какие-нибудь сложности начнут подавать, с кучей столовых приборов и непонятными блюдами? Ан нет — тут у нас бал правила галицко-русско-польская шляхта, а не всякие галльские месье, так что завтрак тоже был шляхетский: огромная яичница с жареными колбасками, помидорами, огурцами, всякой зеленью, хлебом… Или — гурьевская каша, на выбор. Женщины в основном предпочитали второй вариант, мы же с Бабаем, оказавшись за столом плечом к плечу, налегали на калорийную пищу.

Я и орк были единственными, кто не придерживался традиционных шляхетных нарядов. Орк, видимо, достал откуда-то из закромов довольно приличную и, кажется, чертовски дорогую черную рубашку, в которую, наверное, могли бы влезть двое таких, как я. Да и джинсы по такому случаю, как торжественный завтрак, оказались у него черного цвета и не рваные. Вроде как даже от какого-то ингрийского дизайнера. Ну, надо же!

Однако, имелся тут кое-кто, на кого смотреть было гораздо приятнее, чем на верзилу-урука! Яся отлично выглядела в своем длинном, в пол, платье с открытыми плечами. И диадема ей шла. Разве что сидела девушка очень далеко — на женской половине стола, рядом со своей бабушкой, и нам оставалось только переглядываться. Во главе, конечно, восседали старшие Вишневецкие, окруженные внуками.

— Так ты своих выручал? — уточнил у Бабая я. — Пока за костюмом ходил — случайно услышал, как ты там в темнице кого-то распекаешь, уж извини…

— Я ж говорю — папуасы! Яблочков им захотелось! Шла в Паннонию колонна из таганрогских снага, с ними — несколько таборных уруков с семьями. Я встречать их Лурца послал, может, слыхал — Желтая Майка? Нет? Ну, он парень лихой, но надежный, а чтобы в Инферно пройти грамотно — опыт нужен или проводник, который там бывал. И эти черти, ну — молодняк урукский таборный, его как-то уговорили за яблочками забежать! А про то, что сад на территории юридики Вишневецких находится — забыли предупредить. Когда это вообще их останавливало? Вот и представь: добыли сторожевых собак…

— В каком смысле — добыли? — удивился я.

— Ну как, в каком? — вздохнул атаман. — Как добычу добыли. Там такие собачки — по семьдесят кэгэ весом! Добыли, значит, нафаршировали яблоками и на костре стали жарить, вместо вертела используя вырванную из ограды сада арматуру…

— Однако! — мои брови поползли вверх. — Вот это —

трудные подростки!

— Мутанты они и демоны… Короче, пока гребаные папуасы кулинарией занимались — их и зажопили, — обобщил Бабай и, забывшись, ухватил сразу две колбаски руками и принялся жевать. — А я их вытащил!

— А почему — сам? — уточнил я. — Ты же целый атаман и князь, важная шишка!

— Натура такая, — пожал плечами он. — Вот я про тебя справки навел: ты ведь и правда препод! На кой хрен ты в школе корячишься, если весь из себя рыцарь и землевладелец? Во-о-от! И я потому по Хтоням бегаю и тварюшек ловлю. Не могу по-другому. Княжество там, атаманство — это все просто прикрытие. Мир вокруг такой: чтобы быть свободным, нужно быть влиятельным и сильным. И если я хочу и дальше причинять добро, наносить радость и внушать народу счастье — то приходится играть по правилам. Надо было стать князем — пожалуйста, вот он я, князь Хтонический, отцепитесь. Но сесть на жопе ровно и скипетром размахивать? Не-е-ет, с этой дичью и без меня справятся… Смекаешь?

— Целиком и полностью смекаю… — мы с ним были очень разными, но понимали друг друга прекрасно. — У тебя свой пунктик — эта твоя Орда, у меня — свой.

— Дети?

— Дети, — кивнул я. — Хочу, чтобы у них было право выбора, вот что. Чтобы они могли выбирать осознанно, без песка в глазах, понимаешь?

Орк с деловым видом забросил в пасть еще три-четыре яйца, прожевал и сказал:

— Ага. А я хочу дать любому, даже самому распоследнему пропащему снага второй шанс. Упустит — ну, кабздец ему, выпотрошу, скальпирую и выброшу на помойку. И жаба по нем не кумкнет… Но второго шанса заслуживает всякий…

— Всякий? — напрягся я.

— Ясное дело, если он не мучит маленьких детей и не кушает людей! И не вытирает хрен об занавески! — заржал Бабай, и тут мы заметили, что все пялятся на нас, хотя до этого вели чинные-благородные разговоры.

— Спелись, значит, — проговорил со своего конца стола старый Вишневецкий. — Какой кошмар. Кто посадил их вместе?

— А с кем бы ты предпочел, чтобы они сидели, дражайший мой супруг? — спросила у мужа Гражина Игоревна.

Паны и паненки за столом нервно стали переглядываться. Яся и ее братья — заулыбались. Иеремия Михайлович сначала нахмурился сурово, а потом негромко рассмеялся:

— Что ж, будем считать — это тонкая интрига по завязыванию неожиданных союзов… Ядвига — окажи любезность Георгию Серафимовичу, проведи ему экскурсию по замку. А мы с его светлостью паном-атаманом обсудим наши скучные и обыденные дела…

Конечно, конечно… У безумного князя и безбашенного атамана — обыденные дела. Скучные. Но идея прогуляться с Ясей мне очень нравилась! И ей, видимо, тоже. А что? Официальное распоряжение главы клана! Такие распоряжения исполнять — одно удовольствие. Хотя подобный расклад и подталкивал меня к тому самому разговору — третьей причине моего приезда в Збараж.

* * *

Даже сквозь материю брюк я чувствовал жар от молодого, сильного девичьего тела. Яся ко мне льнула, взяв под руку и прижимаясь бедром.

— Я чертовски по тебе соскучилась, чес-слово, — сказала она. — И полностью одобряю твою идею со сплавом, хотя и не понимаю всей подоплеки, да?

— Да… — признал я. — Подоплека есть. Такая, довольно дерьмовая.

Мы обходили замок по кругу, Ядвига вела меня в гараж — ей не терпелось показать мне свою коллекцию гоночных авто. Ну да, у нее была коллекция гоночных авто! Вообще, если честно, чем больше мы гуляли тут, тем больше я понимал значение слова «мезальянс», которое так резало мне слух, когда его произнес Вишневецкий.

Этот клан был неприлично богат. Я не знаю, сколько миллионов денег хранилось в казне Збаража, сколько — лежало на счетах в банках Государства Российского. Но, кажется, они могли позволить себе всё, что угодно. Вообще — всё. И тем более странным, и тем более ценным для меня был выбор Ядвиги. Она жила в Мозыре, работала в колледже, хотя могла купаться в роскоши, мановением руки управлять жизнями сотен и тысяч человек, получать все мыслимые и немыслимые удовольствия… Нет, я не принадлежал к тем ханжам, которые считают, что мужчина обязательно должен быть богаче…

Однако я собирался связать с ней свою жизнь. И не собирался жить на подачки ее родни, это точно. У меня была идея фикс — разграничить все ресурсы, что упали ко мне с неба, и пустить их на благотворительность. А добытые честным разбоем… То есть —

собственными усилиями — этими уже пользоваться. Как, например, с Горыньской усадьбой и охотничьим домиком Ходкевичей. Его я получил сам, по условиям мирного договора.

— А как ты избежал почетного права обрядиться в кунтуш и желтые сапоги? — поинтересовалась вдруг Ядвига. — Бабушка же явно как-то пыталась тебе подсунуть соответствующий наряд, а?

— Пыталась… — усмехнулся я. — Но Уолт Уитмен оказался сильнее.

— Кто? — глаза Вишневецкой широко открылись. — Какой Уитмен?

— Не только, в конце концов, созидать, открывать,

Но также и приносить сюда, может быть, издалека то, что уже открыто,

Наделяя это нашей, собственной сущностью, естественной, безграничной, свободной,

Наполняя этим огромную неодухотворенную массу, оживляя ее огнем животворной веры,

Не рушить и бунтовать, но скорее впитать, переплавить и возродить! — торжественным тоном принялся начитывать я. — Я пригрозил слугам, что заставлю выучить наизусть всю «Песнь о выставке», и мой костюм нашелся моментально…

— Страшно… Красиво! И почему-то тебе подходит, — признала Вишневецкая. — Никогда не слышала… Но так мучить прислугу — это очень жестоко! Ты свирепый тип, Пепеляев!

Золоченые ворота подземного гаража открылись, и Яся потянула меня за собой за руку:

— Смотри, эти все отечественные! Вот там — три «японца», тут — галлы, а это — авалонский «Турамбар», очень мощный, но пафосный, мне такие не очень нравятся! — мы были уже в гараже, и она показывала мне аккурат на того монстра, который доставил ее к ступеням Минского театра оперы и балета. — Но в городских условиях ему равных нет.

— Все цвета радуги! — усмехнулся я. — Понятно теперь, как ты их под платья подбираешь!

— Ага! Но «Урсы» у меня нет! Я всегда хотела себе «Урсу», но знаешь — думала, что как-то оно не женственно…

А я смотрел на гражданскую версию танка «Чурила», без динамической брони и главного орудия, но — с башенкой. Танк был выкрашен в розовый цвет.

— А это, однако, женственно, да? — я не мог сдержать улыбки.

— Очень! На нем я ездила на выпускной! — запрыгала на месте Яся.

— Выпендрежница! — я ухватил ее за талию, но девушка

вывернулась.

— Хи-и-и-и, чес-слово, Браницкая со своим паланкином и оттоманскими дэвами в качестве носильщиков просто чуть не уписалась от злости! — она ни капельки не обиделась. — Кстати! Хочешь — мы его в Горынь загоним? Мне он больше не нужен, а…

— Хм!

— Ладно, ладно! Я поняла! Я помню — ты консерватор и ходячий домострой. Ты хочешь все сам! Купишь мне машину? — она сложила ладошки и уставилась на меня своими блестящими глазками, точно, как Кот в Сапогах из «Шрека». — А эти продадим и пустим на твой партизанский летний лагерь. Или — на магическую Академию, что ты там задумал открывать?

— Что — серьезно? — удивился я. — Вот так просто? Нет, то есть, машину куплю — хоть завтра. Она даже ездить будет! Но… Послушай, тут ведь просто пещера Али-Бабы, и…

— Нам нечего терять, кроме наших оков! — пожала плечами Вишневецкая. — Это Бабай Сархан говорил? Или Карл и Марла? По крайней мере — для меня именно так все и обстоит. Это — цепи, оковы. Золотая клетка. Отсутствие выбора. Груз, который висит над головой и когда-нибудь должен обрушиться на плечи. А я не хочу! Не хочу — и не буду! Я рада, что Дмитрий растет таким смышленым парнем, и что ему уже восемнадцать. Из него выйдет отличный глава клана… Знаешь, до того, как я тебя встретила — это было почти предрешено, ну, что Збаражем после смерти деда и бабушки буду править я. Дед до сих пор надеется, но зря. Во-первых — они еще крепкие старики и проживут лет двадцать, не меньше — если их никто не убьет. А во-вторых — я выйду за тебя замуж, возьму твою фамилию и откажусь от прав на это место за себя и за наших детей. Довольно им будет и того, что добудем мы — своими собственными руками.

— Яся-а-а-а… — я притянул ее к себе и обнял, вдыхая запах ее волос. — Знаешь, что?

— М? — она шмыгнула носом, как обычная вышемирская девчонка откуда-нибудь с окраины.

— Я тебя никогда не брошу, если ты меня не бросишь. Я всегда к тебе вернусь, так и знай! Пока ты не скажешь мне, что я тебе противен, что ты не любишь меня и не желаешь меня знать — я буду рядом. Да и если скажешь — тоже буду рядом, просто ты знать об этом не будешь… — меня просто распирало от нежности, внутри было тепло-тепло, но совсем не так, когда разгорается драконье пламя. — А то вдруг тебя заставили, или ты чего-то там напридумывала и хотела как лучше? В общем — так и знай, Яся, я…

— Я тебя услышала, Пепеляев. И я к этому отношусь очень

серьезно, — она подняла на меня глаза, а потом — хоп! — и вытерла нос, и проморгалась, и спросила: — Так что там за подоплека такая, у твоего приезда?

— Эх! — я сунул руку в карман пиджака и подумал, что не зря попросил ее заглянуть в мою комнату и забрал бумаги с собой. Хорош бы я был сейчас без доказательств. — Держи, вот.

И отдал ей несколько конвертов. Вишневецкая развернула первый из них и прочитала:

— Вольному рыцарю Георгию Пепеляеву-Гориновичу, владетелю Горыни от князя Ростислава Ольшанского… Это что — вызов на дуэль? — она перетасовала пачку конвертов, вчитываясь в имена отправителей. — Это всё — вызовы на дуэль, да? От Пацев, Гольшанских и Олельковичей? Да тут их целая пачка!

— Тем хуже для них. — сказал я. — Магнаты поняли, что не могут объявить мне войну, потому как их лидеры сами выбрали напасть на меня в Хтони. Нет вообще никаких доказательств для любой версии, и нет свидетелей — кроме Заславской. Но она просто взяла — и уехала в Паннонию, попросила политического убежища в Орде.

— … а из Орды выдачи нет! — кивнула Ядвига. — И пришедшая к власти молодежь решила смыть пятно на репутации кровью… Но они понятия не имеют ведь, с кем связались, да? Чесслово, они ведь зря это затеяли!

— О, да, — кивнул я. — Я устрою им Великую Дефенестрацию и Хрустальную ночь — под одной обложкой. Ты поможешь мне? Ясь, мне просто больше просить некого. Честно. Так уж вышло — тебе я доверяю больше всех. Ты даже про пистолет за бачком знаешь, больше — никто!

— Пепеляев, ты дурной дурак! Ты что вообще задумал?! — она спрятала лицо в ладонях, а потом медленно выдохнула. — Конечно, я за тебя, затебее не бывает, я вообще и секундантом могу быть, я ведь маг и аристократка, но… Что именно ты хочешь провернуть?

— Для этого нам понадобится байдарка, маг воды и — добраться до Ольшан за три дня! Пока не кончились весенние каникулы, а в Ольшанах юный дефективный князь Ростислав не отгулял торжества по поводу своей инаугурации! — решительно заявил я.

Нет, идея и мне самому не очень нравилась, но лучше бить на упреждение, чем ждать войско трех магнатских кланов в Горыни. У меня и так проблем хватает — те же Радзивиллы, например.

— А… Ого! Вот оно как! — она на секунду прищурилась, личико ее стало серьезным. — И что, ты прям собираешься с ними всеми драться?

— Ага. «Хочу на вы идти!» — пафосно произнес я и выпятил грудь.

По сравнению с тем, как выпячивает грудь Бабай Сархан — получилось, честно говоря, не очень убедительно. Но я старался.

* * *

Глава 6
Рекреация

— Что, внуча, просто так возьмешь и уедешь с ним? — Гражина Игоревна стояла на мостках, уперев руки в бока.

Выглядела главная збаражская пиромантка действительно величаво, как настоящая княгиня из сказок. И брови хмурила грозно. Но на младшую Вишневецкую ее суровый вид, похоже, производил мало впечатления. Может, иммунитет выработался? Или мое присутствие сказывалось?

— Не уеду, а уплыву, — невозмутимо кивнула Яся и подала мне второй рюкзак. — У меня дело к одному водяному. Живет в районе Столина, страшный хам. И по пути кое-какие исследования проведу. Да и вообще — разлив, половодье началось, грех не воспользоваться!

Я слушал все это с интересом — и про водяного, и про ее планы. Это сочетание некоей лихой бесшабашности, деловитости и искренности меня в Ядвиге всегда очень привлекало.

— Моя девочка… — лицо старшей Вишневецкой разом подобрело. — А я думала, у тебя романтические бредни на уме… А ты о деле думаешь. И вправду, для аквaманта весеннее половодье — самое благодатное время. А вот меня аж выкручивает каждую весну, нервы на взводе… Ну, это все стариковское, тебе об этом нечего думать! И далеко поплывете?

— Так говорю — к Столину. Вот, Георгия попрошу — он водяному по жабрам настучит. А то хамит, гад такой, беззубок на дне прячет, а мне пробу на тяжелые металлы нужно взять! А сама я как ему настучу? Что обо мне подумают? Я же — девочка! — Яся взяла с мостков тяжеленный кофр со своим научно-магическим оборудованием и протянула мне. — За несколько дней обернемся, а там и в колледж пора, у моих практика кончается, семинары надо вести…

Последняя реплика вызвала явное сомнение и скепсис у Гражины Игоревны, но вслух княгиня-бабушка ничего не сказала.

Я протянул руки и подхватил кофр. Он отправился так же, как и остальные — в середину байдарки. Хорошо, что взял трехместную, грузоподъемности хватит! Не знаю, что там напаковала Ядвига, но суденышко всерьез просело. Это учитывая несколько моих непромокаемых мешков со снаряжением, которые прилетели доставкой, конечно. Девушка наконец грациозно скользнула в лодку, устроилась на носу, взяла в руки весло и спросила:

— Ну, отчаливаем? — на лице у нее поселилось выражение явного счастливого предвкушения.

Думаю, на моей физиономии можно было прочесть что-то очень похожее. Душа пела — вот, как можно было охарактеризовать мое сиюминутное состояние. Я оттолкнулся от мостков и парой мощных гребков направил байдарку вперед по мутным вешним водам реки Горынь.

Гражина Игоревна стояла на берегу и качала головой, то ли одобряя, то ли осуждая наше поведение. Ох уж эти бабушки — не поймешь их! Да и сама она, наверное, не понимала.

* * *

Каждый год к концу зимы у меня внутри все просто свербело. Хотелось зелени, солнца, ощущения свежего теплого ветра на лице. Прочь от грязного снега зимнего города, от выхлопных газов и черного асфальта! Прочь из душных, невыносимо протопленных квартир с раскаленными батареями!

Ну да, материалисты могут начать говорить об авитаминозе, но поверьте — даже ежедневная пригоршня капсул мультивитаминов не спасают от этого сильного чувства. Там, на Земле, до того, как меня подкосила болезнь, я каждую весну как можно раньше, в идеале — на каникулах между третьей и четвертой четвертью — вырывался с командой байдарочников на разлив — на сутки, двое, как позволит сумасшедший ритм школьной жизни. Это рыбакам нельзя на лодках во время нереста, нам было можно! Мы не за добычей, мы — надышаться!

Перед моей, скажем, инфильтрацией на Твердь, я уже был не в силах выдержать несколько часов гребли и обычно нанимал такси, чтобы меня вывезли на берег Днепра, как можно дальше от обжитых мест, и там раскладывал палатку, разжигал костерок и сидел на берегу — дышал! Я ведь и помереть так же хотел, под шум речных волн, на каком-нибудь поросшем соснами пригорке.

Почему соснами? Так под соснами чисто, подлеска минимум и клещей тоже нет. Восторги — восторгами, но клещи — это, скажу я вам…

— Репеллент! — очнулся я. — Вот зараза! Забыл! Сожрут ведь теперь!

— КАКОЙ, НАХРЕН, РЕПЕЛЛЕНТ? — захохотал дракон. — ТЕБЯ КОГДА В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ КОМАРЫ ИЛИ КЛЕЩИ КУСАЛИ-ТО, ИДИОТ?

— Ты чего? — обернулась Вишневецкая. — Какой еще репеллент?

— Однако, никакой, видимо… — растерялся я. — Даже дракон спросил: когда комары последний раз меня кусали? Получается — с прошлого лета ни-ни…

— Кусают ли комары драконов? — задумалась Ядвига. — И если кусают, то зачем? Послушай, вот носферату тебя укусил — и спекся. Ему как будто внутрь бензину налили и подожгли, я результаты вскрытия видела — лютый кошмар! Комары что, самоубийцы — тебя кусать?

— Действительно… — задумался я над ее словами про «видела результаты вскрытия». Очень любопытная у меня невеста, очень! Аж страшно. Но вслух проговорил совсем другое: — То есть, даже когда я в человеческой ипостаси, моя кровь обладает некими сверхъестественными свойствами? Или, только попав в чужой организм, начинает видоизменяться в нечто нечеловеческое?

— Тема для исследования! — обрадовалась Ядвига и даже запрыгала в лодке, отчего та принялась ходить ходуном. — Нацедишь мне в пробирочку грамм тридцать, ну, как в Мозырь прибудем? О! А потом в имаго обратишься — и тоже нацедишь… Сравним! О-о-о-о, на разных этапах: с чешуей, с крыльями, без крыльев…

— ОЙ-ЕЙ, — дракон явно занервничал. — ЧТО-ТО НЕ ПО СЕБЕ МНЕ… КРОВУШКИ ОНА ХОЧЕТ!

— Не, ну можно, в принципе… — я растерялся. — А вообще такие исследования кто-то проводил?

— Это с драконьей кровью-то? Никогда о таком не слышала. Драконы — явление штучное! — Яся аккуратно опускала весло в воду, почти без плеска, не то, что я! — В основном все из области легенд и по большей части — эльфийских.

Я греб мощно, подстраиваясь под ритм девушки — как и положено тому, кто сидит на корме. Ну, и подруливал, понятно. Мне хотелось как можно дальше уйти от жилья, выбраться на простор…

— Яся… — я не знал, с какой стороны подступиться. — У тебя ведь есть способ довести нас к Ольшанам за три дня, да?

Расстояние тут было до пункта назначения — мама не горюй, на авто — километров триста пятьдесят от Збаража до Ольшан, а если считать по рекам — так и вовсе одуреть можно. Умножай на три, смело!

— Да-а-а? Ну-у-у, не зна-а-аю! — она явно дурила мне голову. Я отчетливо представлял себе выражение ясиного лица, и не важно, что видел я только ее ровную спинку, точеную талию и тугой, густой хвост из белых-белых волос. — Может, ну их, эти Ольшаны, вместе с этими Гольшанскими, Пацами и

Олельковичами? Только отплыли ведь, хорошо же тут, чес-слово!

Кругом и вправду было чудо, как хорошо. Блестели на солнце пойменные луга, залитые темной водой. Деревья с распустившимися на ветках молодыми весенними листочками торчали над поверхностью реки, придавая сходство окружающей действительности то ли с мангровыми зарослями Луизианы, то ли — с вьетнамскими джунглями. В светло-синем небе среди белоснежных огромных облаков над нами клином летели дикие гуси, возвращаясь в родные места из далеких южных стран — и это было величественное, торжественное зрелище!

Именно за всем этим я и был здесь, и вся эта ерунда с Гольшанскими и прочими высокородными особами казалась мне дурацкой и досадной помехой. С лучшей в мире девушкой, по реке, в лодке — что вообще может быть замечательнее?

— Ты не могла так быстро доплыть из Быхова, — с внутренним сожалением проговорил я, прерывая красоту момента. — Помнишь, когда я забрал тебя на пристани в Вышемире? У тебя ведь тогда сломался мотор.

— Та-а-ак, ладно… — она отняла весло от воды, чуть обернулась, и байдарка закачалась. — Но ты ведь не стал бы делать на это ставку, да? Ты ведь — нулевка, порталы на тебя не работают… Наверное… По крайней мере, я бы не смогла поставить такой портал… И ты прекрасно это знаешь. Так что вряд ли рассчитывал только на меня, м?

Я вспомнил Воронцова. Этому вообще с высокой колокольни плевать на то, что я нулевка! Однако, Воронцов, похоже, был монстром похуже хтонических чудищ. Но и Яся зрила в корень и задавала правильные вопросы!

— Ну да, я вовсе не делал на это ставку, — признал я. — Это вообще просто — возможный приятный бонус. Главное — мы так давно говорили про этот поход… Про сплав! А летних каникул еще ждать о-о-о-очень долго, вот я и подумал: если не сейчас, то когда? Тем более река — Горынь. Очень символично. А еще — ты лучшая компания из возможных, и мне очень хотелось провести это время с тобой. И если ты сейчас скажешь, что с ускоренной доставкой нас обоих к Ольшанам ничего не получится, то я успокоюсь на двое суток, а вечером второго дня соберу вещи, возьму тебя в охапку, отращу крылья — и за несколько часов мы доберемся к границе юридики Гольшанских. Но, думаю, после того, как я подпалил им крыши, тамошние маги и зенитчики пристально наблюдают за небом. Соревноваться в скорости с противозенитными ракетными комплексами с артефактными головками наведения — удовольствие ниже среднего, так мне кажется…

— Ладно… — Яся тряхнула головой. — Уговорил! Есть способ! Буду смотреть внимательно, если повезет, и река будет к нам благосклонна — окажемся на твоем ненаглядном Полесье!

— На нашем Полесье, — улыбнулся я. — Если есть на свете рай — это наш Полесский край! Здесь — разлив, там будет — море! Знаешь, что тысячи и тысячи лет назад на Полесье было море, и при бурении глубоких скважин до сих пор вынимают керны, в которых находят окаменелых моллюсков?

— Что-то читала такое… Ладно, плывем, наслаждаемся, я буду иногда делать замеры, и… Сфоткаешь меня? — она протянула мне дорогущий «Яблочков».

Конечно, я сфоткал. Раз триста! Ясю фоткать — одно удовольствие, а не фоткать — другое. Но об этом я ей никогда не скажу, самоубийца я, что ли?

* * *

К обеду мы нашли свободный от вешних вод островок с дубами, сухой и живописный. Я спрыгнул в воду, радуясь предусмотрительно взятым с собой высоким резиновым сапогам, вытащил байдарку на берег и подал руку Ясе. Привал!

Вместе мы насобирали хвороста: под дубами его всегда много, да и сам дуб — дерево интересное, нижние ветви у него часто сухие — их можно брать и отламывать смело, такой готовый запас идеального топлива. Несколькими ударами остро заточенной лопатки из двух рогулек сырого плавника, которого в паводок всегда полно у кромки воды, я соорудил упоры, поперек — положил перекладину, повесил котелок с водой. Притащил сухой ствол дерева, оставшийся на островке, наверное, со времен прошлогоднего половодья, приспособил его в качестве скамьи, бросив поверх коврик-пенку.

Костер зажег по-хулигански: встал на одно колено, огляделся — никаких любопытных глаз, кроме Ясиных, вокруг не наблюдалось. Наклонившись к самой земле, легонько выдохнул:

— Ху! — привыкаю я ко всем этим суперспособностям, разбаловал меня дракон!

Загудело пламя, как из паяльной лампы, затрещали дубовые ветки, весело зашипела вода в котелке. Я щедро сыпанул внутрь заварки — пусть варится!

Вернулась от берега Ядвига, красивая и задумчивая:

— Сильные остаточные хтонические эманации в этом году в воде. Думаю — связано с Балканской войной, с событиями в Паннонии… Надо смотреть, сравнивать… Возьмем пробы в

Припяти и Днепре, можно будет анализировать, — она спрятала две пробирки с речной горыньской водичкой в свой кофр и подсела к костру. — Сейчас я тебе кое-что покажу, пальчики оближешь, чес-слово!

У нее в кофрах с собой, оказывается, имелись не только научно-магические приборы, но и куча всякой снеди! И не как у меня: рис, тушенка, сгущенка и вот это вот все! А, например, бекон — длинными ломтиками в вакуумной упаковке, и черный хлеб, самый обычный «кирпич», как в детстве. Обернув куски хлеба ломтиками бекона, она нанизала их на заточенные мной прутики и сунула в костер. Пахло — одуряюще! Вроде и простой рецепт, а вроде никогда до этого я такого и не делал!

Мы разлили чай по кружкам, взяли по прутику с угощением. Жир капал на угли и шипел. Река плескалась о берег, булькала между притопленных кустов, солнце отражалось от поверхности воды, бликами играло на лице и волосах девушки, на ветках над нашими головами громко кричали синицы, празднуя весну:

— Ти-тинь! Ти-тинь!

— Я бы купил или отвоевал этот остров и остался бы тут с тобой… — сказал я довольно банальную фразу. — Хорошо же!

— Ага, — сказала Яся. — Это просто счастье!

И положила голову мне на плечо. Конечно, мы оба понимали, что не можем остаться здесь: у нее — исследования, колледж. У меня — Горынь, дети… Но зато — мы могли остаться друг с другом!

Я сунул руку в карман оливы и сказал:

— Яся-а-а…

— М-м-м-м?

— Выйдешь за меня? — и положил ей в руку перстень.

— А? Что? Пепеляев, ты с ума сошел? — она вскочила с бревна и уставилась на украшение в своей руке, и захлопала глазами. — Это что такое?

— Ну… А что ты видишь?

— Я вижу печатку с трехголовым драконом. Точно такой, как у тебя! И это не простая штучка, это… Откуда это? — он взяла — и примерила его, надела на безымянный палец правой руки, и перстень сверкнул на солнце. На лице Вишневецкой отразилось некое выражение щенячьего восторга, как у ребенка, которому подарили первую в жизни машинку на пульте управления. — Ты вообще представляешь себе, что…? Где ты…?

— Знаешь, в Горыньских подземельях было много всяких штук, и кое-что из них принадлежало старым хозяевам Вышемира — моим далеким предкам. Я проконсультировался с Прутковой: она сказала, что эти перстни из одной эпохи, плюс-минус

двадцать лет между их изготовлением прошло. Наталья Кузьминична вот примерно с таким же выражением на них смотрела, как ты, а потом спросила только, кому я собираюсь «это» дарить. Ну, я сказал, что тебе, и она успокоилась!

— Знаешь, Пепеляев… — она подняла руку с перстнем на уровень глаз. — Какая проблема для магов стоит на втором месте после инициаций?

— Думаю, для большинства — жуткий снобизм и завышенная самооценка? -не удержался я.

— О-о-о-о, эта проблема как храп — от нее страдают только окружающие, но не сам маг, — хихикнула Вишневецкая, а потом посерьезнела. — Главная проблема — это ограничения на объемы маны или, если угодно, саирины, которыми волшебники могут оперировать единовременно, и размеры условного «хранилища» маны. И вот эти два параметра — способность к оперированию и ёмкость хранилища, ну, и еще банальная образованность — и определяют мощь каждого отдельно взятого мага… Например, бабушка моя имеет талант к грандиозным огненным чарам, но — сравнительно небольшое хранилище. Один огненный смерч или призыв ифрита и — фить! Отдыхайте пару денечков. А вот дед — он круглые сутки может камнями швыряться или по потолку бегать, с его запасами это как мертвому припарка. Но, к примеру, десятиэтажку с места сдвинуть — это нет… Тут врожденных способностей к оперированию недостаточно…

— Но это не помешает ему за пять минут разобрать ту же десятиэтажку по кирпичикам и засыпать этими кирпичиками противника — по отдельности, да? — сообразил я.

— Именно! Ты у меня ужас какой сообразительный! — Ядвига в несколько шагов приблизилась ко мне, и я встал со ствола дерева. — А я уродилась в бабушку. Я очень-очень много чего могу, но — редко. В смысле… Вот до этого самого момента так было.

— А что изменилось? — я не мог не уточнить, при этом обнимая ее за талию и прижимая к себе.

— Да вот так уж вышло, что с этим перстеньком доступные мне запасы маны могут вырасти трехкратно! — выдала она. — И это только потому, что ты — глава полесской ветви рода — дал мне его добровольно. С подобными артефактами именно так оно и работает… Знаешь, любая молодая-перспективная волшебница из Сапег, Радзивиллов, Солтанов, Волк-Ланевских — любая бы из штанов выпрыгнула, только узнав о такой возможности! Ты ужасно завидный жених, честное слово!

— Это значит — да? — поинтересовался я, заглядывая ей в глаза.

— Хочешь — я его в речку выкину, а потом тебе «да» скажу? — девушка смотрела на меня не мигая, и даже перстень с пальца сняла. — Чтобы ты не думал, что я поэтому…

— Гос-с-споди, дурочка с переулочка! — я принялся целовать ее, она смеялась и уворачивалась. — Это ж потом ныряй, ищи! И это — будущая хозяйка моего дома, мать моих детей! Что за расточительность! И вообще — хочешь, я тебе второй дам, он мне без надобности…

— Э-э-э-э, что? — ясины глаза надо было видеть. — Это как?

— Ну вот, второй — у меня. Я все равно нулевка, так что… — предложение напрашивалось само собой.

— А давай, после того, как поженимся — это будет нашим супероружием? Прикинь! — она аж на месте запрыгала. — Они такие будут думать, что с нами справятся — а я им три раза Хляби Земные, а потом ты даешь мне перстень, и я еще три раза — Хляби Небесные! И-и-и-и! Надо будет проверить! Прикинь! Это ж Заславское водохранилище, не меньше!

— Да подожди ты! — я схватил ее в охапку. — Ты скажи — когда поженимся-то?

— В смысле? Понятно, когда — после выпускных экзаменов! — она посмотрела на меня с нескрываемым удивлением.

— Однако! — очнулся я. — Действительно, чего это я.

Получается, вот на эти короткие минуты я впервые за пятнадцать лет педстажа забыл, что я — учитель. Ну, надо же!

* * *

Глава 7
Демонстрация

Водяного я ухватил за жабры когтистою рукою и страшно ударил мордой о борт байдарки.

— Ты пошто боярыню обидел?!! — ничего более умного мне в голову не пришло.

Водяной оказался пакостливым хозяином водной Хтони, озерца с названием Чертовский Омут, что располагалось в Столинском уезде около деревеньки Ястребель. Если бы не разлив — мы бы никогда не добрались до него по протокам и мелиоративным каналам от Горыни, а так — запросто. Хтонь тут чувствовалась, но довольно слабенько, так что я решил похулиганить, обратился в чешуйчатое чудо-юдо и отправился чинить произвол, а точнее — защищать честь прекрасной дамы. Подумать только! Он прошлым летом у Яси эхолот экспроприировал, профилограф, флуорометр и еще какие-то штуки с заковыристыми названиями, от которых так и веяло флюгегехайменом.

И вот теперь, после того, как Вишневецкая его вежливо попросила отнятое вернуть, водяной ей показал дулю и более того — высунулся по самые чресла из воды и стал трясти своими скверного вида гениталиями! Гениталии рыболюда — зрелище странное и противоестественное, и терпеть его я был не намерен. Сразу стало понятно — с таким некультурным хозяином Хтони разговоры разговаривать бессмысленно, это вам на Мартышка! Так что я аккуратно снял одежду, оставшись в одних безразмерных шортах, дождался, пока зуд по коже пройдет, сменившись ощущением некой легкой бесчувственности, глубоко вдохнул — и нырнул в Чертовский Омут. Ну, и вытащил его, за жабры. С третьей попытки.

Так-то хозяин Хтони пытался со мной бороться, даже вырвался пару раз, но я насовал ему под водой кулаками по роже, а потом уцепился за брыли с жабрами — и мы всплыли прямо у лодки.

— Блеу-блеу-буль-буль-буль! — он лихо матерился еще минут пять назад, а теперь, кажется, потерял дар речи, издавая звуки, более подобающие горшку с похлебкой, чем хтонической сущности — пусть и весьма посредственного качества.

Я снова крепко приложил его слизкой башкой о борт и спросил:

— Рыба моя, чего ты булькаешь? Вещички надо бы вернуть,

иначе я задам тебе очень серьезный вопрос! — и дружески похлопал его по щекам свободной рукой.

— Какой вопрос? — с интересом спросила Яся, глядя на воспитательный процесс с лодки.

— «Тайд» или кипячение?! — радостно сообщил я.

— Это на тебя так весна влияет или с Бабаем Сарханом общение? — ее брови взлетели вверх. — Ты какой-то весь такой на кураже, возбужденный!

— Это я хочу на тебя впечатление произвести… — честно признался я и поудобнее перехватил водяного, хорошенько его встряхнув. Ногами я нащупал какую-то корягу на дне, так что расположился довольно устойчиво. — Так, друг любезный, не строй из себя воблу, я знаю, что ты жив! У тебя есть два пути: возвращаешь вещички и тщательно извиняешься, и беззубок притаскиваешь целую торбу…

— … не надо торбу, мне трех штук хватит! — запротестовала Яся.

— Три штуки, слышал? Жирненьких! Или из твоего омута мы будем делать уху. Вы уху ели, друг любезный? Нет? Каннибализм? Что ж, все бывает в жизни впервые… Я думаю, что мне хватит пороху поднять тут температуру градусов на… Скажем, апчхиццать!

— Бульбле… Блебуду! — он хватал рыбьим ртом своим воздух и явно пытался что-то сказать.

— А! — я понял, в чем дело и высунул когти у него из жабр. — Однако, что-то я как-то…

— Я щас! — тут же закивал водяной. — Ты капец страшный, Горыныч! Не надо меня кипятить, ладно? Чего вообще ты драться-то со мной полез?

— Невеста моя она, соображаешь? — я кивнул на Вишневецкую. — Перстень видишь?

— А-а-а! — он шумно и с хлюпаньем закивал слизкой башкой. — Дык я думал — просто баба. Ну, какая-то там магичка. А она — драконская невеста… Это меняет дела. Драконское — оно драконское и есть, а раз невеста твоя, то и вещички немного твои тоже. Я щас верну, никуда не уходите. Я мигом! И это… Да не смотри ты так, страшно делается! Дык это… Нашим всем скажу! Что касается тварюшек — тута не знаю, а хозяева — дык они ее трогать не станут, ну… Кто с понятием и в сознании. За диких я не в ответе. Я водников в виду имею… Дык вот, ежели драконья невеста шалопутничать не станет, то ей свободный ход!

— Шалопутничать? — я не выдержал и рассмеялся. — Яся, ты не будешь шалопутничать?

— Да уж как-то теперь придется себя в руках держать, чес-

слово! — она улыбалась.

— Давай, одна нога здесь, другая… А, черт, у тебя ж ласты вместо ног… Ну, ластами шевели, значит! — я хотел дать леща водяному, для ускорения, но он справился сам: рванул в глубину так, что только пузыри пошли.

— Ну, ты и крут, суженый! — покачала головой девушка. — Так и с магнатерией разделаться собираешься? Хозяев Хтони он туда-сюда гоняет, надо же!

— Да какой это хозяин, ну, серьезно? Как там правильно — сущность среднего порядка? Обычный нечистик и вообще — скользкий тип, с ним неприятно иметь дело. А что касается магнатерии — то было бы здорово, — признал я. — Чем бодаться с ними всерьез, я бы лучше лещей идиотам раздал и… Однако! Слушай, а вызывают ведь они меня, а не я их, и это значит, что условия тоже выбираю я?

— Теоретически — да, — признала Яся. — То есть, у тебя имеется такое право. Но обычно, если дуэль происходит между заведомо неравными противниками — например архимагом и пустоцветом — то чаще всего стреляются или дерутся на холодном оружии. Фехтуют!

— И выводы они будут делать из одной-единственной дуэли с Кшиштофом, так? — я почесал свою чешуйчатую голову когтями — звук получился премерзкий.

— Тоже верно… — она пока не понимала к чему я клоню.

— А вот, к примеру, если у кого-то из них руку оторвет — это навсегда или пришьют-залечат? — я залез в лодку, которая опасно закачалась, и постепенно стал приходить в себя — чешуя всасывалась в кожу, когти — втягивались, зубы — приобретали человеческий вид.

— Пожалуй — залечат… Это ты к чему?

— Горации против Куриациев, вот к чему. Думаю, всё получится… Сколько их там — восемь? Начну с Ростислава Гольшанского, доведу их до белого каления и вызову потом всех оставшихся сразу!

В это время вынырнул водяной с охапкой приборов.

— Тут больше, чем надо, чес-слово! — растерялась Яся. — Это не мое, и вот этот зонд — тоже, а такую модель гидролокатора я и не видела никогда… Галльская?

— Авалонская! Плавали тут какие-то туристы… — водяной выпустил изо рта струйку воды. — Пользуйся, боярыня! А эльдаров энтих я в тине видал, они теперь там своими обглоданными мордами торгуют!

— Княжна я! — уточнила Вишневецкая.

— Дык вы уж сами как-нибудь определитесь — княгинишна

или боярышня! А я это… — он почесал жабры. — Досвидос, в общем!

И, плеснув своими ластами, явил миру склизкий афедрон, сделал кульбит в мутных водах Чертового Омута и скрылся из виду на глубине.

— Странный тип, — пожал плечами я. — Поплыли отсюда?

— Отсюда можем прямо к Давид-Городку, — пояснила Яся. — Во-о-он видишь — арочка над водой?

Арочка — это нависшее над водой дерево, ветвями своими создающее подобие портала. Не знаю, как это работало, но… Знаете, как бывает — некоторые участки берега реки практически идентичны друг другу. Гребешь и думаешь: а вот этот обрыв с норками ласточек мы, кажется, уже проплывали. И сейф этот ржавый я видал два часа назад, кажется! Ясное дело, что не было такого — течение ведь в одну сторону, но — кажется. Вот этот феномен как-то и использовала Ядвига.

— Ложись на дно лодки, закрывай глаза и покрывайся чешуей, — сказала она строго.

Вчера она тоже так говорила, и мы с самого утра, после ночевки в палатке, прыгнули вперед километров на сто. А потом уже плыли спокойно, в своем режиме, общаясь, перекусывая, причаливая к островкам. Даже в одну деревеньку завернули — сходили в сельский магазин. Ни она, ни я не взяли с собой соли! Как обычно в походе — что-нибудь да забудешь…

Так что теперь я улегся на дно лодки, сложив сидение и закину ноги на тюки с грузом. И очешуел! Потому что даже хитрое волшебство реки не могло ничего поделать с нулевкой. А обращаясь в первую драконью ипостась, я становился существом хтоническим и к магии восприимчивым.

Конечно, я подсматривал. Но, честное слово, ничего не понял! Вот лодка дернулась вперед, вот — над нами промелькнул ствол наклонившегося к воде дерева, что-то сверкнуло и…

— Можешь садиться! — странным тоном проговорила Вишневецкая. — Все получилось! Даже слишком!

Оглянувшись, я понял, что мы — на моем, белорусском Полесье! Действительно, вокруг нас простиралось настоящее море! Все низины были затоплены, устья Горыни, там, где она впадает в Припять, и вовсе было не видать: от горизонта до горизонта стояла вода… Мы шли по навигатору. Заблудиться на реке? Запросто, если это Полесье и весна! Держаться основного русла оказалось довольно сложно. Благо — в нашей мини-экспедиции состоял водный маг, так что даже заблудившись в зарослях подтопленного хмызняка-кустарника, или выскочив на мель, можно было не переживать. Яся никак не могла наиграться

с перстнем: поднимала волну или, напротив, разверзала водную пучину, разглядывая речное дно, пару раз — вызывала водных элементалей, которые выглядели так, будто только что проснулись: рожицы у них кривились в недовольных гримасах.

— До Ольшан рукой подать, — виновато сказала Яся. — Но ближе речка не пускала, и… У нас ведь еще целая ночь была!

— Закончим — заеду к тебе в Мозырь! — пообещал я. — Давай будем искать возможность незаметно выбраться на берег, чтобы было время подготовиться… Заявимся на праздник при полном параде!

— Давно хотела посмотреть на Черный Замок Ольшанский, — вздохнула Яся. — Жаль, что ты его спалил, небось, весь экстерьер испортил!

— Испортил я Гольшанский замок, — пояснил я. — Замок — в Гольшанах, это намного севернее. И это он после меня стал черным. А так — вполне себе кирпичный, местами — белый. В Ольшанах у Гольшанских летняя резиденция. Они сюда и переехали, потому как у них с крышей беда.

— Так! — девушка обернулась ко мне. — Гольшаны и Ольшаны — это что, два разных места?

— Ага. Как Ружаны и Пружаны! — подтвердил я. — Но это еще полбеды! Вот Речиц у нас в Беларуси не то пять, не то четыре! Одна — в Бресте, городской район такой, еще есть одна в Малоритском уезде. На Днепре — самая крупная Речица, уездный центр. И как раз на Горыни — четвертая! Мы ее до Столина проплывали, соль там покупали.

— Дурдом, чес-слово… — помотала головой Вишневецкая. — Ладно, будем искать пристань. А при полном параде — это что ты имеешь в виду?

— А я доставку заказал, в ольшанский пункт выдачи сети «Гуси-Лебеди», — усмехнулся я. — Посмотришь!

* * *

В Ольшанах на нас сразу внимания не обратили. Местные вообще больше внимания всегда уделяли своим бесконечным теплицам с огурцами и прочим-всяким, чем приблудам типа нас. Интерес проявила только девушка в «Гусях-Лебедях». Тут тоже имелись маркетплейсы и доставка, для людей, у кого не было доступа к сети — огромные бумажные каталоги прямо тут, на пункте выдачи.

Мне каталог был без надобности. Я протянул экран смартфона здешней продажнице-выдавальщице и сказал:

— Большой заказ.

Она глянула на номер и подавилась. Закашлялась, покраснела, побледнела, а потом сказала:

— Так это вы?

Ну да, глядя на бородатого парня в горке, от которого ощутимо разило тиной, и на девушку в походном комбезе, с волосами, покрытыми ряской, сложно было заподозрить в нас обеспеченных людей.

— Это мы, — улыбнулся я. — Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, на меня записано.

— Кала-а-а-ач!!! — вдруг дурным голосом заорала она. Я не успел понять, почему она кричит название хлебобулочного изделия, как девушка закончила фразу: — Тащи номер двадцать пять-семнадцать! Который на тридцать пять тысяч!

Где-то в глубине пункта выдачи послышался грохот, типичный орочий мат и шебуршание. Потом появился снага с окровавленным лицом, в фирменной серо-оранжевой спецовке «Гусей-Лебедей», он катил тележку с двумя большими коробками. Даже не коробками — контейнерами!

— Пока мы будем переодеваться и приводить себя в порядок — закажите сюда, к этому самому месту, лучший транспорт из возможных, будьте любезны, — я подбросил в воздух золотую монету, потом поймал ее — и ляпнул на стойку. А еще — нам понадобится санузел.

— Что? — ее удивлению не было предела.

— Санузел. Нужник. Умывальник. Унитаз. Сортир.

— А! Это — там! — она замахала руками. — Пожалуйста!

— Яся — это тебе, — я показал ей на больший из ящиков. — Подарок по случаю помолвки.

Ядвиге санузел был не нужен — она привела себя в порядок и, кажется, даже приняла душ прямо в примерочной. Для аквамантки это плевое дело: сконденсировала воды из воздуха, провела все гигиенические процедуры — а потом огроменная капля вылетела в форточку, изящно изогнувшись, и улетела куда-то в сторону реки. А я — поплескался под краном, делая вид, что это поможет мне выглядеть презентабельнее, сменил нижнее белье — и тоже направился в примерочную. Из соседней кабинки раздавались восторженные визги и писки Яси.

— Чес-слово, Пепеляев, это очень красиво! Это что — в гербовых цветах, да? Кто шил?

— Ты не поверишь, — откликнулся я, влезая сначала в брюки, потом — во френч. — Татьяна Михайловна, швея из «Дома быта». Потрясающих талантов женщина! Как тебе кажется — мы произведем впечатление?

— Ты мне скажи! — она отдернула занавеску.

— ХОР-РОШО! — сказали мы с драконом.

Передо мной стояла невероятно прекрасная и невероятно сексуальная принцесса из сказки. Я не большой специалист в одежде и не очень-то силен в швейной терминологии, но платье оказалось изумрудным, с золотыми нитями и украшениями, и там был корсаж, и широкая юбка, и перчатки, и диадема, а плечи были обнажены, и грудь смотрелась так, что я просто…

— Геор-р-р-ргий! — она пощелкала пальцами у меня перед лицом. — Я уже поняла, что ты хочешь меня сожрать прямо здесь, но — у нас много дел. Кстати, ты тоже хорош!

Я глянул в зеркало: френч и брюки красивого зеленого цвета. Как чешуя у Пепла. Пуговицы и кант — темного золота. Как мои волосы. Гербовые цвета? Пусть так. В конце концов — у меня пока нет герба, только перстень. Золотой трехголовый дракон на зеленом фоне — кажется, такой щит будет смотреться неплохо! Трость, орден, перстень — для мелкопоместного дворянина и рыцаря я выглядел отлично. И никаких желтых сапог!

— Ваши… — девушка была местная, юридичная, поэтому, как только распознала в нас благородных господ, так жутко испугалась. — Ваши вашества! Экижап… То есть… Экипаж подан! Лучший, как вы и просили!

— Благодарю! — я царственно кивнул. — И не переживай, что сообщила дружинникам — мы совершенно не против. Да, дорогая?

— Пф! — сказала Яся. — Дружинники — это даже хорошо, чес-слово. Поедем с эскортом!

На улице уже ждала самая настоящая бричка, запряженная механическими лошадьми. Бес их задери, у них шестеренки внутри пуза щелкали, а в боку у каждой торчал здоровенный заводной ключ! Но в остальном выглядели они весьма натуралистично, даже гривы имелись — металлические. Кучер — мелкий серый гоблин в черном цилиндре и наряде старинном — довольно флегматично поприветствовал нас поднятием головного убора:

— Куда изволите?

— К резиденции князей Ольшанских, — сказал я, помогая Ядвиге взойти в карету. — Не спеша. Мы с моей госпожой секундантом должны обсудить картель для предстоящей дуэли… Дуэлей!

— Ладно, хрен с ним… — пожал плечами гоблин.

Вот уж кого не волновала субординация! После того, как Калач, шмыгая разбитым почему-то носом, погрузил в бричку мой саквояж и ясины кофры, кучер щелкнул хлыстом, и механические

лошади потрусили вперед, лязгая стальными подковами по вымощенной плитами дороге. Ольшаны не выглядели как типичное белорусское местечко и совсем не походили на забитую и забытую юридику: здесь преобладали двух- и трехэтажные особняки, они выглядели зажиточно, даже — богато!

Мы не успели и трехсот метров проехать, как откуда-то с высоты раздался громовой голос:

— Тр-р-р-р! Панове! — однако, это было впечатляющее зрелище: с небес спускались воины на пегасах!

Это были те самые крылатые гусары, ей-Богу: в кирасах и с саблями! Гоблин-кучер нахлобучил себе на голову цилиндр чуть ли не по самую шею и вжал голову в плечи, тормозя лошадей. Видимо, от встречи с летающими всадниками он не ждал ничего хорошего.

— Кто вы есть такие, по какому делу прибыли в Ольшаны? — первый гусар снял шлем и на нас уставились ярко-голубые глаза на молодом усатом-чубатом лице.

— Вольный рыцарь Георгий Пепеляев-Горинович, владетель Горыни, что под Вышемиром. И моя невеста — княжна Ядвига Вишневецкая, — я взмахнул рукой.

Они оценили и трость, и перстень, и орден — его при параде полагалось носить не снимая.

— Вы не приглашены… — начал было всадник, имея в виду церемонию инаугурации, но я его самым наглым образом перебил.

— Приглашен, три недели назад. В любое время и на любых условиях! Взгляните! — вызов на дуэль мигом оказался в моих руках. — Мой секундант доставит картель прямо к воротам, и дуэль состоится немедленно…

— Но здесь нет никакого секунданта, пане! — огляделся шляхтич и с подозрением уставился на гоблина.

— Вы хотите сказать, что княжна Ядвига Сигизмундовна Корибут-Вишневецкая, лучший аквамант в Государстве Российском по эту сторону Днепра, не подходит на роль секунданта? — Яся явно издевалась над ним, ее глаза сверкали. — Или вы из тех жалких мужчинок, которые тешат свое болезненное самолюбие глупыми предрассудками о слабости женщин? Как думаете, если я пошлю вам вызов на дуэль — каким будет ее исход?

— Прекрасная паненка, я… — он привстал в стременах и церемонно приложил руку в латной перчатке к груди. Его щеки пылали. — Прошу пробачення, не хотел никак вас задеть! Меня зовут Анджей Бабинич, и я готов нести любое покаранне…

Ясное дело, он поплыл! От Яси кто угодно голову потеряет,

это точно…

— Полно, пан Бабинич, — она церемонно кивнула. — Летите к вашему хозяину и скажите, что Пепеляев-Горинович уже здесь и жаждет поединка. Я прибуду к воротам и вручу картель — там и узнаете все подробности…

— Чешч! — он отсалютовал кулаком и поднял своего пегаса в воздух.

Следом за ним взлетели и остальные дружинники. Вишневецкая повернулась ко мне:

— Теперь мне самой осталось узнать подробности. Давай, Георгий, выкладывай.

Глава 8
Сатисфакция

— … дуэль состоится по инициативе князя Ростислава Гольшанского, по причине внезапно возникшей личной неприязни. Как принявшая вызов сторона, рыцарь Георгий Пепеляев-Горинович предложил поединок на короткодревковом оружии, без применения магии и других сверхъестественных способностей, на арене с негатором. До первой крови! — голос Ядвиги звенел, девушка явно нервничала, зачитывая условия, но держалась молодцом. — По окончании поединка Георгий Пепеляев-Горинович готов рассмотреть остальные вызовы, и картель по ним будет озвучен сразу же после боя!

Публика зашумела. Я стоял, сложив руки на груди, и хмурился. Шляхетное общество думало, что перед ними — самонадеянный и безрассудный сукин сын. Ещё бы! Собираюсь не только пережить бой с огромным и мускулистым, явно в отца, Гольшанским, но и продолжить сегодняшний день новым кровопролитием, каков наглец!

Однако, штука заключалась в том, что самонадеянными сукиными детьми в этом конкретном случае были они.

Ростислав Гольшанский — белокурый верзила, молодая копия убиенного мною Семена Гольшанского — стоял с красной физиономией, и желваки шевелились на его мощных челюстях. Вокруг ведь было полно шляхты, многие — гости из дальних краев Великого Княжества! Как он будет в их глазах выглядеть, если сейчас пойдет на попятную? Да, условия мои довольно необычны, но логически вполне обоснованы: я нулевка, он — геомант, как и большинство Гольшанских. Магическое противостояние между нами будет выглядеть по-идиотски. Конечно, если говорить о холодном оружии, то аристократы предпочитали мечи или, в случае со шляхтой западных земель Государства Российского, сабли. Но формально — я ничего не нарушил, никаких писаных правил и неписанных традиций.

Действительно, короткодревковое оружие — топоры, шестоперы, чеканы — не очень гуманно. Один удар — и можно лишиться конечности, получить повреждение внутренних органов или черепно-мозговую травму, не совместимую с жизнью. Однако использовать его на дуэли никто не запрещал.

— Я думал, — пророкотал молодой князь, — что ты выберешь поединок магических тварей. Я бы посмотрел, кто превозможет — твой ручной демон или мой боевой голем! Но, видно, ты не

робкого десятка… На топорах — значит, на топорах!

— На короткодревковом оружии! — напомнила Яся. — По выбору каждого из поединщиков. Дополнительные условия мы обсудим с вашим секундантом!

Я сильно удивился, когда секундантом Гольшанского оказалася Юзеф Солтан — наш вышемирский землевладелец! Солтаново — его вотчина, и еще много других деревенек по всему уезду входили в юридику этих известных помещиков и спиртозаводчиков. Солтан выглядел представительно: эспаньолка, гладко зачесанные назад волосы, никакого жупана и желтых сапогов. Он предпочитал приличный дорогой костюм. Пересвет-Солтаны, вот как звучала их полная фамилия. Электрические маги! Раньше этот клан считался Светлым, но поколения три назад что-то пошло не так, и специализация Солтанов изменилась…

Так или иначе — теперь мой именитый земляк вместе с Вишневецкой что-то там обсуждали, утрясали нюансы поединка. В итоге Солтан провозгласил:

— Бой без доспехов, на короткодревковом оружии состоится через двадцать три минуты на негаторной площадке Ольшанской резиденции! Повторяю: поединок до первой крови, по причине внезапно возникшей личной неприязни князя Ростислава Гольшанского к рыцарю Георгию Пепеляеву-Гориновичу. По его завершению конфликт считается исчерапанным, и между кланом Гольшанских и полесской ветвью рода Пепеляевых-Гориновичей устанавливается режим полного нейтралитета на три года, и ежели кто из сторон нарушит его — будет жестоко наказан по законам Божьим и человеческим. На сим следует принести клятву! В виду того, что рыцарь Пепеляев-Горинович есть нулевка — за него клятву приносит княжна Ядвига Вишневецкая как секундант и поручитель.

Вот этот момент я не учел! А подставлять Ясю не хотелось. Но и воевать с Гольшанскими я в принципе планов не имел! Вообще, война — дело идиотское, есть занятия гораздо более важные… Но если надо — значит, надо. В нашей жизни вообще зачастую приходится совершать массу идиотских поступков, потому что альтернатива еще хуже.

— Стороны согласны? — спросил Юзеф Солтан.

— Да! — Ростислав сверлил меня взглядом.

Я просто кивнул. Публика радостно захлопала, как будто мы тут решили скачки устроить или соревнования по дартсу, или — танцевальный баттл, а не кровь друг другу пускать. И я, и Гольшанский — мы оба знали, что он собирается убить меня и таким образом отомстить за отца. А я не собирался позволить ему

этого сделать.

Спустя двадцать минут мы стояли у разных концов негаторной площадки. Я переоделся в штаны от «оливы», самую обычную футболку цвета хаки и военные ботинки. Мне вообще плевать было, что надеть, так или иначе — по сравнению с могучим и огромным Гольшанским я имел бледный вид. Худощавый, поджарый, чуть ниже ростом, чем мой соперник…

Он-то, видимо, решил похвастать своим мускулистым торсом — стянул с себя рубаху, остался в шароварах и желтых сапогах! Стоит признать, выглядел Ростислав потрясающе: как Дольф Люндгрен в лучшие годы. В руках он сжимал боевую секиру — я видел и слышал, как ее точил местный оружейник-артефактор! Длина рукояти — 120 сантиметров, крайняя планка, отделяющая короткодревковое оружие от среднедревкового.

— Возьми, — сказала Яся и протянула мне МПЛ в чехле. — Я в тебя верю, так и знай. Проиграешь — утащу и подлечу, как в тот раз. Только не дай себя убить.

Я наклонился к самому ее ушку и прошептал:

— Как в тот раз не получится. Возьми мой перстень, будь готова нас прикрыть — на всякий случай.

Ядвига прищурилась, но ничего не сказала, просто — кивнула, надела украшение на левую руку и отступила туда, где стоял Солтан. Интересно, а три раза подряд Хляби Земные — это как? Однако, нет. Пожалуй — не интересно. Я отщелкнул крепление чехла лопатки, взялся за отполированную многочисленными прикосновениями рукоять, потянул шанцевый инструмент наружу и с удовлетворением услышал шепоток среди шляхты — они передавали друг другу слух о том, что я служил в Поисковом!

— Приступайте, — сказал Солтан сразу, как только услышал легкий гул от основания арены.

И Ростислав приступил. Он заорал:

— За моего отца! — и самым решительным образом ринулся на меня, замахнувшись секирой. Длина рук, длина древка — все это позволило бы ему гонять меня по арене, изматывать и по итогу — раскроить череп или нанести другие повреждения, не совместимые с жизнью.

А я стоял на месте, напружинив ноги, сжимал черенок МПЛ и ждал, считая его гигантские прыжки. Мной овладело то самое хладнокровие, не раз уже спасавшее мне жизнь. Князь Ростислав пер вперёд, как в замедленной съемке: шаг, другой, третий…

— Н-н-на! — я размахнулся — и лопатка полетела, рассекая воздух, совершила полный оборот в воздухе и со страшным чавканьем вонзилась в мускулистый пресс Гольшанского.

Он по инерции пробежал пару шагов — и рухнул на бок, издавая утробные звуки. Кровь хлестала из княжеского тела.

— Ну же! — заорал я. — Лечите его скорее, кретины! Врача, врача! Он ведь помрет!!!

Поднялся страшный гам и суета, Солтан отключил негатор, две магички-целительницы мигом очутились на арене, склонились над князем Ростиславом. Народ орал и сходил с ума. Яся пробилась ко мне, запрыгнула на арену:

— Что это было, Пепеляев? — она ощупывала меня так, будто это не в Гольшанского, а в меня воткнулась лопата.

— *Понимаешь, Яся, тут ведь как: главное рассчитать дистанцию. Будь у меня в руках нож или там топор — ничего бы не вышло. Все эти штуки-дрюки из кинематографа не работают, нельзя швыряться абы-какими предметами с любого расстояния и положения! По крайней мере — я не умею. Метательный снаряд должен сделать полный оборот вокруг себя, максимум — два оборота, чтобы воткнуться острием! Три оборота — уже потеряется сила броска. Знаешь, мы ведь чемпионаты в батальоне устраивали по метанию лопаток, и у меня всегда было четвертое место! Это очень неплохой результат, однако!* — Гоша шпарил от души, явно попав на близкую ему тему. А я и не мешал. — *Мы ничего не нарушили, нигде не написано, что нельзя швыряться оружием! Потому что обычно используют мечи и сабли, а швыряться мечами и саблями — реальная бредятина.*

— Поня-а-атно… — ошалело посмотрела на меня Вишневецкая.

— Сейчас они все немножко отойдут от шока, и можно будет вызывать всех остальных, — я почесал бороду. — Думаю, желание Пацев и Олельковичей растерзать меня только усилится, и они не особенно задумаются об условиях. Гольшанские уже отвалились — у нас полный нейтралитет с этой минуты… Шансов пережить сегодняшний день всё больше! Можно радоваться, но не надо расслабляться…

* * *

Я много читал о драконах и выяснил пару моментов, которые в корне отличали меня от моих сородичей-предшественников из крылато-чешуйчатого племени. Наверное, именно поэтому и для этого Малюта и призвал меня с Земли… Для того, чтобы никто не догадался!

Первый занимательный факт состоял в том, что большая часть известных истории европейских драконов в своей

человеческой жизни являлись чародеями или, как минимум, пустоцветами. Чаще всего — пиромантами, как Ян Жижка, или боевыми магами — как Малюта Скуратов-Бельский или Александр Македонский. Никаких сведений о драконах-нулевках не содержалось ни в фундаментальном труде «Монструм Магнум» за авторством Генриха Крамера, ни в учебнике спецкурса для высших магических учебных заведений «Драконология». Если подобных данных не мог найти я — историк и аристократ, который умел, любил, мог и имел доступ работать с огромным количеством источников — то, наверняка, остальным интересантам тоже в голову не могло прийти, что учитель-нулевка из Вышемира является драконом.

Конечно, я несколько раз засветился, и притом — перед людьми случайными, но бы уверен — в широкие шляхетные массы эта информация пока не пошла. Почему? Потому что мы очень часто склонны подгонять увиденное под привычную систему координат. Вряд ли тот же Курбский-метаморф, увидев мои превращения, мигом сообразил, в чем там дело. Наверное, подумал, что я его сродственник-перевертыш, или — нахлебался эликсиров, или — перед ним новая ступень эволюции зоотериков. А может, Ипполитушко просто перепугался до бесенят и вспоминает встречи со мной, как страшный сон.

Второй аспект казался чуть более спорным: драконы редко задерживались на стадии имаго. За одним исключением: все тот же Ян Жижка многие годы сопротивлялся своему чудовищному альтер-эго, оставаясь в человекоподобном облике. Но! Как свидетельствовали хронисты, вождь чешских гуситов «имел лик страшный, покрытый чешуей, аки змий». То есть — большую часть времени пребывал в ипостаси имаго! Простыми словами: чудовищного чешуйчатого зубастого мужика. Все собранные по крупицам сведения о европейских драконах и о периоде потери ими человеческого облика прямо говорили: если он уже начинал превращаться, то обратно откатить такие метаморфозы было очень, очень трудно. Конечно, я знал еще и Инлуна Ао-Джуна. Эта скотина предстала предо мной в облике сначала Шан-Тсунга из «Мортал Комбата», а потом — летающего мохнатого урода с усатой мордой. Мы тут, на Руси, всегда были между там и между здесь: не то Европа, не то Азия — без бутылки не разберешься. А с бутылкой и думать забудешь о таких высоких материях… Но, как говорил один начинающий волшебник, все это мысли завтрашнего дня.

День сегодняшний намекал, что моя приобретенная за долгие месяцы психологического насилия над драконом способность быстро — в считанные секунды! — менять облик была поистине

уникальной! И ею следовало пользоваться.

— ПОНТОРЕЗ, — констатировал дракон. — ПОШЛИ УЖЕ ВО ФЛИГЕЛЬ И НАДЕРЕМ ТАМ ВСЕМ ЗАДНИЦЫ!

— Пошли, — вздохнул я. — Веришь, нет — у меня нет никакого желания надирать задницы этим малолетним бедолагам.

— НИЧЕГО СЕБЕ — БЕДОЛАГИ! ТЕЛЕКИНЕТИК, ПИРОМАНТ, ДВА БОЕВЫХ МАГА И ВОЗДУШНИК, СИРЕЧЬ — АЭРОМАНТ! ЭТИ БЕДОЛАГИ, ЕСЛИ ПОДНАТУЖАТЬСЯ — МОГУТ ДОСТАВИТЬ ПРОБЛЕМ… КОНЕЧНО, ЕСЛИ ТЫ НАКОНЕЦ НЕ ПРЕКРАТИШЬ ТРАХАТЬСЯ НА ПОЛШИШЕЧКИ И НАЧНЕШЬ УЖЕ ВОЕВАТЬ КАК ПОЛОЖЕНО!

— Сиречь? — я хохотнул. — Ты сказал — сиречь? Ты это я, Пепел. Я — это ты! Пойдем уже…

В три шага взбежав на крыльцо, я замер у входной двери. С другой стороны флигеля, который в соответствии с картелем стал ареной для дуэли, сгрудились мои противники — Пацы и Олельковичи, числом пять. Они чуяли подвох, потому как условия я снова выдвинул довольно странные: дуэль с ними со всеми одновременно! Кто последним покинул здание на своих ногах — тот и победил. Смерть, потеря сознания, потеря подвижности так же являются причиной прекращения дуэли и объявления победителя. Фактически я дал им карт-бланш: в замкнутом пространстве двухэтажного флигеля они могли прикончить меня и выбросить труп через дверь. Это их и смущало: молодые маги ведь видели, как я разделался с Гольшанским, и ждали чего-то такого же: неожиданного и резкого.

— То есть, мы можем применять магию? — уточнил перед самой дуэлью один из Пацев, лысый боевой маг. — Никакого негатора?

— Никакого негатора, — кивнул тогда Солтан, демонстрируя подписанный картель.

— Тебе кабздец, — совсем не по-аристократически заявил мне Пац и радостно оскалился. — И твои ухватки из Поискового не помогут.

Действительно, боевые маги, которые ускоряли и усиливали свое тело при помощи маны, наверное, могли доставить нулевке серьезные проблемы. Например — на страшной скорости переместившись за спину и самым обычным образом врезав локтем по затылку… Или швырнув табуреткой — обычной, не магической. Другой вопрос, что он понятия не имел о том, что будет иметь дело не с нулевокой, а с драконом!

* * *

Каждый из них мечтал добыть славу себе. Все они хотели наказать зарвавшегося нувориша, который убил трех глав родов и нанес таким образом оскорбление всей магнатерии Великого Княжества! Как я посмел не сдохнуть в муках, каков наглец, а? Да вот так как-то. Жить очень люблю!

Но, конечно, никто из них не озвучивал на публике истинных причин нашей вражды. Однако, дурно пахло от идеи поймать мелкопоместно дворянина в Хтони и тайно прикончить без осязаемых доказательств какой-либо его вины. А потом — попытаться убить на целой череде дуэлей. Вообще — не комильфо. Очень неаристократично. Но такое их рвение должно было сыграть мне на руку!

С этими мыслями я шагнул во флигель и аккуратно прикрыл за собой дверь. Тут имелся самый обычный замок с защелкой-крутелкой, которую я и использовал, закрутив до упора и заперев дверь. И пошел вперед, по анфиладе из комнат. Флигель раньше использовался для проживания слуг, но сейчас он был закрыт на ремонт: козлы, картонные коробки, мебель, прикрытая пленкой, и строительные материалы представляли собой главные элементы скудного интерьера.

Там, впереди, слышался гомон голосов, шаги грохотали и наверху, на втором этаже. Они разделились! Что ж, отлично. Я просто залез в шкаф, большой и тяжелый, из массива, и принялся глядеть в замочную скважину. Да, да, у этого шкафа был замок под дурацкий мебельный ключ, который может спасти ваши вещи разве что от годовалого младенца или какой-нибудь не особенно сообразительной собаки. И — да, я изначально не планировал прятаться в шкаф, но уж больно привлекательным он мне показался… Никому и в голову не придет, что наглый поединщик, который только что выпустил кишки главе не последнего по мощи клана, станет прятаться в шкафу!

Спустя секунд двадцать порыв ветра снес пленку с моего укрытия и расшвырял во все стороны рулоны утеплителя: в комнату вломился воздушник-Олелькович и его соклановец — боевой маг.

— Он что, так и стоит там у дверей? Какого дьявола мерзавец задумал? И, главное, черта с два вычислишь его эфирным сканером… Долбаный нулевка! — ругнулся боевик.

— Мы убьем его, — ухмыльнулся аэромант.

И в подтверждение своих слов взмахнул рукой, управляя воздушным потоком, и разметал во все стороны сложенный штабелем ламинат и пустые пластиковые ведра из-под краски.

Второй Олелькович кивнул, и они снова двинули вперёд. А я — вылез из шкафа, стараясь не шуметь и не скрежетать когтями по дереву. Футболку и ботинки я оставил там (нечего портить имущество!) и теперь являл миру чешуйчатый торс и дикую зубастую бородатую физиономию. Меж лопаток свербело: крылья не отрастали так быстро, как когти или зубы. Я крался вперед, пока не достиг своей цели: маги-Олельковичи остановились в замешательстве: входная дверь была заперта, врага — то есть меня — не наблюдалось!

Подглядывать за этими двумя, высовываясь из-за полуоткрытых дверей было сплошным удовольствием. Они материли меня по чем свет стоит и осматривали все помещение, пока не убедились в тщетности таких попыток.

— На втором этаже есть?! — выкрикнул воздушник.

Оказывается, там имелась винтовая лестница, а я ее и не заметил!

— Пусто! — откликнулись Пацы сверху.

— И у нас пусто! Пройдем еще раз! Гребаный трус, на что он рассчитывает, этот нулевка?

— Может быть, забрался в чердачный отсек? Но там птицы насрали, какой черт его туда понес? Придется осматривать… — Пацы сверху снова загрохотали сапогами.

А я уже был тут, близко-близко, за спиной Олельковичей, радушно распахнув отросшие крылья и чешуйчатые объятия, и улыбнулся — очень широко:

— Однако, здравствуйте! — я старался быть вежливым, говорить громко и отчетливо.

— О, курва!!! — в их глазах плескалось столько ужаса, будто они самого сатану увидали, а не интеллигентного учителя истории из полесской провинции.

Я ударил одновременно руками и крыльями, обоих сразу. Когти пробились сквозь грудные клетки, воздушная волна ошеломила, сбила с ног… За ноги я их и ухватил — и вышвырнул в окно, одного за другим. А потом выдохнул пламя — вверх, по винтовой лестнице. Огонь заплясал на деревянных ступенях, языки его ринулись вверх, стремясь пожрать все, до чего могут дотянутся…

Ещё звенели разбитые телами Олельковичей стекла, а я уже мчался сквозь первый этаж флигеля, хлопая дверьми и расшвыривая во все стороны попадающиеся на пути предметы мебели и строительные материалы. Снаружи уже слышался ор публики — акт первый «Хрустальная ночь», с погромами, поджогами и выбитыми стеклами, им явно не понравился. Остался акт второй — «Дефенестрация».

Пацы не были дураками. Мы столкнулись с тем самым лысым боевым магом лицом к лицу! Он, оказывается, дежурил у второй лестницы и спустился вниз, услышав шум.

— Ох, мать! — боевик тоже явно не ожидал увидеть здесь нечто настолько страшное, но не растерялся, а тут же принял боевую стойку, а потом — раз-два-три! — пробил классную серию руками и ногами, очень болюче пройдясь мне по физиономии и солнечному сплетению и врезав подъемом стопы под коленку.

— Тьфу! — сказал я и плюнул в него сгустком пламени, обжигая и сбивая с толку.

А потом дал ему по тестикулам — когтистой ногой! Нельзя накачать мускулы так, чтобы удар по тестикулам не был эффективным! От этого кто угодно загнется! Обоими кулаками сразу я врезал ему сверху вниз — по лысой башке, а потом схватил за горло — и вышвырнул в окно. Дефенестрация номер раз! Делать мне больше нечего — с ним возиться! Очухается и побьёт меня еще! Это я так — в рамках фактора внезапности его одолел… По факту ударов двадцать — и я бы имел бледный вид…

ДЗАНГ! Внезапно мне в башку прилетел здоровенный металлический бидон — очень крепко, аж внутри черепа загудело все! Меня сшибло с места, ударило о стену и удивлённый голос произнес:

— Откуда тут хтоническая тварь? И где Олесь? И вообще — какого черта, куда делся этот дуроватый Пепеляев? Флигель горит, мы не можем ждать, пока поджаримся!

Маги нашли меня! Телекинетик и пиромант! И по-идиотски влупили бидоном в голову, не подозревая о том, с кем имеют дело!

— Он тоже поджарился, внутри своих доспехов, — сказал я, вставая с пола — Ваш глава рода.

Чешуя всасывалась, крылья — прятались за спиной.

— Курва мать! Это Пепеляев!

— Мне пришлось оторвать ему голову прямо в шлеме, она сильно запеклась внутри и совершенно не хотела выниматься, — вздохнул я и сделал пару шагов вперед. — Когда мы ехали из Славутича обратно в Вышемир, головы выкатились из мешка и запрыгали по десантному отсеку броневика! Дурацкое зрелище, и точно — не для слабонервных.

— Сука! — пиромант каким-то чудом успел сформировать в ладони огненный шар величиной с арбуз и швырнул его мне в лицо.

В мое, человеческой лицо. В лицо нулевки! Я почувствовал нечто похожее, как если бы на меня подули горячим воздухом из

фена. Файербол просто обогнул мою голову и врезался в стену, добавляя ещё огня в полыхающий вовсю пожар. А я уже был тут — близко от пироманта, и двинул ему в солнечное сплетение, и ухватил его, и бросил — через плечо, прямо в окно, со звоном стекла и глухим звуком падения тела на землю. Дефенестрация номер два!

— Теперь у тебя два варианта, — моё лицо снова стало покрываться чешуей. — Остаться тут один на один со мной, посреди горящего здания, когда я готов к твоим атакам и не пропущу ещё один дурацкий бидон… Ыть!

Мне в спину прилетел диван! Понял, гад, или почуял при помощи магии, что в чешуйчатом состоянии волшба на меня действует! И воспользовался! Но тут молодой телекинетик-Пац явно переборщил, наверное, с перепугу: диван врезал в мою поясницу с такой силой, что сбил с ног и бросил прямо на него, на этого мага! Больно было зверски, но шанса я не упустил: сграбастал мага за ногу, дернул, повалил и мы, сплетясь, как пара змей, обнявшись крепче двух друзей… К черту Лермонтова! Мы прокатились по полу, и я все это время лупил его кулаками по чем попало. Телекинетик оказался хилый — не чета боевым магам. Швыряться диваном — дело серьезное, но в партере он ничего из себя не представлял. Я отлупил его и скрутил его, и поволок на крышу, потому как все пути к отступлению были отрезаны огнем.

Дымило нещадно, воняло горящим пластиком, я тащил по чердачному отсеку телекинетика, он бился головой о стропила и балки и страдал. А я думал о том, что во флигеле сгорят мои ботинки, очень хорошие, военные. Благо — не от парадного костюма. Какая досада!

Для того, чтобы выбраться на крышу мне понадобилось вышибить деревянную решётку декоративного окошечка и выволочь за собой телекинетика.

— Ловите его! — крикнул я и, размахнувшись, швырнул последнего Олельковича вниз.

Что характерно, никто его не ловил — как обычно, коллективная ответственность не сработала. Парень рухнул со страшным хрустом прямо в клумбу с первоцветами, я надеялся — не убился, всё-таки тут два этажа с небольшим, а не двадцать!

— Дуэль закончена! — заорал Солтан. — Победил Георгий Пепеляев-Горинович. Тушите, тушите скорее флигель!

И в следующую секунду я понял, что подразумевает под собой библейские выражение «разверзлись хляби небесные» на собственной шкуре. Потому что Яся — это не про коллективную ответственность. Яся — это про эмоции и личную

заинтересованность.

Глава 9
Доместикация

Водителя звали Дитрих Каценкрацен, и на приборной панели его автобуса была закреплена настоящая боевая секира. Я помнил его, а он — меня.

— А красавица твоя где? — уточнил этот седобородый кхазад.

Он полжизни гонял рейсом Мозырь-Гомель с остановкой в Вышемире и знал, наверное, всех пассажиров. По крайней мере — в лицо.

— В Мозыре осталась, — вздохнул я. — Но ничего — в июне поженимся, и уже вместе будем.

— Смотри мне! — погрозил он пальцем. — Не будь идиотом, за такую фройляйн держаться надо!

— Держусь, держусь! — улыбка сама собой поселилась на моем лице. — Всего доброго!

— Ауф видерзеен! — покивал Дитрих Каценкрацен, и помахал рукой.

Автобус, шелестя покрышками по раздолбанному асфальту, отчалил от перрона и двинулся по Вокзальной улице по направлению к трассе.

Сделав несколько шагов вдоль широких окон автовокзала, я замедлил темп и на секунду замер, наслаждаясь свежим весенний ветром. Вышемир в апреле был особенно хорош: молоденькая зелёная травка уже подрастала на газонах и клумбах, в лужах на асфальте отражались кудрявые облака, небо было очень голубое, а народ вокруг — веселый.

На парковке, у самого здания автовокзала стояла большая жёлтая бочка с надписью «PIVO». Толстая кхазадка в переднике доверху наполняла стеклянные бокалы, стараясь не потревожить пенную шапку, передавала их алчущим и жаждущим прямо в руки. Мужики в очереди — в расстегнутых куртках и пальто, без шапок, весело гомонили, и не понять было — кто из них орк, кто гном, а кто — самый обычный человек-полешук. Через дорогу гоблины-коммунальщики в оранжевых жилетах подгоняли огромный оранжевый же мусоровоз к контейнерной площадке, радостно матерились и обсуждали свои гоблинские темы: про вторчермет, навар, бырло и всякую жижу.

Недалеко от бочки с пивом две девочки младшего школьного возраста играли в классики:

— Три-пятнадцать-десять-двадцать! — кричали они, с

размаху прыгая в лужу, которой завершались нарисованные мелом на асфальте клетки. И брызги летели во все стороны, отражая солнечный свет.

— Господи, благослови земщину! — выдохнул я, глядя в небеса. — Я дома!

* * *

Едва я вошёл в квартиру и швырнул саквояж и рюкзак в угол, как затрезвонил телефон.

— Хуеморген, Георгий Серафимович! — раздался голос Ингриды Клаусовны. — Что-то я не могла до вас все каникулы дозвониться… Нет, я понимаю — у вас за свой счет, но…

— И вам доброго утра, — фальшиво обрадовался я. — А я с коллегой из Мозырского колледжа занимался гидрологическими исследованиями рек Полесья, там связь плохо ловит…

— Да что вы говорите? И как, успешно? — заинтересовалась директриса.

— Успешно. Образцы для исследований взяли: беззубок всяких, пробы воды… Но вы ведь не о моем отпуске поговорить хотите?

— Именно так, Георгий Серафимович! У нас тут накладка вышла — некому детей на мероприятие отвести… — ее тон источал вересковый мед, не меньше.

— Какое мероприятие? — удивился я.

Апрель месяц, ни Международного женского дня, ни Дня победы, никаких местных аналогов! Куда потребовалось детей переть-то? Отрывать от учебного процесса? Бесят! А если не во время учебного процесса — то это уже какая-то пытка апельсинами получается: сначала уроки отсиди, потом — мероприятие. Наверняка очередная скучная муть…

— Обеспечить массовость рекомендовали из губернского просвещения, понимаете? — теперь голос Гутцайт звучал безапелляционно. И куда делся вересковый мед? — Пойдёте с девятыми классами, в понедельник, на пятом и шестом уроках.

— Ингрида Клаусовна, у меня как раз история стоит в это время. У девятых классов! — я начал закипать.

— Не восьмые же мне с математики снимать! — возмутилась директор. — И вообще, чего я с вами спорю: пишу приказ, вы — сопровождающий. Точка.

— Однако, — у меня даже зубы скрипнули. — Я понял. Вы начальник — я ваш подчиненный. Был бы рядом с вами — стал бы во фрунт и щелкнул бы каблуками, Ингрида Клаусовна!

— Не ерничайте, Георгий Серафимович, и так тошно… — она вздохнула.

Да, да — образование всегда было затурканным и безотказным. Надо создать массовость? Давайте пригоним школьников. И плевать, что мероприятие не имеет никакого отношения к учебному процессу.

Ничего-ничего, я буду копить свою пролетарско-интеллигентскую злость — а потом дождусь конференции в Минске и расскажу им кое-что по теме «Интерактивное обучение на уроках истории»… Пусть увольняют, в конце концов. Вообще — эта странная боязнь потерять работу… Нет, дело не в работе! В принципе — эта странная, иррациональная боязнь непонятно чего, присущая почти всем школьным учителям — она и есть чуть ли не главная проблема системы образования. Не именно здесь, в Государстве Российском на Тверди. А вообще — у всего человечества. Судя по моей Земле — в США, Южной Африке и, например, в Корее все обстоит примерно так же, разве что с небольшими коррективами. Если учитель покупает глобус за свои деньги, или в школе негде распечатать бланки для тестирования или просто — сесть и пообедать, разве руководство не должно знать об этом? Разве такая ситуация — норма? На каком уровне вообще сидит этот человек в пиджаке, который кивнет и скажет: «Окей, порядок — пусть учитель покупает глобус, мы так и задумали! И пол пускай сам красит, нет проблем! И отсутствие реальных и законных рычагов воздействия на ученика, который, скажем, плюет на пол- это тоже норма. Вообще — учитель виноват, что ученик плюется, значит — не заинтересовал учеников». Но, думаю, эти типы в пиджаках в принципе не знают о большинстве проблем. Потому что когда ходит ПРОВЕРКА, то все в школе в порядке. В общем и целом. А какой ценой этого добились, это другой вопрос. Учителя — сдвинутый народ, люблю я их.

Я сам — сдвинутый, а поэтому…

— Отведу, Ингрида Клаусовна, отведу! А вы меня потом с одиннадцатым классом на мини-ТЭЦ отпустите, у меня тема «Энергетика» на следующей неделе, по географии! — закинул удочку я.

— Георгий Серафимович, это что — шантаж? Вы представляете, сколько документов… — она аж всхлипнула с той стороны мобильной связи. — Если что-то случится, мы будем иметь бледный вид!

— Ничего не случится, я официально договорюсь с энергетиками! — пообещал я. — У нас будет провожатый, на всех наденут каски, и мы распишемся во всех журналах по технике

безопасности. И это будет всяко полезнее для учебного процесса, чем это ваше… Как его там?

— Открытый уездный форум молодёжных инициатив! — отрезала она. — Там будут представлены молодёжные проекты наших земляков со всей губернии: юные журналисты «В эфире» — из Речицы, ещё клуб исторической реконструкции «Терра» — из Дубровицы и модельная школа «Гимелин», они недавно открыли свой филиал в Вышемире! Кажется — зря вы так скептически настроены, может быть, и у нас кто-то из старшеклассников заинтересуется, найдёт активность по душе…

— Ладно, ладно, сказал же — отведу! — отмахнулся я, как будто она там могла видеть, как я отмахивался. — А вы Верочке скажите — пусть документы готовить начнет по экскурсии на ТЭЦ, ладно? Я как раз на четверг договориться успею!

— Йа, йа… — устало сказала директриса. А потом, думая, что я уже отключился, буркнула: — Фердамте аристократише бетругер!

Но я и не думал обижаться, главное — экскурсия состоится. А бетругер там или не бетругер — это смотря с какой стороны посмотреть.

* * *

Шаги соседа по лестнице я услышал издалека и потому задержался у дверей: Женьку я видеть всегда был рад.

— О! Вернулся! — обрадовался Зборовский. — И снова куда-то бежишь!

Наш уездный предводитель с полными руками продуктовых пакетов поднимался по ступенькам. О его высокой должности напоминал только костюм под курткой и крутой технологичный браслет с КПК на руке: по должности положено.

— Мороз-воевода дозором обходит владенья свои! — откликнулся я. — В магазин схожу, в собор зайду, ну, и на турнички тоже, кости разомну… Как тут у вас?

— Назначил Евграфовну начальником Управления Благоустройства, — радостно сообщил Зборовский. — И отдал им на откуп вторсырье, и доходы от реализации вторсырья разрешил пускать на повышение зарплат и техническое обеспечение работников.

— Погоди, Евграфовна — гоблинша, что ли? — до меня стало доходить. — То-то я смотрю, гоблины на автовокзале в оранжевых жилетах вокруг мусорки шустрили…

— Гоблинша — и еще какая! Они у нее все по струнке ходят!

Матриарх или не матриарх — я не знаю, но генерал в юбке — это точно! Зато — впервые за пять лет в коммунальной сфере укомплектованность кадрами более девяноста процентов! — Женя был жутко доволен таким своим решением. — Теперь главная проблема — уследить, чтобы городскую доску почета на цветмет не сдали… Шустрят — не то слово! И популяция крыс резко стала уменьшаться. Боюсь представить, что там с ними делают…

— Ну, молодец, молодец, — я был рад, что в этом плане в городе все налаживается. — Как там твои — жена, дети?

За коммунальное хозяйство можно было теперь волноваться поменьше: по крайней мере, довести гоблиншу до самоубийства точно не получится. Нет у гоблинов такой опции, они за жизнь цепляются хуже тех самых крыс и тараканов. Гоблин-суицидник или гоблин в депрессии — это оксюморон, не бывает такого. Да и в сфере свалок, заброшек, трущоб, мелкого ремонта и всякой жижи сложно найти более толковых специалистов!

— Моя сейчас мелких с кружков забирать пошла, а я вот пока сходил, затарился. Кстати, никак тебе спасибо сказать не удосуживался за санаторий! Очень хорошо получилось! Жена довольная, отдохнула! Рассказывала — там классные воспитатели, вот она и на процедурки походила, и вообще — перезагрузилась… — на лице у Зборовского появилось мечтательное выражение. — Ну, и соскучилась!

— Давай, пакеты подержу, пока дверь откроешь, — предложил я.

— Ага, спасибо! — Женя зазвенел ключами.

Как обычно — с соседом мы расстались вполне довольные друг другом, так что по лестнице сбегал я в отличном настроении. Во дворе тоже было хорошо: шумели молоденькой листвой березы, начала зеленеть увитая вьюнками беседка. В ней снова открыл свои заседания Клуб Любителей Пива и Домино. Завидев меня, мужики радостно загомонили, и я решил сдать им развединформацию:

— Около автовокзала бочка стоит, там разливное продают!

— О-о-о-о! — они тут же засуетились, и буквально через несколько секунд небольшая толпа обитателей четырехэтажного дома №3, что по улице Мира, вооружившись баклажками, бидонами и бутлями маршировала по частному сектору в сторону вокзала.

Во двор заехал черный с отливом электрокар, за рулем которого сидел лысый пухлый мужчинка с золотой цепью на шее. А рядом с ним — Даша! Ярко накрашенная, с завитыми мелким бесом волосами и в какой-то сверкающей блузочке. Я совершил

маневр, который на флоте называют «поворот оверштаг», и со всей возможной скоростью двинул прочь со двора. Таких встреч точно стоит избегать, не несут они в себе ничего хорошего!

— ПОБИЛ БЫ ЕГО, А ЕЕ БЫ ТРАХНУЛ ПО СТАРОЙ ПАМЯТИ? — предложил дракон.

— Серьезно? Нет, я понимаю, что ты пытаешься походить на альфу и крутого самца, но — правда? Ты бы променял Ясю на «траханье по старой памяти»? - от такого предложения даже тихий и скромный Гоша обалдел и подал голос.

— НЕТ, НУ… НУ, НЕТ, ЛАДНО, — слушать, как внутри башки спорят две такие близкие мне личности, и как одолевает не шумный и резкий Пепел, а молчун-Гоша, было весьма забавно. — СОГЛАСЕН — КАКУЮ-ТО МУТЬ ВЫДАЛ. ОТЗЫВАЮ СВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОЕ.

И плевать мне — это такой выверт сознания, и я просто веду внутренний диалог, который по-настоящему — монолог, или на самом деле у меня растроение личности, и я эдакий полесский Билли Миллиган. Каждый сходит с ума по-своему, главное — не тыкать этим в окружающих и не добавлять зла в мире. В конце концов, адекватных нет, и здоровых нет — все с придурью и больные. Просто кто-то притворяется лучше, кто-то — хуже, вот и вся разница.

С такими мыслями я дошел по улице Бакланова до днепровской набережной и, наслаждаясь видами реки, быстрым шагом двинул к воркаут-площадке.

— Разминаем голеностоп! — слышался звонкий мальчишеский голос. — Раз-два-три-четыре!

Я расплылся в улыбке: стайка пацанов, по большей части знакомых мне, и девчонок — по большей части незнакомых — разминалась на турничках. Верховодил всем этим, конечно, Белов! Он за зиму сильно подрос, окреп. И, несмотря на юный возраст, пользовался авторитетом! Вон, даже вечные непоседы и бузотеры Невзоркин, Жаркин и Морковкин теперь разминали колени под его чутким руководством.

— Серафимы-ы-ыч! — заорала вся эта толпа и кинулась ко мне. — А как?! А куда?! А где?! А мы думали! А вас что?! А кто?! А здесь!!!

— Гос-с-с-поди Боже мой! — я поднял ладони, останавливая всю эту вакханалию. — Отпуск у меня был на каникулах! От-пуск! Я в сплав ходил, на байдарке! По Горыни и Припяти! Что вы раздухарились? Вон, Белов разминку проводит, разминайтесь, и я с вами. А что без меня начали заниматься на воздухе, как погода позволила — так это большие молодцы, горжусь, люблю, уважаю! Не пропадете! На этом — лирическое отступление окончено.

Теперь — разминаем тазобедренный сустав: раз-два-три… Белов, продолжай!

* * *

Одному для чувства уверенности в себе нужно побриться и постричься, другому — сидеть за рулем крутой тачки. Для этого фрекен Бок покупала новые стельки, а Мэри Поппинс — кружевное белье… А-хм… Не было этого в той истории, да? Там, кажется, про шляпки, тросточки и перчатки шла речь! Так или иначе — меня всегда вдохновляла приятная тяжесть во всем теле после тренировки. Налитые правильной усталостью мышцы помогали мне чувствовать себя настоящим мужиком. Я был лишен этого ощущения долгие годы болезни и теперь ценил его как никогда раньше.

Поэтому, собираясь на встречу с одним из самых опасных существ в этом мире, я и сходил сначала на турнички. Глупость, конечно: Воронцову точно было тоньше лезвия на мои заморочки и на то, забились у меня бицепсы и трицепсы или нет. Он сидел себе в моей любимой кафешке «Джильи» и пил эспрессо макиато. И отсалютовал мне чашечкой, как только я вошел.

Больше в кофейне никого не было, девочки-бариста смотрели на светлейшего князя со странной смесью ужаса и обожания, а Георгий Михайлович вежливо улыбался.

— Присаживайтесь, Георгий Серафимович! — он даже стул отодвинул -движением брови! — Девочки принесут вам капучино. Вы ведь пьете капучино?

Великий телепортатор еще и телекинетик? Или это так — в рамках хобби, как у некоторых великих — хоккей или там дзюдо? Так или иначе — капучино я пил, так что сел и вежливо поздоровался.

— Доброго вечера, ваша светлость! — я понимал, что наворотил дел, и теперь мне придется разгребать последствия. — Я пью капучино. Честно говоря — я ждал чего-то подобного вашему прибытию, но именно вам — откровенно рад. Тот факт, что прибыли вы, а не рота опричников или, скажем, боевое звено министерских магов — это добрый знак… Хотя вы опаснее всего вышеперечисленного раз в двадцать, верно?

— В пятьдесят, скорее, — он взял в руки лежащий на столе «Яблочков» последней модели, включил экран и повернул его ко мне.

На видео был я. Закопченный и мокрый. Ядвига держала меня за руку, вокруг столпились шляхтичи со злыми лицами, на

заднем плане дымился флигель.

— … обращаюсь к тем, кто знает настоящую причину сегодняшних дуэлей. И настоящую причину гибели в Славутичской аномалии глав кланов Олельковичей, Гольшанских и Пацов! Скажу просто: через два или три года в Горыни или Вышемире появится школа. Такая школа, в которую станут стремиться отдать своего ребенка и самый бедный снага из городских трущоб, и самый могущественный из магнатов Великого Княжества. Это — будет, и поверьте, к тем, кто попробует мне помешать, я не буду проявлять милосердие, которое проявил сегодня. Я, Георгий Пепеляев-Горинович, обещаю — даже если князь Ростислав Гольшанский или любой из сегодняшних моих противников решит забыть вражду и через три, десять или двадцать лет приведет в мою школу своего сына или дочь, то я приму их и научу всему, чему смогу, и буду заботиться о них, как о младших братьях и сестрах. Но если вы попробуете мешать мне, то ни ваши дети, ни дети их детей, ни дети ваших братьев и сестер до седьмого колена не перешагнут порога моей школы, ежели только не отрекутся от своей безумной родни. С болью в сердце говорю об этом, но не вижу иного способа остановить происходящее… А ежели кто-то решит продолжить войну со мной, и, не дай Бог, пострадает хоть один ребенок из доверившихся мне — жизнью клянусь, отрубленные головы глав кланов, кишки вашего князя на плитах арены и пылающие замки вам детским садом покажутся. Думайте, вельможные и ясновельможные паны! Думайте о том, что я сказал, и том, что и кому следует говорить о сегодняшнем дне!… — Воронцов выключил экран смартфона и выжидающе посмотрел на меня.

Мне, честно говоря, было неловко. Пафосно все это звучало и громогласно, но, ей-Богу, я именно так и собирался сделать. Всю аристократию просто трясло от одного слова «инициация», у них вокруг меня уже столько басен и домыслов ходило, что грех было не воспользоваться. Вот я и выдал… Очень надеялся — подействует! А еще надеялся, что дуэлянты попридержат информацию о моих метаморфозах внутри кланов. Все-таки оно должно было прийти им в головы: а ну, как другие магнаты дурака сваляют и на меня нападут, а я им афедроны поджарю и кишки выпущу?

— И откуда это? — поинтересовался я. — Что — по сети прям гуляет?

— Не гуляет, — проговорил Воронцов. — Видео из закрытого чата глав кланов.

Прозвучало это буднично. Типа «из закрытого чата директоров школ». Вот так — запросто. Есть кланы в Государстве

Российском, у них есть главы — личности масштаба Вишневецкого, Сапеги и Воронцова. И у них есть чатик. И они там видосики друг другу сбрасывают. Например — вот такие вот.

— И что там пишут? — с невинным видом поинтересовался я.

— Что ты оборзел, — пожал плечами светлейший князь. — А еще — что ты молодцом. А еще говорят, что ты чей-то там аватар. Или — инкарнация кого-то из древних нуменорцев. Или попаданец из Тир-На-Ног или Аталантэ. Кто-то думает, что ты — дракон, другие — что демон, третьи — что у тебя дурацкая борода и дебильная прическа. Все как обычно в чатах.

— Э-э-э-э… И что мы можем в связи с этим предпринять? — мне принесли капучино, так что я имел возможность сделать вид, что занят кофе.

— Мы? — усмехнулся Воронцов. — Вот Феодор Иоаннович думает для тебя Вышемирский уезд у Его Величества в качестве юридики попросить. Чтобы ты тут свое учебное заведение создал — по собственному разумению и к вящей славе Государства Российского.

— А? — я даже кофе подавился, и оно у меня по бороде потекло.

— Бэ, — вдруг хохотнул Георгий Михайлович. — Но мы подождем, посмотрим, как ты летний сезон со своим партизанским лагерем проведешь. Поглядим на результаты. И тогда уже будет принято окончательное решение. Но, судя по тому, что вокруг тебя происходит, кажется мне, что годика через три назначит тебя Государь ректором какого-нибудь Вышемирского Лицея для юных пустоцветов или Интерната для детишек безвременно почивших верных слуг Его Величества. И наверняка даст уезд — как бы в кормление, чтобы доходы от этой земли ты на такое благое дело использовал. И все — никуда не денешься. Чем аристократ от простолюдина отличается, знаешь? Правильно — службой! Слово и Дело Государево — наверное, слыхал?

— А может, не надо? — неуверенно проговорил я.

— Надо, Жора. Надо! — широко улыбнулся Воронцов — и исчез.

Однако, Жорой меня в этом мире еще никто не называл!

Глава 10
Сервильность

— Существует две теории происхождения права, — я вышагивал возле доски и размахивал рукой, в которой был зажат мел. — Естественная и позитивная. Естественная говорит о том, что все рождены равными, и каждому с самого первого его вздоха принадлежит право свободно распоряжаться своей личностью и быть защищенным от насилия. Вообще как такового списка естественных прав нет. Кто-то относит к ним свободу вероисповедания и политической жизни, право на справедливый суд и… В общем, концепция естественного права может варьироваться, но главный ее аспект — наличие неотъемлемых прав у каждого от рождения — остается неизменным…

Я оглядел класс и вздохнул. Иногда следовало просто признать свое поражение: даже самая интересная на мой взгляд тема и самый рабочий мой настрой, и красиво оформленная доска — все это пасовало перед обстоятельствами непреодолимой силы.

Детей откровенно растащило. В окно светило солнце, за окном орали птицы, пахло весной, подростки дурели. Пускали друг в друга солнечные зайчики с помощью циферблатов часов и зеркалец — у кого были. Тыкали в спины ручками. Щипались. Просто дремали на парте. Это были очень хорошие ребята — десятый класс! Но даже вечно энергичный Ляшков в легкой задумчивости наматывал на палец локон Демочкиной, которая — кто бы мог подумать? — сидела теперь с ним за одной партой. Вадим хрустел суставами, потягиваясь. Близняшки красили губы.

Классом овладело весеннее настроение. И с этим нужно было что-то делать! Что-то вполне конкретное. Урок нужно было вести!

— Так! — сказал я. — Десятый класс! А ну-ка, встали все! Встали, встали! У нас тут предметы гуманитарного цикла, или как? Правильно! Будем следовать заветам великих философов! Академия Платона проводила занятия в роще под Афинами, на свежем воздухе, а чем мы хуже? Собрали свои вещи и шагаем за мной — под яблони! Сможете писать на коленке?

— Да-а-а-а! — они были в радостном шоке.

— Тогда — шагом марш, ать-два! Тему нужно разобрать, отметки нужно выставить! — я закрыл журнал и сунул его под мышку, учебник и план-конспект брать не стал — этот параграф я мог рассказать, проснувшись среди ночи, с похмелья, во время спарринга, на плаву, на бегу, на скаку, как угодно и где угодно.

Шпаргалки мне были не нужны.

Мы шумной толпой спускались по лестнице, когда на пути нам попалась завуч.

— Что здесь происходит, Георгий Серафимович? — округлила глаза она.

— Интерактивная работа на уроке обществоведения по методу платоновской Академии! — отчеканил я.

— Ну, надо же! Но — под вашу ответственность! — погрозила пальцем представитель администрации.

Мы устроились на траве под деревьями, недалеко от наяды, которую изваял Элессаров. Земля уже подсохла, в качестве сидений дети безбожно использовали рюкзаки, я — вещал стоя. Дул легкий ветерок — апрельский, будоражащий душу. Я-то получил от него прививку — сплав на байдарке помогал унять тот самый внутренний зуд, а вот десятиклассники, юноши и девушки, разрумянились, явно повеселели, на них было приятно смотреть!

— Итак, кто мне повторит, что такое естественная теория права? — обвел их взглядом я.

— Ну, что основные, базовые права принадлежат всем разумным от рождения! — отозвалась Демочкина, раскладывая на коленях учебник и тетрадь.

— Отлично! — обрадовался я. — Значит, всё-таки запомнили! Повторюсь: единого списка естественных прав, как такового, нет, каждый философ-политолог расширял или сужал его по своему усмотрению, в зависимости от своих взглядов и страны проживания… Итак, теперь вторая концепция — позитивная. Нет, это никак не связано с обуявшим вас хорошим настроением, это о другом. Это о том, что именно государство, а если быть точным — монарх как его олицетворение подарил права своим подданным. Те, которые посчитал нужным. Поскольку без действующей государственной машины соблюдение этих прав невозможно. Сторонники позитивной теории считают, что сама идея существования права без существования государства — пусть и самого зачаточного, такого как племя, например, — в принципе абсурдна, ведь никто не гарантирует безопасность, сохранность частной собственности и даже жизни! Без государства начнется…

— Война всех против всех! — обрадованно выкрикнул Вадим. — Это Гоббс говорил!

— Однако! — я поймал что-то вроде катарсиса, и мне дорогого стоило не расплыться в дурацкой улыбке. — Серьезно? Ты прям запомнил? То, что мы проходили столько месяцев назад?

— Так это… — удивленно, как будто оправдываясь, развел

руками Вадим. — Интересно ж было, я и запомнил.

— Ну красавчик, ну! Молодцом, Вадим, ты меня радуешь! — я показал ему большой палец.

Не стоит жалеть заслуженную похвалу. Иногда это очень много значит для ребенка, даже если ребенок выглядит как высоченный крепкий парень. Главное — быть искренним, дети это видят.

— Значит, с теоретической частью разобрались! — кивнул я. — Теперь перейдем к практической: у нас, в Государстве Российском, какой концепции придерживаются?

— Конечно, позитивной! — проснулся Ляшков. Наверное — взревновал, что похвалили Вадима, а не его. Ну и ладно, пускай шевелится, ему полезно. — У нас ведь все законы за подписью Государя выходят, они и есть главный гарант их соблюдения, он и исключительные права может даровать — там, дворянский титул отдельному человеку, или, например, статус сервитута целой территории…

— У кого еще есть мысли? — я пощелкал пальцами.

— А у нас у каждого-с-с-с-с… Есть право выбора-на, — подал голос Башка, старательно давя в зародыше матерщину. — А у нас естественное право-на! Каждый может жить где хочет-на и пользоваться теми правами, которые сможет взять-в—в-в-р… А-хм! Даже с юридики можно сбечь! Сбегчи! Сбежать! Вон — в Орду! Из Орды выдачи нет!

— Да если б Государь аристократов за узду не держал — они б всех в кабалу загнали! — отмахнулась Демочкина. — Кому понравится, чтобы им помыкали? Кто добровольно разрешит себя унижать?

Я только вздохнул, вспоминая монорельс до Збаража. И настроение у меня стремительно поползло вниз. Хотя урок прошел по итогу неплохо, и я даже поставил пару десяток.

* * *

На удивление, мероприятие — этот Форум молодежных инициатив — оказалось даже интересным.

Конечно, девятые классы занимались всякой бредятиной. Один бедовый пацан — Пешкун — взял с собой одноразовый шприц с водой и пшикал вперед, куда-то на первые ряды, заставляя сидящее там начальство тревожно поглядывать на потолок: не капает ли? Две девчонки в безразмерных кофтах протащили с собой чипсы — и, как водится, рассыпали их под ноги, а заметив мой свирепый взгляд — принялись ползать на

карачках и собирать закуску меж рядами, тихий ужас! У кого-то громко на весь зал завопил телефон, знаете, с этим дебильным рингтоном «Триста двенадцатый, я База, ответьте!», заставив половину зрителей скорчить страдальческие гримасы, а другую половину — беззвучно материться. При этом — учитывая ситуацию с мобильниками в земщине — скорее всего заиграло у кого-то из учителей.

На сцене меж тем разворачивалось увлекательное действо. Начальник уездного просвещения вдохновенно рассказал о том, как все вокруг надеются на молодежь, и как все нуждаются в ее энергии и креативных идеях. А как же? Будущее же в их руках, точно. Вот в этих, которые чипсы рассыпали. После речи начальника. перемежаясь концертными номерами, начались презентации участников форума.

Юные журналисты показывали видео с интервью разных тамошних речицких знаменитостей и заезжих гостей, репортажи с фестивалей и концертов. На самом деле — ролики были довольно профессионально сняты и смонтированы, особенно — для подростков из земщины. Меня, конечно, заинтересовали реконструкторы из Дубровицы: крепкие парни в доспехах, которые провели несколько показательных боев, а потом рассказали о своем клубе, старейшем в Великом Княжестве. Я уже как-то сталкивался с их отделением, по наводке Холода. Но в Вышемире ребят в доспехах было всего полдюжины, не больше. А там, в Дубровице — целая большая команда!

Это у нас на Земле реконструкторство и историческое фехтование считалось всего лишь одним из экстремальных хобби, здесь же, на Тверди, учитывая обилие артефактов, аномалий, магических и юридических ограничений, владение мечом вполне могло стать неплохим подспорьем в бою! Например, тот же Бабай со своим странным, похожим на кочергу, клинком и вовсе не пользовался огнестрелом. Как и все уруки. Кажется, там какие-то законодательные препоны имелись, но я не вникал. В общем — меня прям заинтересовало! Я бы этих ребят в свой партизанский лагерь пригласил мастер-классы провести, или вообще — в программу заездов какой-нибудь спортивный мечевой бой ввести.

Но, конечно, гвоздем программы стали, увы, не рыцари в железе, а модельное агентство «Гимелин». Честно говоря, когда на сцену вышла сногсшибательная эльфийка в шелковом струящемся платье — вся мужская половина публики тут же сделала охотничью стойку, а женская — пооткрывала рты. Ну, то есть, мы видали эльфиек, некоторые даже в школе учились, но это были наши, полесские эльфийки, в самой обычной одежке, с самыми обычными манерами. По большому счету — привычные

даже земному глазу тихие и миленькие девочки-отличницы, даром что остроухие.

От этой же галадрим шибало хищной сексуальностью, обычно несвойственной этому скрытному и спокойному народу. Нимфа — вот как ее хотелось охарактеризовать. В каждом движении рук, в каждом изгибе тела было столько женской энергии, что даже мне, хладнокровной твари, стало жарко, а дракон озадаченно сказал:

— ТАК, ЯТЬ!

— Наше модельное агентство работает в Великом Княжестве уже четыре года и стремительно завоевало ведущие позиции среди детских модельных агентств Гомеля и всей губернии. Была проделана серьезная работа, создана и отточена уникальная программа обучения моделей. Опираясь на свой опыт и репутацию, мы создали непревзойденную площадку для обучения моделей и успешного старта в модельном бизнесе… — пока ее мелодичный, вливающийся в самый мозг голос вещал о распрекрасной школе «Гимелин», на сцене под музыку дефилировали девушки — в разных образах и одеяниях.

Ну, ходили они красиво, даже грациозно, и выглядели в целом тоже приятно — это стоило признать. Но, во-первых, мне не очень нравилось, когда дети изображают из себя взрослых: слишком сильно красятся, подчеркивают несформированные еще до конца вторичные половые признаки, делают важные или игривые выражения лиц… И принимают пикантные позы. Эти девочки лет четырнадцати-шестнадцати ведь и понятия не имеют, что на самом деле для ровно половины присутствующих в зале означают их озорные подмигивания и кокетливо отставленная ножка! Бедненькие. Живут в счастливом неведении…

А во-вторых, весь этот тщательно наведенный лоск, вся эта отточенная привлекательность и изящество со слегка вымученными улыбками на лице — они мне что-то напоминали, что-то такое, что я уже вспоминал сегодня, но…

Но эльфийка продолжала вещать:

— Наши профессиональные компетенции помогут найти кратчайший путь к мечте любой девушки! Наша модельная школа обеспечит своих учениц такими навыками, которые необходимы для участия в кино-, теле-, фото- и видеосъемках. Это фотопозирование, дефиле, этикет, хореография, стилистика, актерское мастерство… Наши ученицы проходят регулярные стажировки и фотосеты за рубежом — в Лютеции, Флоренции, Праге, Варшаве, а лучшие удостаиваются чести попасть на кастинги даже… В Авалоне! — и в голосе ее послышалось бесконечное восхищение.

Я бы даже сказал — обожествление. И это мне категорически не понравилось, и потому — я моргнул. Честно — с помощью драконьего взгляда я ожидал увидеть следы ментальной магии или чего-то подобного. Но — отнюдь! Эфирный фон был вполне в пределах нормы! Конечно, эльфы гораздо более волшебные существа, чем люди, или, скажем, кхазады, так что «фонило» от лаэгрим на сцене знатно, но каких-то явлений — по типу того тумана от психлогушки на курсах — этого не наблюдалось.

Зато — на лбу двух из дюжины девушек-моделей я увидел некое хитрое треугольное сплетение линий, сияющее неярким зеленым светом. Примерно как татуировки у Бабая и Бахара, только не так и по-другому… И я знал этот символ. Там, на Земле, он принадлежал к кельтской традиции. А здесь — скорее всего к эльдарской. Трикветр, вот как он назывался. Да и у самой девушки-галадрим, которая продолжала вдохновенно рассказывать о прекрасной модельной школе, филиал которой, оказывается, уже три месяца работает в Вышемире, тоже имелся подобный знак — на тыльной стороне ладони левой руки. Однако стоило мне вернуть человеческое зрение, как эти начертания становились невидимыми! И это пахло очень, очень дурно. Я внаглую достал смартфон и сфоткал происходящее на сцене, а потом отправил фотку Наталье Кузьминичне с комментарием: «нужно понять, что это за дама, и чем две мадмуазели слева отличаются от всех остальных».

Меж тем дефиле закончилось, и началась интерактивная часть — координаторы всех трех молодежных проектов вышли на сцену, в проходе между рядами сидений установили открытый микрофон и все присутствующие получили возможность задать вопросы. Ясное дело, никто вопросы задавать не хотел… Это Беларусь, партизанский край. Все молчат. А кто не молчит — тому, значит, всучили бумажку с вопросом! А если он сам вышел, то горько ему будет после мероприятия, поскольку товарищи отнесутся к такой инициативе с большим недоумением!

Но кое-какие бумажки все-таки раздали, и нашлась даже пара мальчиков, заинтересовавшихся реконструкторами, и пара девочек, которые не побоялись спросить о модельной школе, и один гоблин, который дико заинтересовался журналистикой. Но основное движение развернулось после окончания официальной части, в холле, у инсталляций каждого из проектов. Мне сильно хотелось к одоспешенным ребятам, пощупать и попробовать в деле оружие и предметы быта пятнадцатого века, которые они выставили, но — мои девятиклашки, а точнее их нежная половина — сгрудились как раз у стенда модельной школы.

— … приглашают на Авало-о-о-он! Представляете, вечеринки

с настоящими эльда-а-арами! — с придыханием вещала смазливая смуглянка в а-ля эльфийском платье, но с совершенно человеческими круглыми ушками. — Они та-а-акие классные! И щедрые! Вот, смотрите — этот браслетик мне Маэглин подарил, это сердолик, представляете? А Маэглин — он эсквайр, и мы с ним переписываемся!

— ШЕСТАЯ ШКОЛА! — рявкнули мы с драконом. — СОБРАЛИСЬ НА ВЫХОД!

Мне стало жутко мерзко. У меня в голове склеились два, даже три образа. Первый: наши, земные девчонки, которые вот точно также обсуждают «Вечери-и-и-нку на яхте настоящего ше-е-ейха! В Дуба-а-е!» Второй: те самые проводницы в монорельсе на Збараж. Какая связь между модельной школой «Гимелин», вечеринкой в Дубае и проводницами? Самая, чтоб ее, непосредственная! Отвратительно!

— Собрались, собрались девятые классы! Я должен довести вас обратно до школы! — рычал я, продвигаясь к выходу.

— Георгий Серафимович, мы же уже большие, можно вы нас тут оставите? — умоляюще пищали девчонки.

— Отнюдь! — я глянул на столпившихся за моей спиной парней и девчат. — Где взял — там и оставлю. Возр-р-р-ражения не пр-р-р-ринимаются!

И повел их прочь от инсталляций и презентаций, аки Моисей — народ израильский, раздвигая толпу уверенными жестами рук и суровым выражением хмурой физиономии.

— ОНА СМОТРИТ НА ТЕБЯ! — подал голос Пепел.

Я оглянулся. В противоположном конце холла стояла та самая галадрим. Ее взгляд не сулил мне ничего хорошего, он был холодным, даже — ледяным! И я глянул в ответ — как положено, по-драконски! Лицо эльфийки стало испуганным буквально на секунду, а потом она вернула самообладание и, сделав безразличное лицо, отвернулась. Но — я успел увидеть ее страх. И она поняла это.

— *Умеешь ты наживать нам врагов,* — вздохнул Гоша. — *Может, ну ее?*

— А ЧТО, ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ ОТДАТЬ НАШИХ ВЫШЕМИРСКИХ ДЕВОЧЕК ЭТОЙ БОРДЕЛЬ-МАМАН? — возмутился дракон.

— *Согласен, какую-то муть выдал!* — явно растерялся Гоша. — *Отзываю свое предложение как несостоятельное!*

А я тихо радовался внезапно возросшему взаимопониманию между всеми тремя моими ипостасями и строил своих великовозрастных детей на крыльце. Мальчик-девочка. Попарно.

Мальчики, конечно, радовались. Девочки — не очень. Но у

меня получилось — и это уже можно было считать педагогическим подвигом.

* * *

Глава 11
Конфронтация

— Жень, я тебя когда-нибудь о чем-нибудь просил? — я сидел в кабинете у главы уезда и настроение мое стремительно портилось. — Ну, не кофе там налить, а что-то посерьезнее? Нет, я понимаю — ты у нас максимально честный руководитель, и никакие элементы коррупции не приемлешь, но я же тебя не закрывать их прошу! Просто — натрави на них проверку, чтобы до самых гланд пробрало! Я уверен — что-то да накопают.

Журналист-предводитель вскочил со своего места и подошел к окну.

— Чего ты на них взъелся? — спросил он, не глядя на меня. — Ну, модельный бизнес. Ну, да — я бы своих дочек туда не отдал. Но нет в этом ничего противозаконного! Этикет, фотосессии, хореография. Кому-то нравится крестиком вышивать, кому-то морды друг другу на ринге бить, третьим — вот по сцене ходить красиво… Думаешь, многие из них реально топ-моделями станут? Ты же сам говорил — каждый сходит с ума по-своему, главное зла не добавлять. Ну, заняты девчата самолюбованием — так мало их, таких дурненьких, перед зеркалом крутится?

— Слушай, ты ведь взрослый мужик, — вздохнул я. — Давай называть вещи своими именами: наших девчонок возят за границу, к каким-то тамошним богатеньким мерзавчикам, те их там сношают, задаривают подарками, они потом на ПМЖ переезжают и теряются с концами и…

— … и что? — глянул на меня Зборовский. В глазах у него стояла тоска. — У нас не закрыты границы, всякий подданный Государя без долговых обязательств, ограничений по контракту найма или подписки о невыезде может свободно пересекать рубежи богохранимого отечества. У нас, может, и абсолютизм, но просвещенный и вписанный в юридические рамки! Мы не можем запретить нашим девушкам ездить в другие страны. Это как бы нарушение их прав получается. Что нам теперь, учет красивых девчонок вести и запирать их по домам? Эдак мы до тотального мракобесия докатимся!

— Да у них такие штуки на лбу — как тавро у скота, понимаешь? Эти агентства — просто инструмент влияния, они наших переманивают туда, вот в чем все дело! Типично авалонская тема: мы в своих школах и университетах бесплатно растим ученого, а они ему зарплату, дворянский титул и пару наложниц. И адью, гуд бай, ауф видерзеен! Пустоцветов

перспективных тоже стараются выцепить, теперь вот — девушек… — я понимал, что юридически и формально он кругом прав. Но мне было прям плохо, не нравилось мне все это ужасно. — Школьницы наши там, в Лютециях этих и Камелотах с Лондиниумами, насмотрятся на красивую жизнь, сравнят с земщиной, хотя банально даже в Минске или Ингрии не бывали, и… Знаешь, как они зовут эльдаров, у которых гостили во время стажировки?

— М? — он поднял бровь.

— Хозяева! — выдал я. — Ты подумай — «хозяева!»

— Ять… Пепеляев, я тебя понимаю, от всей души. Очень хорошо понимаю! Но как руководитель сделать ничего не могу. Зато как журналист — могу! Я твои вот эти материалы возьму, подборка хорошая… И распишу драматически, мол, как наших белорусских девочек с помощью модельного бизнеса превращают в эскортниц, гетер и прочих профурсеток. Или используют как племенных кобылиц для увеличения поголовья полукровок… Мы в «Минском листке», в «Гомельских ведомостях» и даже в «Желтых страницах» напечатаем, по Сети коллеги тоже запустят — вой поднимется страшный. Но для определенной категории мадмуазелей это не станет стоп-сигналом. Это их только подхлестнет. Есть барышни, которые считают, что секс с эльдаром и серебряный браслетик…

— … с сердоликом… — кивнул я.

— Пусть с сердоликом, — Зборовский был рад, что я не кричал и не психовал. — Вот для них это невероятный успех! Они считают, что дофига подняли свой статус, став куртизанкой в Авалоне. Только потому, что он эльдар из Авалона, понимаешь, а не Ясь или Алешка из Вышемира. Типа авалонский сердолик не та же байда, что и наш сердолик? Мы не можем заставить их быть адекватными и нравственными, всех этих девчонок! И повторюсь — не можем запретить совершеннолетним свободным людям ездить куда угодно. Детей они возят на эти «стажировки» только с письменного согласия родителей…

Материалы со статистикой про девушек, пропавших без вести, работающих в эскорте и откровенных борделях или просто — ставших наложницами «моделей», которые подогнала мне Пруткова, на самом деле не имели под собой никакой юридической силы. Так, таблички на бумаге, без подписи и печати. Да и сами сыскари руками разводили: девчата добровольно туда едут! В посольство Государства Российского за помощью обращаются единицы… Остальных, похоже, все устраивает.

— Так… — я хлопнул себя по ляжкам ладонями. — Я тебя

понял. Как человек и патриот — ты за меня, как руководитель — ничего сделать не можешь, потому как ничего противозаконного в этом нет. А душить их админресурсом ты не будешь, ибо принципиально против того, чтобы душить кого-то «по знакомству». Что ж — позиция достойная.

Зборовский развел руками:

— Все ты правильно сказал. Накопаешь что-то — приходи. Магия в земщине, торговля людьми, не дай Бог — растление… В общем, любая уголовщина. Если доказательства будут вескими — отдадим Криштопову, пусть милиция занимается. Если факты будут для милиции недостаточные, но для меня — стопудовые, то я вместе с тобой пойду им стекла бить, как настоящий вышемирец и нормальный мужик, честное слово. Но как глава города и уезда — отвечаю тебе «нет»!

— За это я тебя и люблю, — кивнул я. — Ну — мое дело предупредить. Бывай, сосед! Увидимся!

— Не держи зла, а? — глянул на меня он.

— Ни в коем случае, — я махнул рукой и вышел прочь из кабинета.

Получалось какое-то свинство. Девушки с этими эльфийскими отметинами, видимыми только в эфирном диапозоне, отличались от остальных тем, что побывали на Авалоне, где проживали у какого-то там эсквайра Маэглина. Там они тусили, фоткались, работали кем-то вроде службы протокола: встречать гостей, подносить напитки, вручать дипломы и цветы на мероприятиях. Какая-то такая история. А сношали там их или нет — судить сложно. Вроде как — сношали, но им на данный момент было по девятнадцать, так что в общем и целом, кроме досады, я ничего «Гимелину» предъявить не мог. Никто их никуда насильно не вывозил, все — по собственному желанию.

Это мне и Наталья Кузьминична рассказала, мол — с точки зрения Сыскного приказа приколупаться не к чему, хотя следят за этим «Гимелином» плотно, и как только — так сразу. Вон, и статистика у них есть — ДСП, то есть — как бы для служебного пользования. Но раз я так крепко в это дело вписался — то без ссылок на источники опубликовать можно. Разворошить осиное гнездо — дело хорошее, авось и занервничают, и проколются где-нибудь.

А Холод, которому я набрал одному из первых, и вовсе сразу пошел в отказ:

— Нет, не буду я сними связываться. Только с ушастыми мне разборок не хватало! Не дури голову, Пепеляев, без тебя тошно!

В общем — я почувствовал себя идиотом. И куда мне жаловаться? В Спортлото? Или напрямую — Федору Иоанновичу?

На провинциальное модельное агентство? Даже не смешно. Сесть в «Урсу», проехать по адресам и спалить все их офисы к бесам? Тоже не смешно… Глупость полная. Получается, я не мог действовать ни как Пепел-дракон, ни как Гоша-патриот-вышемирец, ни даже как Пепеляев-Горинович — рыцарь и землевладелец.

Значит — нужно действовать как Георгий Серафимович — учитель истории, обществоведения и географии!

Что там у нас в четверг? Единый день информирования? Сколько там у нас школ в Вышемире — десять? Что ж, почему бы и нет, в конце концов! Подходя к «Урсе», я точно знал, куда поеду вечером: не в милицию, не к бандитам и не в Сыскной приказ… В Управление народного просвещения, к начальнику. А еще — к отцу Клаусу, в собор. Может быть, меня и затошнит в этот самый четверг от культпросвета, но я проем начальнику управления плешь прямо сегодня, чтобы попробовать достучаться до всех и каждого… Каждой!

Но сначала — нужно было решить еще один насущный вопрос материального свойства. Потому что главное — не забыть главное. Борьба за светлые идеалы — это хорошо, но если не решать вопросы и не делать дела, то все это превозмогание яйца выеденного не стоит! Не надо бороться за чистоту, надо подметать, как говорил Илья Ильф.

* * *

Я стоял на берегу озера Горынь и наблюдал за величественным, даже — грандиозным зрелищем. Целый воздушный флот, вереница конвертопланов, один за другим снижались над берегом озера и, поблескивая черными бортами, опускали на поляну среди соснового леса грузовые контейнеры. Эти огромные ящики от стандартных морских отличались на первый взгляд только тем, что оказались обмотаны пленкой, как чемоданы в аэропорту. Было их великое множество: многие десятки! Вишневецкий выполнял свое обещание — он прислал мне весь мой партизанский лагерь за один заход!

Вообще, в моем Горыньском владении работа кипела: братья-нулевки осваивали старую военную базу, заканчивался ремонт усадьбы, шли земляные работы на участке под строительство Центра виртуальной паллиативной медицины… Однако детский лагерь у меня был на первом месте! Отто Шифер стоял рядом со мной на невысоком холмике, радостно матерился на шпракхе и выдавал свои комментарии:

— Тут нужно только пленку снять — и почти готовое жилье! Я такие домики в Подмосковье видал, очень прилично! Размер — двенадцать на два с половиной метра, высота потолков — два сорок. Снаружи обшиты планкенами из лиственницы — при жаре не будет сильно нагреваться, и вид более такой… Йа, натюрлих… Природный! Внутри напыляемым ППУ напшикали, будет тепло, поверх тоже планкенами обшили, чего выдумывать? Цоколи мы уже сами реечками обделаем… Обошьем! Двухкамерные окна ПВХ, местами даже панорамные! Кондей, вентиляция, теплый пол, гальюн — то бишь душ с туалетом. А дальше — на усмотрение заказчика, в смысле меблировки. Хошь дача, хошь любовное гнездышко, а хошь — спальные места и тумбочки на шесть человек! Это мы поставим, с мебелью вопросов у нас не предвидится. Ну как, дас ист гут?

— Даже слишком гут! — ошарашенно помотал головой я. — Я думал — у нас будут бунгало, вигвамы какие-то… Теперь придется им полевые выходы устраивать дня на три, с палатками, чтобы жизнь медом не казалась… Кондеи у них, души с туалетами. Мы так не жили! Погоди, а электричество?

— Солнечные панели на крыше! — закивал кхазад. — Каждый контейнер-домик — вполне автономный. На освещение и всякие мелочи типа телефон зарядить очень даже хватит. И аккум для кондея и теплых полов будет подпитываться. Ну, и генератор поставим общий, на весь лагерь. Вдруг дни пасмурные будут? Конечно, если зимой — то там нужно серьезнее что-то, там отопление жрать будет дай Боже, но всё решаемо. Не, ну это княжеский подарок, я считаю! А усадьбу точно под административный корпус отдавать решил? С чего такие радикальные перемены мнения?

— Потому что с барского плеча, — я не видел смысла скрывать свои мотивы. — Усадьбу мне Вишневецкий подарил. А охотничий домик я сам добыл — честным вымогательством и шантажом.

— Гы-гы-гы-гы! — Шифер ухватил себя за пузо. — Бла-а-ародно! Все, что на шару — всё детям. А что твое — то твое, да?

— Однако, все так! — покивал я. — Мне и домика хватит, очень он симпатичный… Два этажа, пять комнат — что еще надо?

— А ну, как детки пойдут? — прищурился Отто.

— Не батальон же мы их нарожаем! А на двоих-троих-четверых — хватит! Насмотрелся я на хоромы в юридиках, меня теперь от них тошнит… — честно признался я. — Ну, пойдем, что ли, расстановкой поруководим?

— Ну, пойдем.

Руководить, конечно, не имелось никакой надобности,

опытные пилоты выставляли домики ровно по маячкам, но почувствовать себя командиром — этого удовольствия я себя лишать не собирался.

На самом деле — это просто праздник какой-то: видеть, как твоя идея материализуется, воплощается в реальность! Вокруг пахло весенним лесом, плескались о берег воды озера, щебетали птицы… У меня душа радовалась, если честно — я здесь был полновластным хозяином, и здесь делалось все, как я хочу! Кстати — надо было еще Ясе позвонить, посоветоваться: где костровую делать, какие цветы на клумбах будут лучше смотреться, цвет плитки для дорожек опять же выбрать…

* * *

День выдался суматошный. Помимо общения со Зборовским и встречи внезапно прилетевшего по воздуху партизанского лагеря, я таки побывал у начальника управления народного просвещения — Валентин Александрович его звали — и внезапно нашел полное взаимопонимание. Мужик он был хороший, даром, что чиновник от образования. И дочки у него имелись — целых три! Ему как отцу и хорошему мужику вовсе не улыбалось, чтобы кто-то там на распрекрасных островах заманивал к себе наших юных дев. А еще — он вообще-то мне был многим обязан. Зашкаливающие показатели по инициациям, олимпиады и, чтоб меня, стопудовое «золото» за научную работу Ляшкова и Демочкиной — это кое-что да значит! Как минимум — его престиж и в некоторой степени доход.

— Да что ж такое то! — сетовал большой начальник. — Чего им у нас-то не хватает? Хочешь этой своей свободы — едь в сервитут. Хочешь гаджетов, невероятного технического прогресса и всякой виртуальной тряхомудии — это в опричнину пожалуйста. Даже принца у нас можно найти — юридик целая куча, у нас и ханы, и князья, и прочие всякие бояре да дворяне! Что им там за бугром — медом намазано? Знаете что, Георгий Серафимович… Это ведь мне из губернии указивку прислали, про этот форум. Я бы этих моделей и на пушечный выстрел не подпустил, но деваться некуда было! Мне из-за них кружок юных натуралистов вычеркнуть из программы пришлось, хотя ухаживать за морскими свинками — в три раза полезнее, чем по подиуму бедрами шевелить… А вот контрпропаганду им устроить — это отлично. Вы всерьез готовы выступить во всех городских школах? А с текстом вашего выступления можно ознакомиться? С собой? Давайте-ка его сюда. Отлично, отлично… Жестковато,

конечно, про все эти эскорт-сервисы, но со старшеклассниками, наверное, так и нужно. Единственный вопрос… Не станут ли травить тех, кто уже состоит в таких модельных школах? А вдруг на них на всех разом клеймо проституток повесят — с нашей подачи? Там ведь полно действительно хороших девочек, сами знаете!

Однако, вопрос оказался не в бровь, а в глаз. Все-таки Валентин Александрович был сначала педагог, а потом уже — чиновник. Кстати — тоже историк. Но я сориентировался на ходу:

— Резонно! Я как-то на эмоциях и не сообразил сразу… А давайте, я в целом про работу за границей доклад сделаю? Про все эти «ворк энд тревел» авалонские и программы по оздоровлению детей, пострадавших от Хтони, в семьях из Конфедераций — Итальянской и Германской… Разберу психологические проблемы, плюсы и минусы, опасности… И акценты расставлю как положено.

— А мы как будто невзначай подснимем все это — и в сеть, в сеть! — потер ладони начальник. — Есть у меня один гоблин знакомый, он в какой-то конторе работает — не то «Гойда», не то «Орда» — что-то такое… Такую нарезочку сделает — точно разлетится. Но текстик мне отправьте — авось что-то такое вам и подскажу снова. А вообще — давайте школы пополам поделим? Вам-то одному десять штук — это занадта будет! А шо занадта — то ня вельми!

И радостно захохотал. Ну-ну, «что чересчур — то не очень», вот она как, беларусчына эта проявляется. Но в целом я даже был рад: он сильно облегчил мне задачу. Да и вообще — целый начальник отдела образования! Сиречь — управления народного просвещения. Его точно будут слушать внимательно. Аудиторию Валентин Александрович держать умел и, как всякий настоящий историк, мог трепаться на любую тему, даже совершенно незнакомую, час или полтора без остановки.

Учитывая обещанную информационную бомбу от Зборовского — эффект должен был получится серьезный. Не знаю, как оно там в масштабах Государства Российского или даже Великого Княжества Белорусского и Ливонского, но в нашей губернии я этим торговцам живым товаром хвост прищемлю всерьез!

* * *

В общем, если начинался день для меня в растерянных чувствах, то завершал я его на кураже. И, конечно, собирался позвонить Ясе. Это вообще здорово — когда есть кому звонить,

чтобы поделиться досадой и куражом.

Я стоял на крыльце управления народного просвещения и отправлял Ядвиге рисунок трикветра — такого, какой я видал у гимелинских моделей, а еще — видео с этими контейнерными домиками в лагере (чтобы все вопросы можно было обсуждать предметно), как вдруг телефон завибрировал. Мне звонил незнакомый номер.

— Слушаю! — немного нервно ответил я.

Не люблю, когда звонят незнакомые номера. Но поднимать — поднимаю. Мали ли — докторскую степень заочно присвоили или в международный розыск объявили, а я и не знаю…

— Георгий Серафимович? — голос из динамика звучал приятно, до зубовного скрежета. — Лучиэнь Илидановна беспокоит. Мы могли бы с вами сегодня увидеться?

— Однако! — сказать, что я сильно растерялся — это значило бы ничего не сказать. — А в связи с чем имею честь…?

— В связи с вашим внезапным крестовым походом против… Против некоторых участников Молодежного форума, — обтекаемо, но вполне понятно пояснила директор гимназии и одновременно — товарищ уездного предводителя. — Сразу расставлю точки над «i» — будь моя воля, я бы гнала их отсюда поганой метлой, Георгий Серафимович. Мой народ — галадрим, и нас эта беда тоже касается. Но имеется такое понятие, как «обстоятельства непреодолимой силы» и…

— Это наши девочки, Лучиэнь Илидановна! — с полоборота завелся я. — Это — дети. Верите, нет — мне по… Ах-м! В этом конкретном случае — я имел в виду все обстоятельства любой силы. Всякий, кто попробует превратить наших вышемирских деток в клейменную скотину, ПОВИНЕН СМЕРТИ, и, видит Бог, я очень сильно сдерживаю себя… Я так понимаю, какие-то ваши, скажем-так, кузены попробовали на вас надавить, да? Попросили повлиять на меня? Скажите, что я контуженный и неадекватный, и на меня невозможно повлиять. Передавайте им от меня привет и скажите, что я живу в Вышемире, по улице Мира, дом 3, второй подъезд, квартира номер…

— Я передам ваши слова… Кузенам… — об ее тон можно было ножи затачивать, точно.

Но мне, если честно, было плевать. Если враги пытаются от чего-то отговорить — значит, я всё делаю правильно. Иногда глагол жжет не хуже напалма!

* * *

Глава 12
Агитация

В родную шестую школу для последнего доклада я ехал с гудящей и дурной головой. Дались мне эти ветряные мельницы! То бишь — модельные агентства и прочие «ворк энд тревел». Ясно же — рыба ищет где лучше, а человек — где глубже. Или наоборот? Так или иначе — сомнения в целесообразности реконкисты против тлетворного влияния Авалона в отдельно взятой полесской провинции у меня в голове не просто возникли — процветали! Да и вообще: если бы Валентин Александрович не взял на себя половину школ, у меня бы мозг вскипел!

Нет, контакт с аудиторией удавалось установить — в конце концов, я хороший лектор и хороший оратор, но энергии я потерял огромное количество и похудел, наверное, килограмма на три. Тяжелее всего неожиданно оказалось в гимназии. Больно они там все умные, смелые и любопытные!

Но это и хорошо: надеюсь, мои откровенные ответы на их провокационные вопросы вспомнятся гимназистам, когда чужие дяди и тети будут предлагать необыкновенно щедрые гранты или стипендии в обмен на кабальный контракт или не-ве-ро-ят-ные стажировки в Авало-о-о-не. Ничем те зарубежные дяди и тети не лучше наших олигархов из земщины или князей и магнатов из юридик… Не скажу, что прям категорически хуже, но в любом случае моему Вышемиру, моему Полесью и всему Государству Российскому они точно добра не желают. Они себе добра желают и своим градам и весям.

Все время, пока я размахивал руками и вещал, Лучиэнь Илидановна сверлила меня укоризненным взглядом. Я даже подошел к ней после мероприятия и сказал:

— Будут на вас давить — смело обращайтесь. Ко мне, к Элессарову… Здесь, на своей земле, мы кого угодно в бараний рог скрутим. Да и земский предводитель у нас теперь принципиальный, тоже в обиду не даст.

— Элессаров… — вздохнула она. — Эх!

Очень многозначительный вздох у нее получился. Что-то их связывало, определенно…

А вот в моей шестой школе никто не вздыхал. Всё прошло бодро.

Я припарковал «Урсу», пригладил бороду, нарочито энергичными шагами добежал до школьного крыльца и поднялся на третий этаж. Старшие классы уже собрались в холле, включили

проектор, поставили кафедру… Я взял в одну руку пульт от мультимедийки, в другую — микрофон, нажал на кнопочку и начал без прогрева аудитории:

— Смотрите, в общем… Это — зарплаты самых типичных профессий в Лондиниуме, в переводе на деньги. Вот — доктора, вот — заводские рабочие. Это — бариста в кофейне, а вот это — учителя. Вот — цены на мясо. Вот — на коммунальные услуги. Гляньте, сколько арендная плата за двушку на окраине!

— Так это ползарплаты! У нас в Вышемире за такие деньги коттедж можно снять! — выкрикнул кто-то, и я понял — дело пошло!

Так что я кое-что им рассказал и показал, со статистикой, с основными способами переезда в счастливый зарубеж, ну, и с данными о пропавших без вести. Конечно, девятые классы поняли, к чему всё это и рассказали остальным про «Гимелин»… Ну, и ладно. Для того, в общем-то, оно и затевалось. Да, да, война с ветряными мельницами… Но когда эти мельницы вдруг оказываются около самого твоего окна и грозят лопастями твоим детям — вот тут уж призадумаешься о том, чтобы кликнуть Санчо Пансу, надеть старую кирасу и морион, сесть на Росинанта и хоть что-то попытаться сделать.

Взбодрила меня родная школа, это точно. Как-то настроила на борьбу, что ли?

Так или иначе — всё это было вторично. Первичным, конечно, оставалась учеба. А точнее — подготовка к экзаменам! Здесь, конечно, в центре внимания оказались десятые классы, коих было два: 10 «А», с которыми я связался с самого начала плотно и всерьез, и 10 «Б» — тоже класс неплохой, но — как бы это сказать… Менее яркий. Вот в «Б», кстати, и напихали целую кучу всех этих Пеговых, Танов, Невских и прочих, появившихся в шестой школе после первых двух или трех инициаций. На что они рассчитывали — не знаю, но оккупировали все первые парты и едва хвостом за мной не ходили. Вся эта стая девчонок и мальчишек — очень разных, из разных кланов, но все равно — очень одинаковых, просто постоянно, постоянно сталкивались со мной в дверях и на лестницах! Это уже начинало бесить, но я пока держался. Дети не виноваты, что клановая аристократия настропалила их выжать из меня инициацию хоть мытьем, хоть катаньем. Однако, стоило отдать засланным казачкам — незаконнорожденным шляхтичам, должное: на факультативах и дополнительных занятиях, в том числе и по подготовке к экзаменам, явка была сумасшедшая. Человек по тридцать! Что там говорить — они в кабинет не всегда вмещались!

Вот и теперь старшеклассники столпились у моего кабинета

— и ашки, и бэшки — с билетниками в руках. Подучивали и готовились сдавать.

Мы встречались два раза в неделю: во вторник я им проводил обзорную лекцию по нескольким темам сразу, а в четверг — устраивал мини-экзамен. Только тянули ребята не билеты, а вопросы — по одному. В четвертой четверти — не то восемь, не то девять недель. Всего — двадцать пять билетов. В каждом билете — два вопроса. Пятьдесят вопросов! Получается, количество бумажек с вопросами на столе каждую неделю увеличивалось на семь — то есть попасться могла как свежая тема, так и та, которую проходили месяц назад. Это детей пугало, но держало в тонусе.

— Поступи́те — будете за три дня по сто вопросов учить, — говорил я неверяще хлопающим глазами десятиклассникам.

Никто из выпускников не верит. А потом берут — и сдают сессии. Тут за год билетник выучить не могут, а уже к следующему лету будут по три книжки к каждому предмету вызубривать… Ну, кто в ВУЗ поступит, понятное дело. В технарях — своя специфика, но тоже нелегко.

— Давайте, заходим, первая пятерка! — махнул рукой я. — Правила те же. Берем листок, ручку, тянем бумажку с вопросом, садимся, пишем всё на бумажку, поднимаем руку, если готовы — идем ко мне рассказывать. Не списываем, не переговариваемся. Карты — на последней парте брать можно. Список вопросов — перед вами. Давайте, я не кусаюсь… Отвечаете, и, если чего-то мне будет не хватать для того, чтобы поставить вам отличную отметку — я вам поясняю. Договорились? Договорились…

Я вошел в кабинет, открыл окно, впуская в пыльную и жаркую, нагретую весенним солнцем атмосферу класса свежий воздух, и стал раскладывать на столе карточки с номерами вопросов. Наконец-то можно было просто взять — и поработать!

* * *

— Никогда не угадаешь, что я сейчас делаю, чес-слово! — Ясин голос звучал интригующе. — Давай, три попытки!

— Лежишь в ванне с пеной, обнаженная, с бокалом вина в руке? — предположил я. — И свечки вокруг горят?

Мне-то пенная ванна не грозила, у меня в квартире ванна обычная, почти «хрущевская». Ноги распрямишь — все тело торчит. Тело засунешь — ноги на стенку закидывать нужно. Так что я просто стоял на балконе по давней привычке и чай пил — крепкий, раджпутский, черный, без сахара.

— Мысль интересная — но мимо, — откликнулась моя невеста. — Давай вторую попытку.

Думать о ней как о невесте было приятно и вместе с тем — странно. Наверное, мне понравится быть женатым человеком.

— Пьешь коньяк? С сыром и шоколадом? — закинул я еще один вариант.

— Сыр дед съел! — Яся фыркнула. — Представляешь — прилетел в Мозырь, зашел в дом, ни здрасьте, ни до свидания, подошел к холодильнику, съел весь сыр — и улетел куда-то. Сказал еще его комнату на потолке не трогать!

— Самодур и деспот, — заулыбался я. — Может, его до конца не вылечили?

— А если его и не надо до конца лечить? — в голосе Вишневецкой послышалось сомнение. — Или — он всегда таким был, просто, когда я маленькая была, принимала это как должное?

— Тоже может быть… Мы вообще, когда маленькие — воспринимаем своих взрослых как небожителей и все их поступки и слова считаем откровением свыше… А потом уже, спустя время, начинаем переосмысливать и порой сильно удивляемся… Значит, коньяк не пьешь?

— Ты же знаешь, я больше люблю игристое! Вот его-то я и пью и смотрю комментарии под твоим видосом… Знаешь что? Людей размотало!

— А? — удивился я. — Под каким видосом? В каком смысле — размотало?

— А вот где один рыжий учитель очень живо и с огнем в глазах рассказывает гимназистам о ценах на квартиры в Лондиниуме и о том, что в модельном бизнесе ничего за последние пятьдесят лет не изменилось… Откуда ты все это знаешь-то? И чего тебя так подпекло, Гео-р-р-ргий? Это из-то того трикветра, который ты мне отправил и ничего не пояснил?

— В том числе, в том числе… Зацело меня, понимаешь? — и я коротко рассказал ей историю про «Гимелин», сердолик и «кузенов» Лючиэнь Илидановны.

— Нет, ну… Ну, я тоже во Флоренцию ездила часто, и как бы проституткой не стала! — даже возмутилась она. — Кажется, ты нагнетаешь.

— Однако, ты это — ты! Ты осознанно выбрала жизнь в Мозырском сервитуте, променяла рококо и диадемы на компанию сумасшедшего старика и должность ассистента кафедры… И что, много среди твоих знакомых такой выбор одобрили?

— Ни единой живой души, — грустно подтвердила мои предположения она. — Да что там Лондиниум: есть девушки из

земщины и сервитутов, которые там родились и жизнь прожили, и понятия не имеют о порядках в клановых владениях, но при этом у них трусы горят, как только они слышат «князь», «граф» или «боярин»…

— Трусы горят? Гы-ы-ы… — я никогда не слышал до этого такого выражения.

— Вот тебе и «гы!» — наверняка Яся там, с той стороны, язык мне показывала.

— Язык показываешь? — я так и спросил.

— Бе-бе-бе! Вообще-то да! Умный выискался! А вообще — никакой не умный! Был бы умный — приехал бы! — внезапно сделала вывод она. — Ой, да знаю я, что на выходных приедешь! А я вот сейчас хочу!

— И я хочу, — грустно вздохнул я. — Поженимся — поставим в Охотничьем домике в подвале стационарный портал. Будем вместе в Мозырь на работу ходить через него. Только я балаклаву стану надевать, чтобы моей чешуйчатой рожей народ не пугать!

Почему бы и не пользоваться обнаруженными преимуществами? Если я чешуею — магия на меня начинает действовать. Так что мечту о портале можно бы и реализовать!

— Так у нас на чердаке вторую арку поставим, кто тут пугаться-то будет? В нашем доме на улице Южной, я имею в виду! — тут же предложила решение она. А потом сообразила: — Погоди-ка! Что значит — вместе на работу ходить?

Я отпил чая и вдохнул весенний воздух. В небе мерцали звезды, явно холодало. Утром трава и деревья покроются инеем, а на лужах появится хрустящий лед. Для белорусской весны — явление вполне нормальное…

— Колись давай, Пепеляев! Чего ты там удумал? — нетерпеливо поторопила меня Яся.

— Опыт работы нужен, — констатировал факт я. — С молодыми магами. Лагерь — это первый шаг, это мы оставим себе надолго, если не навсегда — будем на каникулах работать, да? Всё лето, потом — Рождественские каникулы, один турслет весной и один — осенью, для экстремалов. А строить нужно учительскую семинарию…

— Во-о-от как?

— Именно! Мы должны учить учителей. Молодых, новой формации, — решение родилось само собой, просто и логично, как будто являясь продолжением всей моей здешней деятельности. — Мы сделаем так, чтобы они не нуждались в деньгах, по крайней мере — будем платить им еще одну зарплату…

— Поясни? — она сильно заинтересовалась.

— Однако, почему бы не перенять передовой опыт у наших врагов? — задал я риторический вопрос, и сам же на него ответил: — Гранты! Пусть испытывают новые методики, проводят исследования, присылают нам отчеты… А деньги — деньги будут! Если прибыль — не самоцель, если мы не собираемся себе дворцы строить — мы можем сотне, двум сотням учителей зарплаты платить! — я прям раздухарился, если честно.

Вот-вот — и Нью-Васюки станут центром вселенной, однако.

— Короче, с помощью лагеря будем отбирать будущие учительские кадры. По крайней мере — наше дело предложить и показать ребятам, что работа педагога — лучшая работа в мире. У кого инициация произойдет — тоже отлично! Преподаватели для магических колледжей нужны не меньше, чем для средних школ. Да и учитель-пустоцвет или полноценный маг в земской школе — тоже вполне себе интересный расклад. Комплектовать созывы и турслеты будем очень просто: половина — платники, половина — благотворительные места, по заявкам. Поскольку в прибыли мы не заинтересованы, значит, оплата для детей бояр-дворян и прочих бизнесменов будет такая, чтобы хватило за себя и того парня. Не более.

— А как мы станем отбирать детей для благотворительной половины? — Яся умела задавать правильные вопросы.

— Сначала будем брать всех, кто успеет, — вынужден был констатировать я. — Просто — по заявкам. Открыли набор, приняли наших двести человек, закрыли набор. Да, грустно — но куда деваться? Потом — по ходатайству наших выпускников. Знаешь же, как бывает — видишь перспективного парня, но он как Шутов — например, из неблагополучной семьи. Или как Кузевич — слишком гордый, чтобы проситься… В общем — учитель ходатайствует, а мы пригласительное шлем, как письмо из Хогвартса.

— Откуда?.. — она прям слушала! Слушала не как влюбленная девушка, которой жених всякую лапшу про покорение мира на уши вешает, а как специалист и коллега, прикидывала — как оно будет на практике, как это вообще возможно реализовать.

— А… Говорят, есть такая закрытая школа магов на Авалоне, — выкрутился я. — Программу созывов и слетов я уже пишу… Будет им «Сила через радость»! Хотя нет, это уже было, и плохо закончилось… Название придумаем, это пустяки! Главное что? Если большая часть инициаций происходит из-за эмоционального всплеска или серьезных нервных потрясений — сделаем это! Они пищать от восторга будут, у них дни будут плотные, как карбид вольфрама! Байдарки, альпинизм, спортивное ориентирование,

может быть — фехтование… Навыки выживания опять же! Да мало ли: художественные конкурсы, интеллектуальные игры — и никто не уйдет обиженным, ни тихие ботаники, ни громкие хулиганы! Если я хоть что-то понимаю в педагогике — они на прощальном вечере у костра рыдать будут и инициироваться, если не через одного, то каждый десятый — точно!

— И тут тебе пригодятся твои нулевки, да?.. Ты поэтому Мельника и его братию к себе пригласил?

— И поэтому тоже, — не стал отрицать я. — Их я собираюсь взять инструкторами по партизанской подготовке. Очень удобно, а? А в случае особенно бурной инициации — у нас есть некрополь под усадьбой, который сейчас активно превращают в бомбоубежище.

— Даже так? Георгий, ты меня пугаешь своей продуманностью! Но — мы удалились от основной темы… Ты собираешься работать в Мозырском колледже прикладной магии? — в голосе девушки слышалось недоверие.

— Я уже и резюме отправил. Там две вакансии — историка и преподавателя социально-гуманитарных дисциплин: социология, политология, философия. Мне всё нравится! — меня и вправду устроил бы любой расклад.

— И что — бросишь свою школу? — сомнение ее было понятным. — Так просто?

— Так не я ее бросаю, а она меня. Ингрида Клаусовна прямо сказала: контракт не продлит. Инициации — это, конечно, хорошо, кашу маслом можно легко испортить, если в тарелку гречки килограмм сливочного положить, понимаешь? Ей не по душе весь этот ажиотаж вокруг моей персоны, и я могу понять Гутцайт. У нее ведь средняя школа, а не дурдом! Так что после экзаменов я — вольная птица.

— Ящерица, — усмехнулась Яся. — Ты не птица. Ты ящерица!

— Я — король ящериц! — рассмеялся я, вспоминая одного ненормального персонажа компьютерной игры. Он, кстати, тоже был рыжим!

— Всё, Пепеляев, не отвлекай меня! Я хочу досмотреть видосы с одним очень обаятельным и красноречивым молодым учителем. Он та-а-акой симпатяга, чес-слово! И глазки у него так и горят! — Вишневецкая явно издевалась надо мной, и ничего плохого в этом не было. — И вообще — завтра занятия, спать ложись. А я Шутова увижу, привет передать?

— Конечно! Шутов — парень что надо! И Кузевичу, и Легенькой, и…

— Они от счастья по потолку бегать начнут, когда узнают, что ты в сентябре в колледж придешь! — пообещала Ядвига.

— Если возьмут, — добавил в наш разговор скепсиса я. — Заеду на днях с директором вашим пообщаться…

— С ректором. У нас — ректор! Конечно — возьмут! Думаешь, много учителей с высшей категорией, да еще и нулевки, свои резюме присылают? Так что не дури голову — приезжай в субботу, вместе пойдем! Чтобы все сразу видели — ты мой! И даже не думали к тебе присматриваться!

— Ой, да кому я там сдался!

— Ой, можно подумать! — мы рассмеялись.

Это вообще — удивительный подарок судьбы, когда есть кому звонить, и когда есть с кем посмеяться.

* * *

Глава 13
Изобразительное искусство

Мне пришлось заменять ИЗО в пятом классе. Вот уж чего никогда не умел — так это прям красиво рисовать. Нет, с точки зрения геометрии я мог изобразить замок, или там — домик какой-нибудь. Ну, человечков еще умел, кошку — с заднего ракурса и прочие нехитрые каляки-маляки. Но чтоб прям живопись или графика — нет, я больше со словами всегда дружил, чем с визуалом. Но поди ж ты — пришлось изобразительное искусство вести! Учительница у них вроде как в декрет ушла, вот мне и прилетела замена, пока Гутцайт на постоянку какую-то молодежь искала.

Я даже слегка растерялся, когда вошел в класс, полный пятиклашек. Однако, у них на партах лежали альбомы для рисования, акварельные краски, цветные карандаши и все такое! Я, может, акварельные краски в последний раз лет двадцать назад так близко видал, это если в совокупности прожитые годы складывать, и там, и здесь. А тут — вот вам пожалуйста, двадцать пять маленьких живых душ, и все ждут указаний: чем им в течение сорока пяти минут заниматься?

В общем, мое смятение было оправданным: это ж ИЗО, а не гуманитарщина, тут басни рассказывать не станешь… Надо рисовать! И при этом — как-то и чему-то их научить, что ли? Учитель я или нет? Глянув в календарно-тематическое планирование, я высмотрел тему урока: там значилось что-то про «Мой родны кут, як ты мне милы…» То бишь — «мой родной уголок, как ты мне мил». Строчка из стихотворения Янки Купалы и одноименного романса. Что это значило в рамках изобразительного искусства, я понятия не имел, но как всякий гуманитарий, умел натягивать сову на глобус и подтасовывать факты, а потому, как только прозвенел звонок — уже был во всеоружии!

— Здравствуйте, дети! — я прошелся вдоль доски, разглядывая класс.

Коллективчик оказался весьма интернациональным. Даже — мультирасовым. Конечно, преобладали люди, белобрысые или русые полешуки и полешучки — наверное, пятнадцать из двадцати пяти. Ребятишек-гномиков отличить от них в этом возрасте было весьма сложно, разве что — по намечающимся бакенбардам, более коренастым фигурам и скупым, деловитым движением. Я насчитал четверых.

Двое эльфяток-галадрим, мальчик и девочка, сидели на первой парте: белесые, бледненькие, одинаковые, как близнецы и очень-очень аккуратненькие — волосок к волоску, отутюженные, накрахмаленные, чистенькие, тихенькие. У них даже принадлежности для рисования на парте лежали эстетично — стройными рядами.

Снага-орчата на последних партах были весьма характерны в своей непосредственности: играли в «камень-ножницы-бумага» на щелбаны и били проигравших так, что гул по всему классу стоял. Зеленокожие девчонки плели друг другу афро-косички, одна из них при этом вплела в волосы другой жвачку. Целенаправленно! Сделал гадость — сердцу радость, это точно про орков…

Гоблиненышей было двое. Эти занимались в основном тем, что чесались, сморкались, зевали и чихали. Поочередно. Без остановки. Кажется, такой досуг доставлял им немалое удовольствие.

А люди… Маленькие человечки вели себя очень по-людски. То есть — по-разному. Но все они, услышав мое «здравствуйте», тут же встали со своих мест и замерли около парт. Наверное, у них была хорошая учительница в начальной школе. Вымуштровала, аж до четвертой четверти дисциплинки хватило… Ничего, в шестом-седьмом классе они в настоящих мракобесов превратятся, это как пить дать. Почти все превращаются.

— Меня зовут Георгий Серафимович, — пояснил я. — Мы с вами встречались уже на уроках истории, я у вас несколько раз заменял, помните?

— Да-а-а! Про папирус нам рассказывали, как его использовали в древнем Египите вместо всяких бумажек! И про египецкие казни! И как мозги через ноздри крючками выколупывали, а потроха по кувшинам распихивали! — загомонили они. — И про…

— Ша! — мне было смешно до ужаса. — Сегодня я у вас заменяю изобразительное искусство… Поэтому про папирус мы говорить не будем! Мы будем рисовать!

Все-таки дети всегда запоминают самую дичь, это непреложный закон, даже — аксиома. Если уметь к этой дичи привязывать главную тему, то преподавание истории становится не такой уж и бессмысленной работой. Но как сделать полезным ИЗО? Вот на эту тему мне сегодня предстояло поэкспериментировать.

— Садитесь, ребята, — загрохотали стулья и парты. — Тема нашего сегодняшнего урока — «Мой родны кут, як ты мне милы». То есть — наша малая родина, наш дом, наша улица… И у меня для вас есть необычное задание!

Они навострили уши: круглые, острые, лопоухие, волосатые, зеленые и серые — всякие.

— Нарисуйте сегодня для меня дом своей мечты! А кто хорошо нарисует и не побоится рассказать о своей мечте всему классу — тот получит десять баллов. Просто представьте себе, в каком доме вы хотели бы жить — и попробуйте изобразить его на бумаге: красками, карандашами, фломастерам — чем угодно. Не бойтесь, если получится не очень профессионально — это норма, мы ведь не в художественной школе. Когда вы будете рассказывать, то сможете пояснить, что хотели показать. Главное — старайтесь. А я буду рисовать вместе с вами свой дом мечты и расскажу вам про него первый. Если что-то будет не получаться — зовите, помогу!

Домики-то я рисовать умею! Однако, это, конечно, жульничество — дать им задание единственное из всех, в котором я хоть что-то из себя представлял. Но — репутацию восхитительного учителя нужно поддерживать, и поэтому воспользоваться тем, что это первая и последняя замена ИЗО — не такой уж и большой грех.

— *Первая и последняя?* — хмыкнул в голове Гоша. — *Ты в школе или где? Наивный драконский юноша…*

— ЕСЛИ БУДУТ ЕЩЕ — ОН СКАЖЕТ ИМ РИСОВАТЬ ФАНТАСТИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ. И САМ НАРИСУЕТ ДРАКОНА, — подключился к дискуссии Пепел. — АВТОПОРТРЕТ, ХО-ХО-ХО!

Вообще, в последнее время эти двое вели себя прилично — похоже, мне удалось добиться некоторой гармонии между тремя своими головами, и это было хорошо.

— Шо, можно начинать? — подал голос самый большой и толстый снага с последней парты.

— Начинайте, рисуйте, только не мешайте друг другу! — махнул рукой я.

И тут же понеслось:

— Георгий Святославович, а у меня стерки нет!

— Григорий Сигизмундович, а можно сходить воды набрать?

— Извините пожалуйста, а вы не знаете, вот такие маркеры — они насквозь лист прорисовывают или нет?

— Серафим Ганнибалович, а как нарисовать курьи ножки?

— А дайте листик?

— Серафимыч, по-брацки, есть че по карандашам?

Нет, определенно, мой возраст для эффективного преподавания начинается лет эдак с четырнадцати. До этого — я не то, чтобы бессилен, но определённо — КПД падает раз в двадцать, а то и в тридцать… Однако, я бы лучше провел спаренный урок в девятых классах на тему экономического

развития стран Западной Европы во второй половине 19 века, чем домики с пятиклашками рисовать!

* * *

— Это дэлонь, дом на дереве… — тихо-тихо говорила девочка-галадрим. — Можно каждое утро просыпаться и слышать пение птиц и шелест листвы. Можно срывать с дерева плоды — и сразу завтракать! Можно разговаривать со своими друзьями — белками и дятлами, можно свесить ноги и болтать ими в воздухе, и не бояться упасть, потому что с дэлоней их хозяева никогда-никогда не могут упасть! Сейчас такие не делают у нас, но я читала в одном папином журнале, что у байкальских лаэгрим такие есть! Я хочу себе такой дом.

— Умница, Тинувиэль! Молодец, что не испугалась и рассказала о своей мечте. Я обещал десять баллов — вот твои десять баллов, ставлю в журнал, — я поставил отметку и с помощью магнита прицепил альбомный лист с дэлонью, деревом, белочками и дятлами на доску.

Ее рисунок был просто произведением искусства. Честно говоря, так можно было легко заработать комплекс неполноценности. Пятиклашка нарисовала свою мечту просто великолепно! Каждый штрих, каждая линия — все было выверено, отточено. И-де-аль-но! Секретарша Верочка была бы счастлива, это точно. Может, Верочка — немножко галадрим и потому — такая перфекционистка? Хотя нет, Верочка — немножко не догоняет, это другое.

— А можно я-на? Можно я? — толстый орчонок аж подпрыгивал.

— Как бишь тебя? Сивуха? Давай, Сивуха, иди сюда, — я поманил его жестом руки.

Сивуха — это вообще-то довольно распространенная фамилия в нашем уезде и среди людей, и среди всех прочих. Такая вот специфика региона.

Он выскочил к доске и продемонстрировал… Да вигвам он продемонстрировал! На самом деле неплохо нарисовано, просто — лениво, скудненько — десятью линиями, шариковой ручкой. И я уже знал, что он такое скажет. Снага — они вообще обычно довольно предсказуемые.

— Это — фиг вам! Шкурная халабуда! Гы-гы-гы! Потому что мне пофиг, где жить, мне абы было что поесть и шоб на башку не капало! — радостно заявил Сивуха. — Там внутрях можно тоже шкуры положить, с мехами, шоб мягко, а вот туточки у входа —

костер разожгу, на нем буду мясо жарить!

— Какое мясо? — уточнил я.

— А какое попадется. Я очень жареное мясо люблю, гораздо больше, чем в школу ходить-на! — закивал он а потом ткнул пальцем в остальную зеленую команду на последних партах. — Ну, и шоб браты там были, потому шо где браты-на — там и дом!

— Вот братов своих вокруг костра рядом нарисуй — тогда поставлю десять, — кивнул я. — Изложил-то ты доходчиво, но поленился. Давай, иди доделывай.

— А так шо поставите? Если не дорисую?

— Восемь.

— Шо, правда-на? — восхитился он, и его снажьи глазки прям засияли. — Мне — восемь?

— Легко! Задание-то ты выполнил.

— Ну ваще-е-е-е… — и он задумчиво пошел к себе, недоверчиво оглядываясь на меня. — А то всё трюльники, трюльники…

Следующим вышел гном. Этот пятиклашка изобразил дом в трех ракурсах — сверху, в разрезе и с торца. Указал размеры — в метрической системе, а еще почему-то в футах и аршинах.

— Из газосиликата дом, с паровым отоплением, — пояснил он. — Семьдесят квадратов. Хороший подвал, на десять квадратов минимум. Для консервации и комнаты отдыха. Я был у дяди Генриха — у них паровое отопление. Мне понравилось дрова подкидывать в топку, это очень красиво. Вот я топочное тоже нарисовал, вот тут будет котел, а тут — жестяной ящик для дров!

— Думмкопфише Фриц! — заявила кудрявая крепкотелая девочка с небесно-голубыми глазами. — Ящик из жести будет нагреваться в топочной! Непрактично! Или хоть перчатки бы рядом нарисовал, сварочные! Фу!

— Шайзе… — озадаченно почесал правый бакенбард маленький Фриц. — Пойду еще покумекаю, йа?

— Ну, покумекай… — я не мог сдержать улыбку.

А потом уже пошли человеческие детки — и там были дворцы и бабушкины домики в деревне, и большие коттеджи, и всё самое разное, милое и непосредственное. А гоблины — они нарисовали избушку на курьих ножках — со спутниковой антенной и тонированными окнами. Одну на двоих.

А я нарисовал Хогвартс, карандашиком. Таким, каким помнил его по фильму, а что не помнил — досочинял на ходу. Правда, рассказал я, что это будет приют для всех детишек, кто остался без родителей, и что там всех-всех будут учить волшебству — академическому, чтобы каждый мог, например, нарисовать какую-нибудь загогулину геометрически-магическую

для защиты поля от колорадского жука, или из куска горного хрусталя сделать магический светильник, для которого не нужно будет покупать батарейки. Потому что быть настоящим волшебником — это не обязательно родиться с талантом и двигать горы, и поворачивать реки вспять. Это значит — приложить максимум усилий и старания, а еще — иметь доброе сердце, чтобы помогать тем, кто нуждается в помощи и делать действительно полезные вещи. А горы шевелить — это для тех, кому заняться нечем. За каким бесом вообще их шевелить?

И тут, на уроке, я, кажется, понял, чем займусь помимо учительской семинарии. Лагерь, семинария, теперь еще и академическая магия для цивильных… Это уже целый образовательный кластер получается! Как бы не надорваться?

— НАС ТОЧНО ЗАХОТЯТ ПРИКОНЧИТЬ. МНОГО-МНОГО РАЗ, — пообещал дракон.

— *Пусть приходят приканчивать. Мы их сожрем всех до единого,* — весьма зловеще заявил Гоша.

А мне и добавить было нечего.

* * *

Нельзя пялиться в смартфон, когда едешь за рулем. Но я — пялился, в основном на светофорах. Уж не знаю, как так вышло — но статейки Зборовского и мои гневные спичи перед детишками внезапно закрутили вокруг себя информационную воронку. Хейт и хайп, максимум репостов, комментарии от ЛОМов — критические и восторженные… И как это — просто взять и не прочитать?

Tiberius: «Да что он там несет, этот рыжий черт?»

Tratata: «Вот посмотрите — и „Минский листок“ пишет то же самое! Не такая, выходит, и ересь?»

Prokopiev: «Невероятную ересь опять запустили "Желтые страницы!»

Fioletovo: «Ну почему ересь — вон целый учитель истории высшей категории, у которого десятки инициаций за один учебный год, вот он похожие данные приводит, ссылка на видос прилагается.»

Как-то так это работало — именно схожесть данных из непохожих источников придавала достоверности озвученным фактам. Комментарии множились, просмотры расширялись. Я был уверен — без поддержки Сыскного приказа не обошлось, наверняка Рикович и какой-нибудь отдел по кибербезопасности накрутили там лайков (или как они тут называются?) и

просмотров на Пульсе и на видеохостингах, иначе объяснить этот феномен я не мог.

Если подумать — это было довольно странно: ситуация с «Гимелином» и выездами на работу за границу для всяких умненьких-разумененьких гоблинских программистов. Нет, насчет постсоветского пространства в девяностые, например, все было понятно. Но здесь, под властью менталистов — Грозных, когда Государь одним телеобращением запустил настоящий патриотический психоз перед началом последней Балканской войны, и тысячи и десятки тысяч резервистов добровольно пошли в военкоматы… Как это получалось здесь?

Почему Иоанн наш Иоанновиче, властелин и повелитель всея Великия, Малыя и Белыя Руси, и прочая, и прочая просто не выступил с речью о том, что, мол, где родился — там и пригодился, и после класса школьного — в класс рабочий? Ответ, кажется, был очень простой, и озвучила мне его Яся во время нашего байдарочного похода.

Даже самый великий менталист — не всесилен. Самый могучий — не всемогущ. Представить колоссальную силу, которая позволила разово воздействовать на двести миллионов человек было невозможно… И уж точно нельзя было поверить в то, что такие вмешательства возможны *постоянно.* Наверняка у менталистов имелись свои ограничения, ведь даже загадывая желания, джинну нужно быть максимально точным в формулировках — иначе влететь можно очень страшно.

Как я понял — верховная власть была занята проблемами глобальными. Во-первых, тут имелись свои «девяностые» в начале правления нынешнего Государя, из которых выруливали долго и трудно. Во-вторых, при этом страна успела поучаствовать в, как минимум, двух Балканских и одной Русско-Турецкой войне за последние двадцать лет. И если бы не несколько весьма удачных и не совсем традиционных операций во вражеском тылу, возможно — последняя Балканская война длилась бы до сих пор. Так что на какие-то там агентства и «ворк энд тревел» просто не хватало ресурсов — финансовых, магических, кадровых, административных! Вон, тот же Рикович мотался, по его словам, «от Сан-Себастьяна до Белостока», или как он там сказал? Не всё было прям очень гладко в здешнем Государстве Российском.

Впрочем, а когда там всё было гладко? В каком из миров? В какое из времен? И ничего — стоит Русь-Матушка и дулю в кармане держит, мол — не дождетесь.

Так что не мог я в экран не пялиться, когда вот это вот все таким потоком с экрана льется! Я и после того, как «Урсу» припарковал, продолжал смотреть в телефон, и когда по лестнице

поднимался — все листал ленту комментариев. Отвлекся только, чтобы ключ в замочной скважине провернуть, а потом зашел, бросил пальто на вешалку и вдруг услышал, как хриплый баритон произнес:

— Саесса оментиен лле, урулоке!

Сиречь — «Рад вас видеть, дракон». По-эльфийски.

* * *

Глава 14
Ликвидация

Однако это был не совсем эльф! Точнее — совсем не эльф! На моем диване, привольно закинув ногу на ногу, восседал некий роскошный мужчинский мужчина с ямочкой на подбородке! Он был бесовски хорош собой и однозначно являлся человеком, потому что у эльфов не бывает кудрявых волос на груди. Эльфов кудрявых вообще в природе не существует, насколько я знаю. А волосы на груди у людей, гномов и троллей растут, у остальных — вроде нет…

У этого типа, который явился ко мне в дом, кроме ямочки на подбородке и мощной волосатой груди имелись литые бицепсы, широкие плечи, шикарная каштановая шевелюра — идеальный набор для героя женских грез. Волевая, бульдозерная нижняя челюсть, легкая небритость и сломанный в двух местах нос добавляли ему брутальности, а голубые глаза сияли, как большие сапфиры — ни больше, ни меньше. Одет он был в обтягивающие кожаные штаны и какую-то атласную рубаху, расстегнутую едва ли не до пупка, на ногах носил сапоги со шпорами. Байкер? Или рыцарь? Внимание привлекал пояс незнакомца — черный, с металлическим отблеском, он застегивался странной формы массивной пряжкой.

Честно говоря, я сразу возненавидел этого парня. Даже не знаю — почему?

— Гуд ивнинг, мистер Дрэгон! — еще раз поздоровался он — на сей раз на разговорном авалонском, и я тут же понял, что к чему.

И Пепел понял, и Гоша понял. Оно как-то сразу стало понятно, по наитию. Ну, вот так иногда можно по совокупности фактов вычислить училку на автобусной остановке или — милиционера в баре.

— По-русски говорите, коллега? — поинтересовался я, поворачиваясь к нему спиной и закрывая дверь на замок.

— Кольега? — в его голосе послышалось удивление. — Да, я говорью по-русски.

Обернувшись, я увидел, что визитер с интересом на меня смотрит.

— Я пойму вас и на эльфийском, и на разговорном авалонском, но вот с произношением у меня беда. Поэтому вы сделаете мне большое одолжение, если…

— Пачьему вы назвали менья «кольега»? — он пошевелил

ногой, и шпоры зазвенели.

— Потому что вы — Убийца Драконов, — прищурился я. — Ну, и я — в некотором роде тоже. Фактически я убил Малюту и Инлуна Ао-Джуна.

— О, рили? Хо-хо-хо! — незваный гость обнажил белые зубы. — Ви сделальи за менья мою работу. Сэнк ю!

— Забавно, что вас прислали за моей головой только после начала баталий в Сети. Похоже, я наступил на больную мозоль кому-то из высшего света Авалона? Это же просто бесова уйма ресурсов потрачена, чтобы вы сейчас восседали на моем диване!

— Ви умный мужчина, мистер Дрэгон… Мистер Пепеляефф. Но — я лишь стрьела, которую випустил арчер… Лучник, — он зачем-то взялся за пряжку своего ремня. — И я у цели. Я уже здьесь.

— Я-то да, я-то и есть Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович… — я слегка наклонил голову. — А вы-то? Могу я знать имя того, кто сейчас будет меня убивать? Вы ведь уверены, что все у вас получится, раз пришли сюда, так?

— Ай кэн ду ит. Все получится, — он кивнул. — Если вы будете мутьировать ин зе драгон, или даже в имаго здьесь — нужно будет ньесколько секунд. И я убью вас за эти фью секондс. Можьет быть, мне понадобьится больше времьени — тогда разрушьения будут очьень большие. Пострадают ваши соседи, дети… Ви этого нье захотите, я знаю ваш психологичьеский портрейт. Дьети — это ваша фиксация. Соу… Ви зеро, нульевка в своей человьеческой форме, а значит — не сможьете мне помьешать. Я убью вас — быстро или медленно, выбирайтье.

Что-то щелкнуло, Убийца Драконов резко встал со своего места, распрямив широкие плечи, сделал неуловимо быстрое движение рукой, и его черный пояс с массивной пряжкой скользнул в ладонь и распрямился, превращаясь в полуторный меч из вороненой стали.

— Менья зовут сэр Джон Бальмунг, — сказал убийца драконов. — И я есть пришел убить тебья, драгон.

— Подожди, — я выставил ладони вперед. — Окей, убить ты меня успеешь. Минутой раньше, минутой позже… Ты абсолютно прав: тут дети за стеной, не стану я огнем тебя палить, дурак я, что ли? Вряд ли сильномогучие эльдарские дяди и тети послали бы против меня какого-нибудь деревенского дурачка, да? Еще и зашвырнуть сюда смогли, несмотря на всю опричную рать и министерство магии… Видимо, на самом деле пора мне с жизнью прощаться, хотя дико не хочется… Но достойно-то я помереть могу?

— Достойно? — он глянул на меня с удивлением. — Чего ты

хочьешь?

— Веришь, нет — в туалет хочу! — сообщил я, разведя руками. — Ин зе ватерклозет, окей? У меня уроки были, я школе работаю! Как ты себе это представляешь — сяду, простите, срать посреди уроков? У меня большая надобность образовалась! Можно, я схожу в туалет?

— Колд блад монстер… — покачал головой он. — В момьент смерти думаешь о дерьме? Тебе не всье равно, как будьет выглядеть твой труп?

— Не все равно, меня соседи найдут, приличные люди и не люди! — покачал я головой. — Одно дело лежать в крови, другое — в собственных испражнениях, понимаешь? Проткнешь ты меня, сфинктер расслабится — конфуз случится!

— Э-э-э-э… — его лицо выражало смятение.

Я не знаю, скольких драконов он прикончил до меня, но вряд ли кто-то из них отпрашивался перед смертью по-большому. А мне и вправду нужно было в туалет — очень-очень сильно!

— Я буду стоять у дверей, с мечом в руке, — сказал он. — Ты не сбежишь!

— Куда — в вентиляцию? — усмехнулся я. — Или в сливное отверстие? Охота тебе вонищу нюхать — стой у дверей.

Я очень надеялся, что он будет стоять у дверей. И он меня не обманул. Драконье зрение позволяло мне видеть его силуэт, так что я нарочито громыхая, опустил пластиковый ободок, потом — включил воду из крана…

— Хей, дрэгон, уот а ю дуинг?

— Вонищу хочешь нюхать — нюхай, так я хоть звук приглушу! Я сосредоточиться не могу! — нес всякую удобоваримую белиберду я, копаясь в нише за унитазом.

Спустя десять секунд тяжелый, холодный, умиротворяющий пистолет Черепанова с полным магазином артефакторных экспансивных патронов «Роза» производства оружейных заводов Нахичеванского ханства удобно лежал в моей руке. Судя по всему — сэр Джон Бальмунг был весьма крутым боевым магом. Наверное, с этим своим черным мечом он смог бы даже и пули отразить — если бы знал, что в него будут стрелять. Этот позер положил себе клинок на плечо, и я точно знал, что буду делать!

— Давай, — сказал он. — Дерьмовый дрэгон. Камон. Или я сам войду и убью тебя прямо на толчке.

— Иду, — откликнулся я, левой рукой нажал на кнопку слива, а правой — нажал на спусковой крючок: — ДАХ! ДАХ!

Для начала — я прострелил ему обе ноги, пули пробили тонкую фанеру двери и впились ему в лодыжки. Я продолжал стрелять, одновременно отпрянув, отступив прямо внутрь ванной

— и не зря! Меч тут же продырявил дверь ванной — и точно прикончил бы меня, если бы я остался на месте!

— ДАХ! ДАХ! ДАХ! — «Черепанов» дергался в моих руках, «розы» летели навстречу авалонскому убийце, дверь разлеталась в клочья.

— Фак ю! Факин дрэгон! Фак ю! — драконьим зрением я видел, что ноги я ему искромсал страшно, как минимум четыре выстрела достигли цели. Еще одна пуля явно засела где-то в его левом плече, он отступил, привалился к стене коридорчика, истекая кровью.

Прицелившись сквозь обломки двери ему в голову я выстрелил снова. И этот гад отмахнулся! Отбил пулю одной рукой! Просто фантастика! Затвор лязгнул, возвещая о том, что «розы» в магазине закончились, а бесов сэр пока не думал помирать! Однако, нужно было переходит в наступление!

Я и перешел. Руки мои уже покрылись чешуей, я рывком, с хрустом вырвал раковину из стены — и швырнул ее в Бальмунга, и сам ринулся за ней.

Он попробовал отмахнуться, не сообразил, что такое в него летит — и просчитался. От удара меча раковина сменила траекторию — и ударила сэра Джона в многострадальные ноги! Убийца с воплем обрушился на пол, придавив собою меч, и я кинулся на него, подхватив с пола пистолет, и стал бить его «Черепановым» по черепу, по спине, по рукам — бес знает, как и бес знает, куда, только бы не дать ему времени начать убивать меня — так, как это умеют делать боевые маги…

…Сначала в окно влетела целая куча золотых шариков, похожих на снитчи из «Гарри Поттера», потом — гранаты, из которых с шипением сочился зеленый газ, а следом за ними — массивные фигуры в черной броне с четко различимыми символами: двуглавыми орлами, метлами и собачьими головами.

— СЛОВО И ДЕЛО ГОСУДАРЕВО! — раздался громовой голос, и я предпочел откатиться подальше от Джона Бальмунга и заложить руки за голову.

Драконы, убийцы драконов… Когда начинается маски-шоу — лучше лежать тихо.

* * *

Мы расположились в комнате для допросов, у сыскарей в подвале. Тут было довольно уютно: серые облупленные стены, большое зеркало — наверняка прозрачное с обратной стороны, дрожащая лампа дневного света, стол, стулья, а еще —

бутерброды, стаканы с чаем.

— Я тут читал одну книжку, писательница откуда-то из-под Гродно… — сказал Караулов — нынешний начальник Вышемирского отдела Сыскного приказа. — Так там была такая мысль, мол, «медведь, который научился кричать „ау“ никогда не останется голодным». Признавайтесь, Серафимыч, вы это специально? Вы их в свою квартиру заманиваете, чтобы убить и ограбить?

С Карауловым мы вместе катались в Славутич, его назначили к нам после чистки у сыскарей. Молодой, энергичный, хваткий, он, оказывается, давно установил наблюдение за моей квартирой. И, ввиду особой ситуации в Вышемире, для усиления ему был придан взвод опричников — кажется, не наших, белорусских, а Воронцовских.

Наружка явление некоего сэра с туманных островов прозевала, потому что сэр этот был весьма непростой. А вот выстрелы — не прозевали, и опричники тупо телепортировались на крышу моего многострадального дома №3 по улице Мира, а потом на тросах спустились до окон квартиры — и штурманули ее по всем правилам.

— Ну, знаете… — я пошевелили пальцами в неопределенном жесте. — Оно ведь ищи их всех, выколупывай. Бес его знает, кто там и что против меня затаил, какой камень за пазухой держит? А так — адресок сообщил, приготовился — и ждешь. Вот, работает, как видите! А что, правда — меч теперь мой?

— Нет, вы поглядите на него! — майор Розен, молодой и усатый офицер, командир группы опричников всплеснул руками. — Да ему тоньше лезвия, похоже, да? Какой, однако, хладнокровный тип! Он про меч спрашивает! Вы знаете, кого укокошили?

— Джона Бальмунга? — пожал плечами я. — Наемного убийцу из Авалона? Или чьего-то там цепного пса… Королевского, герцогского, графского… Что-то такое, наверняка.

— Джон Бальмунг — Убийца Драконов, — сообщил мне Розен и подкрутил ус.

— А я — учитель высшей квалификационной категории, — в тон ему парировал я.

Опричник хмыкнул и с немым вопросом посмотрел на Караулова. Тот развел руками.

— Мы с Талалихиным и Козинцем его едва упаковали! Если б Поликарпыч его не обколол всего, как подушечку для шитья — еще бы вырвался, гад! Колись давай, дорогой наш Георгий Серафимович, с какого-такого счастья нас дернули с Кавказа сюда, в дивные Полесские дебри? — майора то ли не посвятили

во все нюансы, то ли он дурил мне голову! — Я вчера только сменил здесь Нейдгардта, письмо от князя не распаковал… Но это всё похоже на дурную шутку: враг такого уровня, в каком-то заштатном городишке, нападает на учителя, который поднял шумиху в сети по поводу модельного агентства!

Опричник ходил туда-сюда по допросной комнате и вещал. Караулов то краснел, то бледнел, пытаясь сдержать то ли поток брани, то ли — дикий хохот. Я почесал затылок и с некоторой жалостью поглядел на Петра Розена. Вообще-то он был вроде как мой ровесник! Это опричный майор-то! Да и судя по его способностям к телекинезу, которые он продемонстрировал, заворачивая Бальмунга в каркас из арматуры, пока дюжие опричники лупили его по голове ногами, а доктор пстрикал и пстрикал своим инъектором. В общем — мощный парень этот Петр Розен… Но — неинформированный.

— Тут такое дело… — я постучал когтями по столешнице, а потом прокашлялся, и дым пошел у меня из ноздрей. — Случается, господин опричный майор, что учитель — он не только учитель. Оно ведь как бывает — наследственность нас к одному обязывает, а душа — она к другому лежит!

И облизнул острые как кинжалы зубы. И подмигнул побледневшему Розену горящими драконскими глазами.

— Однако, я думал — светлейший князь вам обязательно даст знать о здешней ситуации… Да и вообще — оно вроде как логично, что Убийца Драконов пришел убивать дракона, — приняв позу задумчивого философа, рассуждал я. — Но я наш дракон. Домашний. Я за всё хорошее против всего плохого!

— Бубхош бурзум багронк! — внезапно на черном наречии выругался опричник и с грохотом уселся на стул. — А-а-а-а, чтоб меня! И ты, Караулов, это знал, и мне, морда твоя сыскная, не сказал?! Так и поседеть можно!

— Отвыкай, Петенька, мебель собирать до того, как инструкцию прочитаешь! — наконец не выдержал и заржал сыскарь. — Твои эти шашни с Ордой до добра не доведут! Это урукам можно — по наитию, с кардом в руках и с дикими криками вопросы решать! А мы с тобой, Петенька, в первую очередь госслужащие, государевы люди, и только во вторую — героические бойцы с мировым злом! Системность в нашей работе нужна! Почитал бы документики — и дракона бы не просмотрел… Уа-ха-ха-ха, «слона-то я и не приметил», ха-а-а!

— Дичь какая-то, — потер лицо ладонями Розен, растрепав свои роскошные усы. А потом спросил: — А вот это вот обличье — оно что, так просто приходит и уходит?

— Ну, не так, чтобы просто, — чешуя начала втягиваться, а

когти — обретать человеческие очертания. — Но вполне реально. Слушайте, у меня уроки завтра и экскурсия на мини-ТЭЦ! Дайте жизни, а? Мне хоть часа четыре поспать надо!

— Так… — майор переглянулся с Карауловым. — Кто-нибудь еще тебя убивать сегодня придет, как думаешь?

— Ну… — я не удержался и начал загибать пальцы: — Этим троим бошки оторвал, у того кишки выпустил, тех из окон повыбрасывал… Хм! Еще один был, но я его пинками по лестнице спустил. Двух муравьи сожрали. Или трех? Одного в унитазе смыть хотел — не получилось… Есть еще парочка, но я не думаю, что они прям сегодня решат меня добить. Они вряд ли в одной команде с Авалоном. Так что нет, не думаю. Наверное, сегодня попыток больше не будет.

— Оно как-то сразу от сердца отлегло, — признался Розен. — А ночевать-то ты куда пойдешь? У тебя ж окна выбиты! Нет, завтра все поставят, оно все по страховке покрывается, но… Может — тут останешься? Постелим тебе в какой-нибудь камере… Мы и сами так ночуем, если вместо одного тюфяка три положить — вполне удобно! Заодно под присмотром будешь!

— Рядом с Джоном? По соседству? — поинтересовался я. — Когда за ним приедут, кстати?

— Завтра. Обещали спецборт завтра прислать, утром. Так что мы спать точно не будем — а вдруг отбить его попытаются?.. — пояснил Розен. — У эльдарской внешней разведки полно спящих ячеек, и знать не будешь, когда напорешься.

— То есть, против спящих ячеек вам и спящий дракон лишним не будет? — поинтересовался я. — Давайте уже, стелите мне в камере. Буду действовать на нервы Джонни своим безмятежным видом.

— Ага. Может, он арматуру расшатывать перестанет и лучше себя вести будет! Уж больно ловко ты раковинами швыряешься, — кивнул опричник. — Думаю, произвел на него впечатление.

А сыскарь Караулов достал из кармана мой «Черепанов» и положил его на стол.

— Конечно, таких патронов, как у тебя, мне достать не удалось, но «Майскую грозу» я тебе зарядил, — сказал он. — Они мало того, что ужасающей останавливающей силы, так при касании еще и долбят до пятисот вольт единоразово. Против таких вот боевых магов, как твой Бальмунг, а еще — против регенераторов, метаморфов, зоотериков и прочих — штука эффективная. Ты ж у нас аристократ, тебе оружие дома хранить можно… Пользуйся привилегией.

— Он еще и аристократ, — вздохнул Розен. — Где там та папочка лежит? Караулов, куда ты ее сунул, дай почитаю! А то

мало ли, какие еще подробности вскроются!

— ХО-ХО! — сказал дракон.

— *Ха-ха…* — ухмыльнулся Гоша.

Но, кроме меня, их никто не услышал. И это было хорошо.

Глава 15
Смотровая комиссия

— Шайзе… — Ингрида Клаусовна явно чувствовала себя не в своей тарелке. — С вами неудобно работать, Георгий Серафимович. То есть, вы хороший учитель и работник безотказный, но всякий раз, обращаясь к вам, я чувствую себя идиоткой. А я, между прочим, директор школы!

— Потому, что у вас нет на меня рычагов давления? — поднял бровь я. — Вы думаете, что раз у меня имеются деньги, и я не живу от зарплаты до зарплаты — могу вас не слушаться? Вы же учитель в первую очередь и должны понимать, что, кроме денег, есть и другая мотивация для работы! Послушайте, мы, в конце концов, заключили контракт. Там прописаны мои должностные обязанности. Я согласился работать на условиях, которые в контракте прописаны, и свою работу делаю.

— Делаете работу, йа! И хорошо её делаете, слишком хорошо… А в перерывах между хорошей работой стреляете из пистолета, бьете других мужчин каким-то дрыном, топите в унитазе! Георгий Серафимович, вы понимаете, насколько это странно звучит? — она сверкала очками весьма решительно. — На моем последнем месте работы учительницу едва не уволили за фото с пивом в купальнике на пляже! Кстати, красивая женщина, стоит признать… А пиво — фабричное, настоящий шайз драуф! Но это — пиво! А вы устраиваете погромы чуть ли не каждую неделю, дубасите кого-то там — и с вас взятки гладки! Да, я знаю, что вы работаете консультантом в Сыскном приказе, но всему же есть пределы!

— Ингрида Клаусовна, что нужно на сей раз? Опять Инспекция по делам несовершеннолетних? — я понимал, к чему она клонит и зачем нужна эта длинная подводка. — Допрос какого-нибудь очередного малолетнего балбеса?

Гутцайт хотела меня припахать, а все эти пафосные прелюдии ей требовались только для того, чтобы в некотором роде легализоваться.

— Смотровая комиссия, — вздохнула она. — Наша соцпед приболела, я разрешила ей отлежаться дома… А посещать будут многодетные семьи, участок как раз наш: частный сектор, Зверинец… Без педагога не обойтись. Не Елену же Викторовну мне отправлять, на самом деле? У нее от нервов псориаз обостряется! А у вас нервы стальные, да и мужчина есть мужчина все-таки. Сами знаете, как оно на смотровых комиссиях бывает. В

общем, не беда, если я ещё раз почувствую себя идиоткой. Георгий Серафимович, выручите?

— Вы — начальник, я — работник, — кивнул я. — Командуйте, когда и куда нужно подойти. Смотровая комиссия — значит смотровая комиссия. Кстати, а что там по премии полагается за выход?

— Ну, вы крохобор! — рассмеялась кхазадка. — Но я одобряю, одобряю! Шесть процентов к окладу. Всякий труд должен быть оплачен!

Смотровая комиссия — дело довольно странное. Приходит домой к незнакомым людям толпа дядей и тетей, часто — без удостоверений, просто с папочками в руках. И начинает смотреть. Порядок ли в доме? Есть ли продукты в холодильнике? Где спит ребенок? Работает ли тяга в печной трубе?

И ладно, если с комиссией идут, например, милиционер и пожарный. Они хотя бы в форме! У них удостоверения имеются, и вообще — выглядят солидно. А если это соцслужба, педагоги, коммунальщики и, например, санстанция? По какой-такой причине народ вообще должен перед ними двери открывать? Просто — группа непонятных женщин, уставших и нервных, вот что такое по факту эта смотровая комиссия!

В большинстве случаев на таких мероприятиях я чувствовал себя неловко: ну, кто я такой, чтобы взрослым людям указывать, как им хозяйство вести и чем детей кормить? Как будто у нас у всех дома идеально чисто, вещи лежат по ранжиру, а на кухне хранится запас еды на три дня — обязательно с мясом, молочными продуктами и свежей зеленью. Давайте признаем: в наших в жилищах частенько царит бардак, и, если б к нам в эти периоды пришла комиссия — имели бы мы бледный вид.

Однако встречались порой ситуации вопиющие, ради которых, в общем-то, подобные рейды и проводились. И, стоит признать, на Тверди таких историй было ничуть не меньше, чем на Земле. Конечно — с местным колоритом.

* * *

В нашей милой компании, которой мы ходили по адресам поднадзорной категории граждан, имелись тетеньки в дутых куртках, еще одни тетеньки — в полупальто, и другие тетеньки — в легких плащиках. Дяденька милиционер и дяденька пожарный были в форме, а я — в костюме. Весна! Хорошо, хоть никто в шубе или в шортах не явился!

Солнце то палило нещадно, то пряталось за тучи, и при этом

резко холодало. Дул порывистый ветер, портя дамам прически, а у служивых мечтая сбить с голов фуражки. У меня ни фуражки, ни прически как таковых не имелось, так что на ветер мне было, в общем-то, наплевать. В какую сторону завернутся мои рыжие вихры — это дело третьестепенной важности.

А вот на грязь под ногами, хмурые физиономии в окнах и феерический бардак вокруг не обращать внимания я не мог. В этом конкретном дворе барака, например, стоял ржавый остов автомобиля, вокруг него бродили и гадили гуси со зверскими мордами. Под стенами барака громоздились две кучи бутылок — пластмассовых и стеклянных, прикрытых полиэтиленовой пленкой. Детская песочница выглядела жалко: борта ее покосились, в самом центре сидел кот и весьма характерно изгибал хвост, справляя большую нужду. В общем, картина прискорбная, можно даже сказать — хтоническая!

Зверинец в принципе считался районом неблагополучным. Здесь, по соседству с народом простым и небогатым, но порядочным, проживали настоящие отбросы общества: дауншифтеры, алкоголики, наркоманы, тунеядцы, побирушки и прочая шушера. Стоит быть честным: орков среди них было, скажем так, прилично. Точнее — неприлично. Неприлично много! Мы пришли к семье снага — их мать второй день не выходила на работу, а детишки — не посещали садик и школу.

— Смотровая комиссия, открывайте! — строгая тётя, заместитель председателя Комиссии по делам несовершеннолетних при управлении народного просвещения, решительно постучала в дверь. — Мы знаем, что вы дома! Открывайте сами, не то хуже будет — с нами милиционер!

Милиционер сделал классический фейспалм. Он был худенький и молоденький, да и вообще, без ордера вламываться в двери права никакого не имел. Дверь — страшная, обшарпанная, покрытая белой краской — была под стать всей обстановке барачного подъезда, замызганного и захарканного.

— А мама спит-на, — произнёс девчачий голос со снажьим акцентом. — Она устала и спит, и мы не знаем, как открыть!

— Это ты, Косточка? — зампред КДН была профессионалом и знала подопечных чуть ли не каждого наперечет. — Это я, Ольга Владимировна. Помнишь, мы к вам на Рождество приходили?

— Да-а-а! С конфетами-врот! — голосов теперь звучало более, чем три, точно. — А теперь у вас конфеты есть-на?

Все стали переглядываться. Наконец коммунальщица — кажется, местный мастер участка — кивнула и достала несколько карамелек.

— Есть конфеты! — ответила Ольга Владимировна. — Давай,

открывай. У вас там цепочку надо снять — и всё. Мы тихонько зайдем, посмотрим, как у вас дела, и уйдем!

Брякнула цепочка, дверь скрипнула и чуть приоткрылась.

— Аккуратно, — предупредила Ольга Владимировна. — Там у них с половым покрытием вопросики.

— Какие вопросики? — удивился плечистый пожарный.

— Они им печь топят, — пояснила зампред.

— Поня-а-атно… — протянули члены комиссии.

Я помалкивал. На Земле я видал всякое. Пускай зеленых снага у нас не было, зато синие алкаши водились. И жили порой в обстоятельствах, напоминающих скорее стоянки первобытного человека, а не современные благоустроенные квартиры. Наверное, благодаря этому опыту мне сейчас удалось не скривить физиономию и не заткнуть нос. А ещё — не рухнуть в бездну, разверзшуюся у порога.

Бездна была так себе, неглубокая, примерно полметра, аккурат до земли, благо — снажья квартира располагалась на первом этаже барака, так что головы соседей в прорехи пола видать не было. Только глину и песок — в равных пропорциях. В песке копошились трое детей из последнего… Помета? Очень сложно было понять, как охарактеризовать рождение орчат у снага: они появлялись на свет… Выводками? По три, четыре, даже — пять сразу! И таких приплодов орчанка могла за жизнь выносить вроде как несколько, но по факту — существовала негласная практика (по крайней мере в земщине) хирургической стерилизации после рождения десяти детей, за сколько бы подходов орочья мать-героиня с этим вопросом ни справилась.

Так что тут у нас налицо было семеро зелёненьких деток: младшие — годиков двух, старшие — примерно восьми-десяти.

— Давай конфет, давай! — четыре орчонка выплясывали вокруг нас, живо напоминая знаменитую сцену из «Двенадцати стульев».

Пахло грязными телами, дешевым алкоголем, протухшей едой и прочей антисанитарией.

Пока коммунальщица делилась сладостями с продавшими мать родную за конфеты монстриками, остальные члены комиссии разбрелись по квартире, охая и ахая, и выполняя возложенные на них обязанности: пожарный заглядывал в грубку, милиционер тормошил храпящую богатырским храпом мать семейства, Ольга Владимировна инспектировала кухню, а санстанция — санузлы.

А я ничего не инспектировал. Мне окружающей обстановки хватило. Чего тут инспектировать, если пола — нет, из щелей в стенах торчит стекловата, на потолке нарисованы гениталии, а

кровати представляют собой эдакие кубла из всевозможного тряпья! В раковине, на тысячу лет не мытой посуде, завелась живность и выросли грибы. У этой экосистемы, похоже, имелись немалые шансы организовать свою цивилизацию и завоевать Твердь.

— Ребята! — спросил я. — А где вы делаете уроки?

— На Гэ-Пэ-Дэ! — шмыгая носом и сглатывая сладкую конфетную слюну, сообщила самая боевитая девочка — Косточка. — Мы всегда на продленку ходим! Там полдник дают-врот! Но Степановна строгая — пока уроки не сделаем, говорит, в столовку не пустит! Мы и делаем…

Молодец у них Степановна. Желудочная мотивация для орков — самая верная. Еще одна — это через тумаки, но тумаки вроде как непедагогично. Тем паче — когда вырастет зелёная детинушка, то может в ответ врезать, а дерутся снага дай Бог каждому!

— То есть, стола и стульев у вас нет… — констатировал я.

— Что ты ела сегодня, деточка? — поинтересовалась Ольга Владимировна.

— Мы грызли макароны-врот! — заявил один из старших пацанов. — Вот! И запивали водой!

Там, на земле, валялось десять или двенадцать пустых упаковок из-под лапши быстрого приготовления. Снага — народ живучий, но жалко их было до невозможности. А мамаша все не просыпалась.

— Короче, бред это все, — заявил милиционер. — Она вусмерть пьяная. Толку не добьемся.

— Мы не можем их тут оставить, — пожала плечами Ольга Владимировна. — Надо отца их искать или забирать в приют. Как вы это себе иначе представляете?

Что характерно — мобильный телефон у снажьей бабы имелся. Лежал под кучкой тряпья, которая выполняла функции подушки. Никакой серьезной блокировки там не стояло, так что в списке контактов нашелся «BOLSHOY LUBOFF», который, по заверениям старших детей, и был их отцом. По их же словам, отец работал где-то четыре через четыре и как раз уехал три дня назад.

— И что — мама с тех пор спит? — спросила Ольга Владимировна.

— Она-ска, как просыпается — ей сразу пить хочется-врот, — пояснил зеленый пацаненок в трусах и майке — Она попьет-попьет и опять спит-на. Но нам ее питье пить нельзя, оно мерс-с-с-кое!

Еще бы оно не было мерзкое. Бырло гоблинское, как есть!

Я вышел во двор продышаться. Все-таки пахло там

прескверно, и толку с меня не было никакого. Обнаружив на остове автомобиля свободное от ржавчины местечко, я оперся о него спиной и прикрыл глаза… Чтобы через двадцать секунд их открыть.

— Слышь, мужик-ска! — раздался хриплый голос с явным снажьми прононсом. — Ты не знаешь — в первую квартиру комиссия-ять пошла-врот?

Передо мной стоял в целом приличный орк — в лесхозовской спецовке, лысый, с каким-то замученным лицом. Вообще-то замученные лица — это не про снага, но вот этот был прям плох.

— Пошла, — кивнул я.

— Сука-а-а-а… — он ухватил себя за лысину. — Не успел!

— Чего — не успел?

— Да мне-ять утром соседка позвонила-на, сказала-на, что моя пол в грубке второй день палит! Все ясно — опять пьет! — в его голосе слышалось искреннее страдание. — А мне че делать-на? Я вальщик-ска, я лес валю-на! Мне детей-ска кормить надо! А она-ять каждый месяц бухая! Щас детей заберут — че делать-на? Че мне делать без детей-то?

Я смотрел на него пристально, пытаясь понять — он вправду нормальный мужик, который попал в чудовищную ситуацию, или — гнилая душонка и просто жалуется на жизнь первому встречному потому, что жалеть себя проще всего? Однако, его слова о детях подкупили меня, это точно.

— Как тебя звать, орче? — спросил я.

— Модест, — ответ был неожиданным, если честно.

Никогда не встречал орков по имени Модест!

— Смотри, Модест… Есть у меня для тебя вариант. И для твоих детей — тоже. А вот для жены — не знаю.

— А? Ты кто такой будешь? — удивился он, поймав деловые и хладнокровные нотки в моем голосе.

— Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, — отрекомендовался я. — Учитель истории и по совместительству — вольный рыцарь, владетель Горыни. Вот тебе номер телефона одного кхазада — Отто Шифер его зовут. Он может тебе работу дать, чтобы четыре через четыре не ездить. Оплачиваться будет хорошо, каждый вечер — дома… Профессия имеется?З

— Дык! Ять! — орк оживился. — По дереву я! Я и валю, и плотничаю, и столярничаю-на! Я работник что надо-ять, но…

— Но мы сейчас вместе пойдем и посмотрим, что там можно сделать… А с женой… Если она пить не бросит — с женой придется тебе расстаться, Модест. Если ты и вправду детей своих любишь. Они у тебя там всемером на десяти пачках лапши третий день сидят.

— Сука-а-а-а! — он снова ухватил себя за лысину. — Я ж затарился-на, полно всего было-врот, я ж на кукуляторе-ять считал, чтоб на четыре дня! Сука-а-а…

В общем, таких орков я еще не встречал. И таких семей — тоже. Все-таки когда пьет отец — это чуть менее хтонически, чем когда пьет мать. Хотя тоже — ужасно.

* * *

Контраст со снажьим ужастиком в следующей семье был просто потрясающим. Да, здесь, в большом частном доме на улице Озерной, тоже, в общем-то, царил бардак — но бардак совсем другого рода!

Белкины — люди верующие, постоянные прихожане собора — были семьей многодетной. У них своих детей имелось пятеро, но старшие подросли, и они взяли еще двоих — приемных. И вот двое младших родных сейчас с веселыми визгами гонялись по пребывающему в вечном ремонте дому за двумя еще более младшими — неродными, но очень любимыми.

Стены были оштукатурены и ошпаклеваны, но — не покрашены и без обоев. Зато — с бесконечными детскими рисунками. Кроватей в трех спальных комнатах стояло много, но все — застелены, со свежим бельем. Посуда была не мыта, но без очага развития новой цивилизации. Да и пахло на кухне хорошо — оладушками!

— Это Маша напекла! — сказала главная Белкина — мать семейства, высокая и статная женщина лет сорока пяти.

Машу я знал, она в шестом классе у нас училась. Хорошая рыженькая девочка, староста класса, между прочим. Всегда опрятная, всегда — готова к урокам. Почти отличница! Это именно она сейчас поймала мелкую приемную сестричку лет трех и с уморительными звуками дула ей в пузико. Мелкая смеялась, аж заходилась! Смотреть на все это без умиления было невозможно.

— А мы чего к вам пришли? — спросила с удивлением коммунальщица. — У вас ведь все нормально?

— У меня Пашка руку сломал, — пояснила Белкина. — Сверзился со второго этажа. Не в смысле со второго этажа дома, а с кровати! Есть у него привычка — не по лестнице спускаться, а спрыгивать!

Пашка был спортсмен. Его я тоже знал, он в одном классе с баянистом Кузьменком учился. Средней успеваемости, но легкоатлет — дай Боже. Постоянно какие-то призовые места

занимал. Смуглый, голубоглазый, русоволосый. Веселый и незлой. Ситуация понятная — есть детский травматизм, есть пунктик — многодетная семья. Значит — нужно проверить! Вот мы и проверяли.

— Вы проходите, не стесняйтесь! Может — чаю поставим? Вы, наверное, находились уже за сегодня? — спрашивала Белкина, перемещаясь по кухне. Она, совершенно не стесняясь, делала уборку прямо при нас: это — в мусорку, то — в холодильник, другое — под кран.

Я присмотрелся к детям и не смог не спросить:

— А они что — кхазады, что ли? — это было вправду удивительно, обычно кхазадов-сирот и беспризорников в природе встретить было невозможно!

— Ага! — мягко улыбнулась хозяйка. — Они не из наших кхазадов, дети каких-то погибших интуристов. В опеке думают, что альпийские они, но сказать сложно. Мы хотели только девочку взять, Доминику, но оказалось, что у нее брат-близнец, так нам в приюте сказали — берите двоих! Мол, он тоже — хороший! Так что у нас вот такое двойное пополнение в семье — Доминика и Вольфганг!

Вольфганг с визгами убегал от Маши и Доминики, на ходу почему-то пытаясь снять с себя майку. Распознать в нем гнома можно было только по чуть более коротким ножкам и крепкому туловищу. А так — обычный смешной карапуз!

— Да мы, в общем-то, наверное, пойдем… — Ольга Владимировна прекрасно понимала, что сюда мы зашли для галочки. — А Паша ваш где?

Брякнула калитка на улице, послышались голоса.

— А вот они и вернулись, — махнула рукой Белкина. — Его Федор как раз к травматологу возил, гипс перевязать.

Федор — отец семейства — и Пашка вошли в дом. У Пашки рука висела на перевязи, сам он — улыбался.

— Здра-а-асте, Георгий Серафимович! И вам всем здрасте! А я завтра в школу приду, но я писать не могу- у меня рука сломана! Буду просто сидеть!

— Везет же некоторым! — подала голос Маша.

— Так ты тоже можешь упасть с кровати! — посоветовал Пашка, снимая обувь и протискиваясь мимо нас, столпившихся в растерянности в коридоре. — Если захочешь. И тогда не будешь писать!

— Я что — дура, что ли? — резонно спросила сестрица.

— … Отца, и Сына, и Святого Духа! — Федор Белкин, худощавый, широкоплечий и сутуловатый отец многодетного семейства, прямо на пороге истово перекрестился: размашисто,

занося руку, и при этом — моргая всем лицом. — Мир дому сему!

У него был свой небольшой продуктовый магазин, частный, так что семья не бедствовала. Но, судя по его нервным движениям — семейная жизнь все-таки давалась ему нелегко. С Божьей помощью давалась, по всей видимости.

— А хотите — я вас подвезу? — вдруг спросил Белкин. — Если вы тут закончили. Я на фургоне!

Все посмотрели на Ольгу Владимировну — она была нашим неформальным лидером.

— Наверное, закончили, — нерешительно развела руками заместитель председателя. А потом спросила у Белкиных: — У вас есть какие-нибудь вопросы, пожелания?

— Вообще-то есть, — Федор Белкин очень сильно, с хрустом почесал затылок. — Поможете детей в летний лагерь отправить? Где-нибудь в начале лета?

Лагеря были в нашем уезде в основном ведомственные — от разных предприятий и организаций, так что частному предпринимателю Белкину в этом плане действительно было тяжеловато. Я видел, что все мнутся, и поэтому все-таки сказал:

— Вообще-то есть вариант… Пускай Маша или Паша ко мне в мае месяце подойдут, я точно знаю — у нас в уезде скоро еще один лагерь откроется, совершенно новый, для самых разных деток.

— Пра-а-авда? — радость родителей-Белкиных была самой искренней. — Здорово!

— Ну, давайте, я вас развезу куда нужно и на работу поеду, — заторопился отец семейства.

И мы под аккомпанемент развеселого топота и смеха маленьких кхазадиков гурьбой вывалили на улицу.

Пока ехали в фургоне в центр — я все думал: а каким я буду родителем? Почему-то хотелось думать, что таким, как Зборовский или Белкины. У меня не было своих детей ни в той жизни, ни в этой, но — хотелось. Правда — хотелось. И даже размашистые крестные знамения Федора Белкина меня не переубедили.

Глава 16
Предохранитель

У них тут имелось свое Первое мая. «Маевка» — так они его называли. Общенациональный выходной. Исторические параллели были весьма интересны: во время Восстания Пустоцветов простолюдины именно в этот день сказали свое веское слово, которое стало последней каплей, склонившей чашу весов в пользу тогдашнего Государя, пообещавшего изменения в трудовом законодательстве, социальные гарантии для земских жителей и расширение политических прав цивильных. Фрондирующие аристократы склонили головы перед союзом простонародья и верховной власти. Мятежники вынуждены были пойти на попятную.

Потому что война — войной, но если заводы стоят, и поезда не едут, улицы никто не метет, а хлеб никто не сажает — особенно не повоюешь. Ну да, никаких эсеров и большевиков тут в принципе не существовало, да и неоткуда им было взяться, а вот профсоюзы тогда показали зубы — сильно и страшно. Всеобщая забастовка, вот что тогда случилось, лет эдак сто назад. Остановились почти все предприятия в земщине и юридиках, даже опричнина — и та присоединилась к стачке! Цивильное население осознало свою силу и научилось ею пользоваться. В общем — Первое мая весной, как и Юрьев день — осенью, оставались для простолюдинов-цивильных символом борьбы за свои права и символом надежды.

В клановых доменах этот праздник не отмечался. Аристократы терпеть его не могли и всячески высмеивали. Ну, а как же? «Опять быдло пойдет шашлычки жарить и водку пить, нагадят вокруг себя, бутылок набросают и там же и уснут!»

А вот в земщине — отмечали с размахом! Это, наверное, был самый земский праздник из всех. Потому что земщина — для простолюдинов. Земщина — для цивильных. Шашлыки — это, конечно, было нечто само собой разумеющееся. И водочка, и огурчики, и капустка, и жареный на костре хлебушек, и прочее всякое. Но это — после обеда, на берегу речки или на собственном приусадебном участке. А утром обязательно — демонстрация! Не прям советская, но вполне солидная. Да и не загоняли туда никого силком, народ сам шел, весь город на улицы вываливал.

По улице Земской шли колонны предприятий — лучшие представители трудового народа, с цветами, знаменами

национальными и корпоративными, транспарантами, с портретами Государя, даже — с иконами и крестами. Пели песни: например, «Дубинушку», которая тут была самой радикальной и революционной песней из всех. Была еще «Ордынская» — но ее пели в основном орки, и я в ней легко распознавал ужасно перевранную «Варшавянку», и чуялась мне за этим текстом кудлатая шевелюра Бабая Сархана.

Кажется, весь Вышемир высыпал на улицу Земскую: стояли на тротуарах и газонах, махали руками передовикам производства, радовались. Отцы города — почетные горожане, ветераны, духовенство, меценаты и, конечно, наш непоколебимый предводитель со всеми земскими вождями — все встречали шествие у подножия собора, приветствовали и благодарили за отличный трудовой год. Народ кричал «Ура!» и искренне радовался.

Что и говорить — в этот раз весна действительно принесла настоящее обновление: ужасы прошлого года по большей части мы преодолели, гнетущая атмосфера и вопиющий бардак, агрессивные сумасшедшие и амнистированные преступники на улицах, кажется, остались в прошлом.

Коммунальщики-гоблины, составившие отдельную колонну, шли с высоко поднятыми головами, и им, кстати, аплодировали очень громко — за пару недель они ликвидировали чуть ли не все стихийные свалки, закрасили граффити и подлатали, по крайней мере, ключевые улицы. Теперь ушатые и носатые работящие проходимцы пытались реализовать большую программу по сбору вторсырья, делали поквартирные и подомовые обходы, организовывали самовывоз, самовынос и самосброс через окно. Еще Управление благоустройства вроде как резко начало планировать закупки яблок, ягод и других сезонных плодов, и чуть ли не запуск коммунального предприятия по их переработке. От этого плана отчетливо пахло бырлом и большими проблемами, но я надеялся — Зборовский сумеет удержать ситуацию. Он вообще мастер баланса и неожиданных решений…

— Пепеляев! — замахал рукой мне кто-то из колонны Управления народного просвещения. — После митинга — у собора подожди меня!

Это был большой начальник Валентин Александрович. Не сказать, чтобы мы сильно сдружились, но доверять друг другу стали. Он ведь тогда действительно классно вписался в мою агиткомпанию против авалонских рекрутинговых агентств! Такого небезразличия и горячего участия от начальства обычно никто не ждет, и я тоже — не ждал. А этот, поди ж ты, прям всерьез впрягся. Может быть, потому, что вправду его, как и меня,

заело. А может — потому, что я аристократ и землевладелец. Так или иначе, выслушать Валентина Александровича стоило, так что дальше следом за колонной я не пошел, а притормозил у церковной паперти.

На ум мне пришли слова отца Клауса: он ведь в свое время предлагал мне здесь убежище! Слава Богу — не пригодилось, забодали мы врагов внутренних и внешних — одного за другим. Конечно, наверняка кое-кто остался, и они себя еще проявят, но по Вышемиру я точно мог ходить спокойно. Сам отец Клаус был там, на площади, вместе с отцами города, народ благословлял. Так что я прошел по церковному дворику к скамеечке под березами, сел на нее, откинулся на спинку и стал дышать майским воздухом. На деревьях уже зеленели молоденькие листочки, они шевелились и перешептывались, рассказывая о грядущем лете.

Мне было хорошо!

Разве что сбивали с толку шум толпы с площади, бравурная музыка из репродукторов, задорный голос Зборовского, который от души всех поздравлял с Маевкой и благодарил за ударный труд на благо богохранимого Отечества и прекрасного Вышемира. Он там вроде шутил, потому как народ хлопал и смеялся. Определенно — двинуть соседа во власть было очень правильной идеей! И на трибуне Женька находился вместе со своей женой и детьми, и это тоже было здорово, потому как позитивный образ многодетной семьи, и вообще… Если мужчина с такой командой справляется и не свихнулся еще, а они — вон какие симпатичные и счастливые, то ему и уезд не стыдно доверить!

Ветер доносил запахи тех самых шашлыков: снаружи подгорелых, внутри — сыроватых, но все равно — безумно вкусных, пока горячие. А еще — попкорна, сладкой ваты и прочего, что всегда сопутствует народным гуляниям. Мне даже почти захотелось туда пойти, но не одному, а с Ясей, конечно!

— Вы поедете в Москву! — сказал Валентин Александрович. — На Всероссийский педсовет!

И это было совсем не то, что я мечтал услышать в такой прекрасный день, при такой-то отличной погоде.

— Однако! — я открыл глаза. — Вроде ж в Минск на конференцию?

— Ну, уж нет… Мне из губернии спустили — вас надо послать подальше! А им — из Минска. Нужен молодой, со свежими идеями, успешный. Там вроде как инициатива от кого-то с самого-самого верха исходит, мол — формирование позитивного образа учителя, повышение привлекательности профессии и все дела… — он скривился. — Только не говорите

мне про зарплату, я и так знаю…

— А не боитесь? — спросил я, прищурившись.

Честно говоря, в Москву ехать не хотелось страшно. Дел у меня тут было полно, да и учебный год заканчивается, ребятам экзамены сдавать, готовиться надо! Какая Москва? Какой Всероссийский педсовет?

— Чего я бояться должен? — поинтересовался начальник отдела образования.

— Ну, того, что я им там с трибуны скажу, однако…- во мне стал просыпаться охотничий азарт.

— Про зарплату, наверное? — он пожал плечами.

— И про зарплату тоже, — отрицать было бы бессмысленно. — Георгий наш Серафимович потому такой замечательный, что от школы финансово не зависит. Для меня это — благотворительность, с первого сентября и до сих пор. Даже когда я аристократом еще не стал — уже за свои деньги кабинет обставил, потому что в Сыскном приказе работал, а еще — государево воинское жалованье на это дело пустил. Я ведь об этом тоже расскажу, понимаете?

Валентин Александрович отвернулся и посмотрел на солнце сквозь ресницы. А потом обреченно кивнул:

— Ну, кто-то же должен? В конце концов — почему бы и не вы, и не прямо сейчас? Мы же должны проверить — они там реально не знают, или им реально плевать? — он с явно читаемым фатализмом махнул рукой. — Вот и узнаем. Если это на всю страну прозвучит — игнорировать не смогут.

Вот этого уже я не ожидал. Точнее — ожидал, надеялся, но — не верил. Оказалось — зря. Оказалось — у нас в Вышемире нормальный начальник, которому не плевать, и который точно так же, как и вся вертикаль ниже, бьется, как рыба об лед, пытаясь решать нерешаемые задачи при помощи инструментов, для этого неприспособленных.

— К себе меня возьмете, если уволят? — вдруг по-молодецки усмехнулся начальник. — Вы там вроде лагерь организовать собрались, в своей юридике? Я не только воспитателем могу, я, если что, и слесарь неплохой… А в молодости занимался промышленным альпинизмом!

— Возьму, — вернул усмешку я. — Даже не сомневайтесь. Зарплата будет такая, о какой мечтают все педагоги: средняя по региону, плюс премия и надбавка. И медицинская страховка на время работы. И никаких скакалок, глобусов, палаток и байдарок за свои деньги покупать не надо. Даже канцелярскими принадлежностями обеспечу, а распечаток можно будет делать сколько угодно. Хоть книгу напечатайте на принтере!

— Фантастика! — он поцокал языком мечтательно. — Может, мне вашего выступления не ждать, а сразу уволиться? Где там кровью расписаться нужно, не подскажете? А можно, я супругу свою тоже к вам трудоустрою? Она отличный культорг и поет красиво, ведет кружок по вокалу… Нужны вам вокалисты?

— Мне все нужны! — закивал я. — Пение вообще — одно из самых больших счастий. Особенно хором! Кроме шуток, Валентин Александрович: надумаете — обращайтесь. И вы, и ваша супруга. Мне, чем через кадровое агентство персонал искать, я лучше тех, кого знаю, возьму. Или хотя бы пополам!

— Змей искуситель… — погрозил он мне пальцем. — В любом случае, вы ведь уголовщину всякую с высокой трибуны нести не станете, небось? Только радикальщину и остросоциальщину, да?

— Да! — кивнул я. — Именно в таком ключе, в самом широком смысле.

Честно говоря, я уже прямо сейчас думал, чего такого стоило бы озвучить, и у меня руки чесались сесть и накидать себе тезисы для речи, хотя я и понятия не имел о сути и посыле мероприятия, куда меня зовут. Всероссийский педсовет — звучит достаточно скверно. Если проводить параллели с педсоветами обычными — мне и слова не дадут. Выступит начальство, похвалит себя, поругает нас, мол — не дорабатываем на местах, а они очень хорошую концепцию приняли и отличную реформу задумали. И замки с корабликами там на задней парте не порисуешь, наверное… Не будет там никаких парт, какой-нибудь зал огромный, бархатные сидения и телекамеры кругом.

— Ладно, в общем, я доведу информацию до Гутцайт. А наверх сообщу о вашем принципиальном согласии. Десятого мая и поедете, командировочные расходы компенсируем, а жильем вас там обеспечат. Программу мероприятия, место проведения и все такое прочее получите у своего секретаря в школе… В общем — надеюсь на вас. Задача четкая и ясная: повысить привлекательность профессии, поднять престиж звания «учитель» и создать образ успешного молодого педагога! — командирским тоном закончил Валентин Александрович.

— Яволь! — откликнулся я. — То есть — слушаюсь и повинуюсь. Задачу понял, принял, буду думать над путями реализации.

— А про возможное трудоустройство я очень сильно подумаю… Жаль — отпуск у меня не учительский, я бы летом к вам на пару созывов прям сразу подработать пришел. Но увы, увы… — сказал начальник уездного просвещения, перекрестился на купола и бодрыми шагами двинулся прочь со двора.

* * *

В Москве у меня дело было. Оно уже залежалось, это очень серьезное дело, с тех самых пор, как Сапега со мной поделился данными о человеке, который в Министерстве магии, то есть — в Чародейском приказе, курировал тему с инициациями в земщине. У меня давно внутри зрело желание пойти к нему на прием и спросить: он реально считает нормальным все, что здесь у нас целый год творилось? Всерьез спросить, с пристрастием. В глаза его посмотреть, за ручку подержать. Очень мне любопытен человек, который в отдельно взятой сонной, благоустроенной и вполне себе зажиточной провинции своими действиями и бездействиями локальный постапокалипсис устроил и лихие девяностые вернул.

Потому как ни Радзивиллы, ни наркоторговцы, ни устроители подпольных боев для несовершеннолетних в принципе и не подумали бы творить то, что они творили, если бы какой-то человек в высоком замке… То есть — чиновник в далеком кабинете — не принял бы решение предподзакрыть на это всё глаза с целью повышения урожая магов на душу населения. Заплюшчыць вочы, как говорят белорусы. Я бы ему эти очи расплющил, если честно.

Теперь у меня, наконец, представился благовидный предлог для нанесения такого визита… Повод для поездки был железобетонный. До того момента, как я перешагну порог Чародейского приказа никто и заподозрить не сможет, что именно я собираюсь сделать! Да, я осознавал риски. Я собирался сунуться в средоточие магии! Там, наверное, архимаг на архимаге сидит и архимагом погоняет, а от разлитой маны волосы дыбом становятся. Возможно, мне придется идти на крайние меры, может быть, даже войну развязать, если тамошние обитатели будут сильно настаивать.

Но спускать изнасилование Вышемира я им точно не собирался. Пепел погибших на боевом посту директоров-коммунальщиков бил мне в грудь и взывал к отмщению. Не знаю, что там за дядьки были, никогда их не встречал, но их жизни явно не стоили того, чтобы какой-то гомункул порадовался красивым циферкам в годовом отчете. Уже сейчас во мне это вызывало бурю гнева, и я боялся себе представить, что будет, если ситуация выйдет из-под контроля.

А потому… Потому постучался в дверь квартиры Зборовских.

— Да-да! — раздался голос Женьки. — Кто там?

— Феодор Иоаннович… Достоевский! — откликнулся я.

— Тьфу на тебя, Пепляев! — загремел дверью Зборовский. —

Достоевский — это Федор Михалович, а Феодор Иоаннович…

— Да знаю я, знаю! — я шагнул в квартиру. — А чего у вас так тихо-то?

— Дети у бабушки с дедушкой, — счастливо улыбнулся он. — Жена пошла по магазинам. Одна! Но — в компании с моей премией. Вернется — устроит мне показ мод!

Он вдруг густо покраснел, как будто сказал что-то стыдное. Вот ведь! Сколько они там в браке — десять лет? Больше? Ну, молодцы, молодцы…

— Это что это такое ты приволок? Спиннинг? — перевел тему наш влюбленный предводитель.

— Это чехол от спиннинга, да, — я снял с плеча свою поклажу. — Но внутри не спиннинг. Считай, что это тебе в лизинг… Или как правильно сказать? В общем — эту штуку, Зборовский, я тебе вручаю на тот период, пока ты остаешься правильным мужчиной и главой земской управы. Потому что так, как тебе, я тут больше никому не доверяю, даже себе… Держи, в общем!

И я протянул ему меч.

— Э-э-э-э… Нет, ну… — он чисто рефлекторно взялся за рукоять — и его лицо озарила блаженная улыбка.

Не видал я еще мужика, который взяв в руки меч, вот так вот бы не улыбнулся, или наоборот — не нахмурился бы решительно и сурово. Это у нас сидит в крови!

— Классная штука, — признал Зборовский и осторожно махнул пару раз, для пробы. — Прям нравится. Это что — правда мне? В чем тут подвох?

— Подвох в том, что это Бальмунг. Меч убийцы драконов, — пояснил я.

— Та-а-ак! — он напрягся и поставил меч к стеночке. — А я тут причем?

— Притом, что я — дракон, Женя. И мне иногда самому от этого страшно, — я почесал затылок, пытаясь собраться с мыслями.

— ИДИО-О-О-ОТ! — взвыл дракон. — ДЕФЕКТИВНЫЙ! ЛАТЕНТНЫЙ САМОУБИЙЦА! ПОЗОР ВСЕГО ДРАКОНСКОГО РОДА!

— А я что могу… — сосед посмотрел на меня подозрительно. — Погоди-ка! Я, кажется, понял! Ты что, имеешь в виду, что если сбрендишь и начнешь отмачивать что-то ужасное — чтобы я тебя…

— Ага, — кивнул я. — Конечно, это будет непросто. Но если есть у нас тут настоящий герой без страха и упрека — то это ты.

— А как… — я понял его с полуслова и перебил, не дав

закончить вопрос.

— А очень просто. Если я вдруг начну обижать маленьких детей или устрою бойню на улицах города, или решу, что цель оправдывает средства, и начнутся попутные жертвы… В общем — такое. Но не думай, что это будет легко. Тебе придется проявить чудеса изобретательности, чтобы подобраться ко мне с этой ковырялкой!

— Ну, ты, конечно, святой человек, Пепеляев! — восхищенно покачал головой Зборовский. — Я даже не знаю, с чем это сравнить! Наверное, теперь мне придется брать уроки фехтования, да?

— Ага, — я кивнул. — Давай, я тебе одну фишку покажу… Иди сюда. Смотри: легким движением руки меч превращается… Превращается меч… В элегантный ремень! А?

— Класс! — признал Зборовский. — И что, ты мне его вручаешь, типа, пока я глава уезда?

— Я вручаю тебе его, пока ты глава уезда и правильный мужчина, именно при таких условиях. Разведешься с женой или начнешь бить детей — заберу! — пригрозил я. — Или если взятки брать начнешь.

— Типун тебе на язык! — отмахнулся Женя. — Хочешь — я тебе в качестве алаверды сковордку подарю в лизинг? Пока ты мой сосед — будешь иметь право бить меня по голове в вышеозначенных случаях.

— ДВА ИДИОТА, — констатировал дракон.

Глава 17
Типология

К маю я знал по именам и фамилиям пятьсот человек. Ну, а как иначе? Я уже как-то занимался такой увлекательной арифметикой и вычислил, что это математику или филологу можно взять одну, максимум две параллели, и вуаля — нагрузка готова. Четыре или пять часов математики в неделю, умножаем на четыре, пять или шесть классов и получаем от двадцати до тридцати часов в неделю. Солидно? Более, чем.

У историка же — нормального, адекватного, а не такого многостаночника-филантропа, как я, в каждом классе — два часа. В старших добавляем обществоведение — три. Если брать провинцию, тем более — нашу шестую школу, которая располагалась в частном секторе — редко в таких местах водится более одного учителя истории. Ну, иногда администрация себе полставки берет, это ж не математика, в истории каждый дурак разобраться может! Даже если образование непрофильное.

В любом случае — за четыре четверти волей-неволей запоминаешь всех. И пока видишь каждую неделю — помнишь. Конечно, это своего рода калейдоскоп детских лиц, и после выпуска, спустя лет пять или шесть узнаваться и вспоминаться будут только самые яркие… Не всегда самые умные и успешные, но яркие — точно. И это не значит также, что в памяти останутся только хулиганы и двоечники, которые всякую дичь творили, или — артисты и активисты, нет.

Просто — в каждом классе есть шесть или семь учеников, на которых учитель смотрит, когда ведет урок. Они — кто-то вроде живых камертонов: если таким ребятам тема заходит, если они успевают записывать и понимают, что вообще происходит на уроке — то и остальные дотянут. Бог знает, что в этих детях такого особенного: успеваемость разная, социальное происхождение, генетический багаж и уровень достатка — тоже. Может — любопытство? Небезразличие? Считая обе жизни, я что-то около пятнадцати или семнадцати лет в педагогике, но так и не выработал никакой классификации.

Вот и теперь, глядя на склонившиеся над тетрадями головы учеников, я поймал что-то вроде приступа учительской тоски или — укола совести… Мол, как я их брошу? Вот так возьму — и сбегу из школы? Может — поговорить с Гутцайт, остаться хоть на полставки? Этих девятиклашек ведь тоже к экзамену надо готовить…

И при этом: они ведь все равно уйдут! Кто из них вообще про меня вспомнит через пять лет? Кто из нас вообще вспоминает своих учителей? Человек уходит, на его место приходит другой, учебный процесс идет дальше — шатко, валко, как-то. Чудовищно и однообразно, как все в земщине.

Большая зеленая муха билась об оконное стекло, тщетно пытаясь выбраться наружу. Первая муха в этом году! Солнышко пригревало, пахло мелом, немножко — нагретой половой краской и приторно — чьими-то духами. Наверное, опять Свиридова мамину косметичку распотрошила…

— … Таким образом, любая типология характеров и личностей — очень условна. Не бывает чистых флегматиков или меланхоликов — в основном все мы можем обнаружить в себе черты того или иного типа темперамента или, например, в зависимости от уровня усталости или состояния здоровья демонстрируем поведение, соответствующее интроверту или экстраверту, — завершил мысль я.

Только что, на уроке обществоведения в девятом классе мы вспоминали с ребятами о разных вариантах классификаций типов личности, от классического деления по темпераменту до новомодной системно-векторной психологии. Даже про соционику я им рассказал, на свой страх и риск. Понятия не имею, родилось тут сие творение сумрачного прибалтийского гения или нет… В любом случае — ничего не предвещало беды.

А потом Танечка Пегова спросила:

— А вы кто по знаку зодиака, Георгий Серафимович? Это ведь тоже классификация! — и девчонки зашумели, явно проявляя интерес.

Я едва сдержался, чтобы не закатить глаза: ну да, ну да, сейчас они выяснят, Козерог я или Рак, и тут же выведут меня на чистую воду! Такие заходы меня всегда то ли веселили, то ли расстраивали — сложно сказать.

— А ты, Таня, какой зодиак имеешь в виду — тропический или сидерический? — с самым невозмутимым видом спросил я.

— Ну, обычный, где вот Лев, Дева, Рак… — растерялась девочка

— Сколько всего зодиакальных созвездий-то? — уточнил я.

— Двенадцать? — нерешительно проговорила она, понимая, что ступает на зыбкую почву.

— Эх, молодо-зелено… Тринадцать! — отмахнулся я. — Змееносца забыла… Кто хочет десять баллов? Кто может внятно объяснить остальным, что такое зодиак и зодиакальные созвездия, и какое отношение они имеют к формированию личности?

Ребята такого захода не ожидали. Разговаривать на уроке обществоведения про зодиаки и гороскопы? Слыханное ли дело? Да и вообще — не привык народ глубоко копать, ни дети, ни взрослые. Видят — гороскоп: вот мол, у Водолея сегодня отличный день для начала занятия свиноводством, а рыбы должны поберечься, потому что им грозит внезапный приступ родильной горячки. Или там написано у них в этой самой характеристике знаков зодиака, что Овен — упрямец, Близнецы — личность двойственная, а Весы — соответственно — взвешенная. Или как-то по-другому, не важно. В любом случае, это чаще всего куча абстракций в произвольной комбинации, которые так легко подогнать под кого угодно. Почти как в соционике, однако. Но в соционике хоть какая-никакая база есть, а тут…

— Так что — никто? — я обвел взглядом аудиторию. — Открываем тетрадки, записываем…

Вот от этой моей практики — переводить несерьезный треп и шуточки-прибауточки в тяжкую работу — ребятишки все время выпадали в осадок. И никак не могли к ней привыкнуть.

— Ну, Ге-о-о-ргий Серафи-и-и-имович! — завыл класс. — Это же зодиак! Мы что, будем сейчас писать про знаки зодиака? Табличку чертить?

— Это социальный феномен! — погрозил пальцем я. — Который влияет на миллионы и миллионы незрелых умов. А значит — будем с ним разбираться. Мы — в общих чертах, Таня Пегова — подробно. И доклад нам подготовит, и презентацию на следующий урок. И обязательно найдет на небе как можно больше созвездий зодиака и расскажет нам, как их обнаружить… А вы — записывайте. Итак… Зодиак — это пояс на небесной сфере вдоль эклиптики, по которому проходят видимые пути Солнца, Луны и планет. Считается, что зодиакальные созвездия были выделены в особую группу ещё в Древней Греции, во времена Евдокса Книдского. Границы реальных зодиакальных созвездий далеко не соответствуют принятому в астрологии разделению эклиптики на 12 равных частей — то есть знакам зодиака. Соответствия между координатами созвездий и знаками зодиака нет! Также нет соответствия между датами вхождения Солнца в зодиакальные созвездия и соответствующие знаки зодиака. Пределы нахождения Солнца в границах реальных созвездий могут быть от семи дней в Скорпионе до полутора месяцев в созвездии Девы. Соответствие этих показателей было зафиксировано эдак в третьем-втором веке до нашей эры, в эпоху эллинизма…

— А как же тогда гороскопы? — на разные тона стали

удивляться девочки. — Как их высчитывают и составляют, если Телец — никакой не Телец, а Дева — никакая не Дева?

— А вы думаете, их вообще кто-то реально вычисляет? — подал голос Кузьменок. — Высасывают из пальца! Хотите — я вам прямо сейчас такого напредсказываю… Глупости все это и шарлатанство! Ну, вот как может дата рождения на человека повлиять? В июле я родился или в январе — какая вообще разница? Главное — кто родители, какая наследственность и кто тебя воспитывал!

— Не скажи! — парировал я. — Наследственность и воспитание, это, конечно, факторы решающие. Но и дата рождения влияет, и еще как…

Им казалось, что я противоречу сам себе, ведь только что я вроде как критиковал привязку личности к знакам зодиака и показал, что никакого отношения к астрономии нынешние гороскопы не имеют, и тут — однако, здравствуйте! Выдержав драматическую паузу, я продолжил:

— От даты вашего рождения зависит, в каком возрасте вы получите больше витамина Д и больше будете находиться на свежем воздухе, например. В каких условиях вы научитесь ходить — в квартире или на улице. Будут вас прикармливать сезонными фруктами или магазинным пюре из тюбиков. Какая пыльца будет в воздухе, и что будет есть мать, которая кормит вас грудью. Как сильно вас будут кутать и пеленать — в зависимости от погодных условий — и как это скажется на свободе ваших движений… И много всего прочего. Естественно, что условия формирования организма февральского ребенка и, например, июньского будут сильно отличаться! — я выдохнул. — Но это — только один из факторов. Условный апрельский Овен просто генетически может иметь темперамент флегматика или, скажем, сангвиника. Вообще — вспомните все те классификации, о которых мы говорили в начале урока. Какой-нибудь логико-сенсорный экстраверт, или тот самый пресловутый «кожник» могут родиться в любом месяце! И какую из классификаций тогда мы возьмем за основу? Кто тогда наш парень — Стрелец, флегматик, звуковик? А ну, как все эти типажи вступят в противоречие с друг другом?

— Сложно-о-о-о… — протянула Танечка Пегова.

— Сложно, — кивнул я. — Так что — не увлекайтесь. Главное — без фанатизма. Как инструментом для упорядочивания своего понимания жизни и общества — пользуйтесь чем угодно, но не превращайте это в культ. И узнав, что ваш собеседник — Скорпион, ни в коем случае не думайте, что он обязательно вас ужалит!

— Но послушайте, у меня есть подруга, и она Скорпион, и…

— вдруг проснулась Свиридова — пышная девятиклассница на задней парте — очень накрашенная и с длинными ногтями — … Она обязательно своего добьется, она не знает слова «нет» просто, и вообще — пока парень ей полезен, она с ним играет, а потом бросает его, жалит в самое сердце, все как в гороскопе написано!

— Лена-а-а-а… — застонал класс.

Кузьменок и вовсе под парту полез, а Якубовский — тот спрятал лицо в ладонях.

— Что ж, значит, как только я вернусь из Москвы, то по карте звездного неба проверять буду и Пегову, и Свиридову. Готовьтесь, сударыни! — улыбнулся я. — Если хотите — мы сходим в кабинет физики, и я попрошу, чтобы вам дали телескоп — только обязательно пройдите инструктаж, как им пользоваться. Темнеет нынче примерно в полдевятого, если выйдете на речку, подальше от жилья — звезды будет видно очень хорошо. Только не забывайте — по распоряжению главы города несовершеннолетние должны быть дома в десять! Кузьменок, Якубовский — вам задание: если девочки решат смотреть на звезды — с вас полное сопровождение и обеспечение безопасности. Девочки — можете к ним обращаться. Будут вопросы со стороны родителей — мой номер вы знаете, пусть звонят.

Свиридова хлопала глазами, явно не понимая, как это она так круто влетела. А Пегова — та держалась молодцом, у нее даже глаза горели. И ей-то вряд ли нужен был старый школьный телескоп: может, она и незаконнорожденная, но все-таки — Сапега, так что, если понадобиться, ее и в клановую обсерваторию свозят, и в планетарий в Минск, было бы желание.

* * *

— Нет уж, Ингрида Клаусовна, тут вы экскурсией на мини-ТЭЦ не отделаетесь! — я был вне себя, если честно. — Это как минимум участие в посадке леса Вышемирским лесхозом, с сухпайками и транспортом до делянки!

— Гео-о-оргий Серафимович! Ну, не десятый же класс с химии мне забирать! — она всплеснула руками. — Послушайте, ну у вас сейчас обществоведение и география в девятом «бэ», ну сходите вы, поддержите наших! Уездное управление спорта очень просило создать массовость!

У меня аж в груди запекло, если честно. Я, наверное, никогда к этому не привыкну. Какая-то не то эстафета, не то — спартакиада — важнее, чем урок обществоведения и урок географии. И даже такая адекватная директриса, как Гутцайт,

считает мое возмущение по поводу необходимости снимать детей с уроков, чтобы «создать массовость и поболеть за наших» просто блажью. Для нее это — очередная придурь, коих у педагогов — великое множество. Мол, чего это Серафимыч голову дурит? Девятый класс — не выпускной, гуманитарные уроки — не очень-то и важные. Вроде бы неглупый парень, но таких простых вещей не понимает. Ну, пойдут дети, ну, поддержат команду… Чего ерепениться?

— Посадка леса, — сказал я. — В рамках изучения темы «Лесное хозяйство и деревообрабатывающая промышленность». Или дети работают мечниками, и мы садим гектаров пять, или — увольняйте меня к бесам прямо сейчас, ни на какую лапту я детей не поведу.

— Это не лапта! — возмутилась Ингрида Клаусовна. — Вы совсем не разбираетесь в спорте! Вам должно быть стыдно, физическая культура — один из элементов гармоничного…

— Ага, — кивнул я.

Она крепко сжала губы и взяла тайм-аут, потому как поняла, что разговор пошел не в ту степь. Занятия на турниках с ребятами мы продолжали, а в зимнее время — тренировки проводили здесь, в шестой школе в спортивном зале. И директор сама давала мне на это разрешение, и инициация одна, кстати, тоже в спортзале прошла…

— Книффлиг бетругер! — признала она. — И, наверное, с лесхозом уже договорился?

— Неделю назад навел мосты, — признал я. — На всякий случай.

— Все-таки у вас были в роду кхазады, — прищурилась она. — Поднимите родословную, кто-то да найдется.

— Мы договорились?

— Сходите к Верочке, назовите ей дату, — устало махнула рукой директор. — Поедете в свой лес с параллелью девятых классов. Вместо биологии и физкультуры!

Я радостно оскалился: Надеждина меня точно убьет, но к биологии и физкультуре посадка леса имеет куда больше отношения, чем этот их петанк, или бес его знает что, к обществоведению и географии!

* * *

Похоже, спорт и спортсмены в обоих мирах были бесовски похожи друг на друга. И что там, что здесь, я совершенно не понимал командные виды спорта. Я понятия не имел, во что

играют девчата на площадке: нечто среднее между гандболом и баскетболом. Но если абстрагироваться — выглядело это довольно абсурдно.

Двадцать красных и потных девчонок-подростков в форме не по размеру носились по площадке за одним мячом, тренера — две огромные женщины — с кромки поля крыли их благим матом, пытаясь рулить происходящим. Судья свистел, поясняя что-то про «перебег» и «подскок» — я совершенно не знал, что это значит, но игра из-за этих «подскоков» прерывалась довольно часто. Потом — вбрасывание мяча, новая порция беготни и криков — и новый свисток из-за очередного «подскока», «выхода» или — полученного очка. Кажется, побеждали наши — вышемирская команда вроде как вела по счету, но как начисляются очки — оставалось тайной. Публика частью неистовствовала, частью — была занята делами совершенно посторонними, ибо состояла из пригнанных насильно детишек пубертатного возраста.

Меня больше занимало поведение тренеров. Они действительно позволяли себе страшные вещи, за которые любого школьного учителя лишили бы права преподавательской деятельности лет этак на десять, если не больше.

— Что ты, как корова, по полю бегаешь, растопырила ноги! Соберись, Светка, иначе по жопе получишь! — орала толстая женщина из Светлогорска на белесую девчонку лет тринадцати. Если бы она действительно дала Светке по заднице — скорее всего, у Светки случилось бы сотрясение мозга. — Давай, давай, мне нужно, чтобы ты играла как вчера!

— С хера ли ты тупишь, овца? — надрывалась наша, вышемирская тренерша, вызвериваясь на зеленокожую спортсменку, которая стояла и хлопала глазами. — Пас надо давать! Пас! Башкой своей верти, смотри, что на поле происходит!

Нет, я не был совсем уж мальчиком-паинькой и тоже мог рыкнуть на учеников, не без этого. И что такое спортивная злость — прекрасно понимал. Но какую пользу несет для всей мировой цивилизации в целом и для каждой отдельной девчонки в частности это мероприятие? Есть ли в этой беготне польза для детского здоровья — психического и физического? Почему и дети, и их родители считают, что беготня по полю за мячом — достойная расплата за порцию унижений от тренера? Я точно знал — бывают другие виды спорта и другие тренера.

Но безумной популярностью в обоих мирах пользовались именно вот такие вот спортивно-массовые увеселения. С потными людьми, у которых на толпу один мяч, с орущими тренерами и агрессивными фанатами на трибунах. На земле — футбол,

баскетбол, бейсбол… Тут — кила, лапта и вот эти вот бегалки-прыгалки с мячиком. Получается, если целую кучу народа это устраивает, а меня — нет, значит это я — ненормальный. А с ними всё в порядке.

— Соберитесь, соберитесь, растыки! — кричала толстая женщина из Светлогорска. — Отстаем на десять очков! Шевелите булками, клуши!

— ВЫ-ШЕ-МИР! — довольно вяло завели на скамейках для зрителей. — ВЫ-ШЕ-МИР!

Мне захотелось выйти на свежий воздух, но это было исключено: за подростками пятнадцати лет от роду нужен был глаз да глаз! А у меня их тут имелось аж полсотни! Так что — в сторону эмоции и личные спортивные предпочтения. Главное на таком мероприятии что? Правильно — чтобы дети друг друга не поубивали.

Вот этим я и стал заниматься, тем паче — кое-кто уже достал шприц и стал пшикать из него водой на судейскую коллегию, заставляя всю эту братию усомниться в целостности потолочных перекрытий. Что-то модно, что-то вышло из моды, а что-то — вечно!

Глава 18
Акклиматизация

— Я еду с тобой на Педсовет, — сказала Яся, без стука входя в мою квартиру.

Я как раз стоял в одних штанах на кухне и взбивал омлет. Ну, кушать захотелось в полдвенадцатого ночи, ну, с кем не бывает? Вишневецкой я всегда был рад, чего тут скрывать? Красивая, остроумная, пахнет приятно, меня любит — чего ж еще хотеть-то? Нет, хотел-то я многого. Это только в дурацких фильмах говорят, что «мужчины хотят только одного». Настоящие мужчины от женщины хотят всего и побольше, а не чего-то там одного!

— Отличная новость, — откликнулся я с невозмутимым видом. — Омлет будешь?

Вообще-то два часа назад мы с ней говорили по видеосвязи, и она развлекалась в Мозыре. Пила шампанское с подругами, ела шоколадки и танцевала, очень в Ясином духе. И вот такой вот сюрприз: явление княжны Вишневецкой посреди махровой земщины! Каблуки, платье до середины бедра — вязаное, с горлышком, зеленое. Плащ на сгибе руки висит, непослушная прядка на лицо выпала из высокой прически. И смотрит Яся на меня из-под пушистых ресниц. Я от нее с ума схожу, если честно!

— Омлет буду, — она принялась снимать полусапожки. — Ты что, вообще не удивился? И не испугался?

— Нет, ну… Испугался я, пожалуй, только того, что омлета не хватит на двоих. Однако, омлет дело наживное. Сейчас тебе на тарелку выложу со сковородки и себе еще порцию сделаю. Нет проблем! — пожал плечами я. — Так что, это твое волевое решение: вот прямо со мной, на поезде, в Москву?

Ядвига наконец справилась с обувью, блаженно вздохнула и на цыпочках, танцевальной походкой приблизилась ко мне и обняла холодными с улицы руками.

— Ащ! — сказал я.

— Ты такой теплый, — она потерлась щекой о мою голую спину. — Никакая не хладнокровная тварь, даже не притворяйся! Уж я-то тебя знаю. А что касается поездки… Смотри: я тоже препод, у аристократов — квота в двадцать мест на Всероссийский педсовет, но, насколько я знаю — всему высшему обществу пофиг. Грядущее заседание посвящено земскому образованию, школьному и средне-специальному, а оно дворян никогда особенно не волновало. А вот меня — волнует. И я — Вишневецкая. Так что подала запрос, и у меня теперь есть место

на балконе! Там кроме меня всего два человека будет сидеть, из двадцати!

От девушки чуть-чуть пахло шампанским и шоколадом, ее горячее дыхание обжигало мне шею. Больше всего хотелось развернуться, прижать ее к себе — и плевать на ужин, пусть он хоть сгорит!

— На машине мы не поедем, Ясь, — я невозмутимо пошевелил лопаткой омлет в сковородке. — Я поеду поездом. Брест-Москва, отправляется завтра в двадцать часов семнадцать минут. Прибытие — в шесть утра.

Честно говоря, у меня желудок подступал к горлу, когда я думал, что эти семьсот или восемьсот километров проведу в машине, которой рулит Вишневецкая. После такого аттракциона можно было присваивать звание летчика-испытателя, наверняка!

— Да-а-а? А если… — ее пальчики поползли по моему животу.

— Поездом! — решительно заявил я. — Нет задачи привлекать внимание к нашему прибытию. Я и так намереваюсь там два раза сильно пошуметь, на Педсовете этом и еще кое-где… Поэтому хотя бы такая фора, пусть, возможно, и мнимая, будет очень кстати. Сели в поезд, поспали ночь, как люди — приехали в Москву свежие и бодрые! Москва — это такой очень большой, очень богатый, очень интересный и очень контрастный дурдом, так что бодрость нам понадобится… Мне — так точно. Я — существо дремучее, у меня от столиц — мигрень!

— Ладно! — Яся неожиданно легко согласилась. — Давай уже есть!

Девушка чувствовала себя как дома у меня в квартире уже давно. Вот и теперь она достала из буфета над раковиной посуду, расставила ее на столе и уселась на единственный мягкий стул, поджав ноги. Вообще-то я тоже любил этот стул, но для Яси — не жалко. Я и на табуретке посижу.

— Знаешь, Пепеляев, я никогда не ездила на поездах… — призналась она. — В смысле, на обычных поездах! На «Соколе» от Москвы до Ингрии и на монорельсе по юридикам — это да, но вот чтобы этот плацкарт…

— Ну, если ты со мной — то на плацкарте мы не поедем. Будет купе, — решил я. — Для первого раза плацкарт — это может даже и слишком экстремально! Так я заказываю билеты?

Конечно, я выкуплю всю купешку, делать мне больше нечего — терпеть каких-нибудь храпящих тетенек или пьющих дядянек. Аристократ я или нет, в конце концов? Главное, чтобы места были…

— Ага! — она с энтузиазмом принялась за омлет, ловко

орудуя ножом и вилкой. — Это будет приключение. А после мероприятия мы пойдем гулять по Москве! Я отведу тебя в… «Граф Орлов»!

— Он же вроде князь? — удивился я. — Я думал, у них в качестве семейного бизнеса — курьерская служба, а не общепит…

— Орлов-то князь, а ресторан — граф! Там плов подают! — сообщила она мне так, будто речь шла о каком-нибудь фуа-гра или морских гребешках. — Лучший в Москве. Мне один японец про это сказал. Ямато-сан, большой любитель экзотической кухни, торговый представитель дзайбацу «Асано» и вообще — страшный человек!

Я только сейчас понял, что ни разу за всю свою жизнь на Тверди не ел плова. Рис в магазинах на прилавках один раз видал, когда мне баба Тома голубцы готовила… Я и в прошлой-то жизни не особенно любил рис, потому и внимания не обращал. Мне, как истинному бульбашу, больше картошка по душе. А тут — вот вам пожалуйста! Плов — это деликатес, однако!

Ясю разочаровывать не хотелось, однако, вероятность того, что нам удастся красиво потусить в Москве после Всероссийского педсовета была крайне мала. Но как об этом сообщить я, честно говоря, не знал и поэтому взялся готовить еще одну порцию омлета.

— Если мы приедем десятого утром, то я прошвырнусь туда-сюда! — сообщила она. — В Академию заеду, в универ на гидрологию… Машину в аренду возьму, так что всё успею, и к двенадцати на педсовете буду как штык, чес-слово!

Я медленно выдохнул: в Министерство магии, значит, успею сходить без нее. И это было прекрасно. Нечего ей видеть, как большой интеллигент и добрейший человек Георгий Пепеляев головой о стол магических чиновников бьет. Так что я сказал:

— Нет проблем, главное — после мероприятия никуда не убегай. Я собираюсь задать им жару! Прикроешь меня, в случае чего.

— Мгм! — закивала она с набитым ртом.

Наконец и я смог приступить ко второму ужину. Или — к третьему? Вдобавок к омлету имелся отрубной хлеб, тепличные огурчики, помидорки черри и чай — на сей раз травяной. Нечего на ночь «купчики» распивать, вредно оно!

— А утром я в Горынь съезжу, гляну, как оно там, ага? Там гномы вроде из некрополя бункер вовсю строят… Ну, пока ты в школе будешь, как раз обернусь, — то ли спросила, то ли поставила меня перед фактом Яся. — Интересно до ужаса посмотреть на процесс строительства. И к Олеже загляну, они вроде как уже фуры свои к нам перегоняют, гаражи

смонтировали… Развернулись всерьез!

Я с особенным удовольствием отметил для себя это «к нам». А потом мы доели и в четыре руки, толкаясь и посмеиваясь, помыли посуду и пошли чистить зубы. Щетка у нее тут своя тоже имелась.

— Ванная комната без двери — это провокационно, — заявила она. — И вот эти отметины от пуль в стене… Если будут спрашивать, что это такое, говори: арт-объект в стиле «гранж»! Никто точно не знает, что такое «гранж», но в целом, чисто идейно — подходит, чес-слово!

— Ну, пусть будет «гранж», — согласился я. — Пойдем спать?

* * *

Кажется, Яся прониклась железнодорожной романтикой. По крайней мере, я для этого приложил все усилия: идеально застеленные постели, курочка в фольге, чай в стаканах, шоколадные вафельные конфеты и короткие перебежки через рельсы к яркой витрине магазинчика со всякой ненужной, но такой привлекательной всячиной. И, конечно, стремительный рывок обратно к вагону, когда поезд издает пугающее «пш-ш-ш!»,

— Твоя краля? — с явной завистью спросил местный страж порядка, провожая взглядом Ясины ножки, затянутые в спортивные леггинсы. — Где таких находят?

Этот молодой румяный парень явно скучал на перроне, перебрасывался ничего не значащими фразами с проводницами, курил… А тут — такое прекрасное видение в леггинсах и совершенно лишний рыжий поджарый парень следом. Поэтому, с одной стороны, мне захотелось дать ему в морду, а с другой — появилось некое чувство гордости. Моя!

— Ты не поверишь, — я даже притормозил на секунду. — Это она меня нашла. Два раза на обочине, и один раз — посреди реки. Всего хорошего!

И полез в вагон, краем глаза увидев, как молодой милиционер покрутил пальцем у виска. Действительно, звучало, наверное, дико, но уж как есть!

Утром проводник прошел по коридору, стуча в двери:

— Через полчаса — Москва! Москва через полчаса! Просыпаемся!

Безжалостно загорелся свет, я встал рывком, разгоняя дремоту. Вишневецкая эротично потягивалась на соседней полке.

— Гео-р-р-ргий… — промурлыкала она. — Обратно тоже поездом поедем, у меня на тебя есть интересные планы!

— Да? — сразу не понял суть посыла я, а потом тут же согласился: — Да!

— Пойду душ приму, — решительно заявила она, вставая с постели и подхватывая с полочки косметичку. — В Академии я должна блистать!

Я хотел напомнить, что душей в купейных вагонах не водится, а потом закрыл рот, потому что моя невеста — маг воды, и ей душ принять в местном санузле, просто открыв окно и сконденсировав влагу из воздуха — проще простого! Не то, что нам, бедным драконам — зубы вот это чисти, полотенцем вафельным вытирайся…

— ТЫ ПРЕКРАСНО ЗНАЕШЬ, ЧТО МОЖЕШЬ НЕ ЗАНИМАТЬСЯ ПОДОБНОЙ ЧУШЬЮ, — если бы Дракон умел закатывать глаза, он точно сделал бы это. — ВСЕ ЦЕПЛЯЕШЬСЯ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРИВЫЧКИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕ СЛАБОСТИ! НЕ БУДЕТ У ТЕБЯ КАРИЕСА НИ-КОГ-ДА, ЕСЛИ ТЫ САМ ЭТОГО НЕ ЗАХОЧЕШЬ. И ИЗО РТА ТОЛЬКО НАПАЛМОМ ЗАВОНЯТЬ МОЖЕТ, А БОЛЬШЕ НИЧЕМ!

— *Что есть мы, если не наши привычки и не наши слабости?* — философски заметил Гоша.

А я пошел зубы чистить, пастой «Дракоша». Если все равно какой — то пусть будет «Дракоша». Это как минимум прикольно, а еще — на вкус как жвачка!

* * *

Яся чмокнула меня в щечку, сделала ручкой и упорхнула прямо с перрона. Вот ведь! На самом деле: кошка, которая ходит где вздумается и гуляет сама по себе! На сей раз ей на смартфон пришло сообщение, что представители каршеринговой кампании уже пригнали на парковку какой-то особенно мощный суперкар, экспериментальной модели — вот она и не смогла сдержать душевного порыва. В конце концов, могут быть у женщины маленькие слабости или нет? Хочется ей по Садовому кольцу подрифтовать, и кто ей слово против скажет? Штрафов она заплатит сколько угодно, сбить кого-то и врезаться куда-то — это вообще не ее тема…

А я закинул на одно плечо рюкзак, на второе — костюм в чехле и двинул в другую сторону — туда, где виднелась большая буква М, обозначающая вход в метро. Белорусский вокзал в обоих мирах практически не отличался: такой же голубовато-зеленый, с кучей башенок и контрфорсов… Разве что здесь, на Тверди, он был раза в три выше. В Москве имелся свой монорельс — для

избранных. И, очевидно, свои юридики… Я чуть притормозил: наученный горьким опытом Минска, принялся искать ларек или сувенирную лавку, где можно было бы найти карту города вместе со схемой метро и обозначениями районов действия разной юрисдикции. Попасть в лапы какому-нибудь местному высокородному любителю инициаций мне не хотелось!

— Пепеляев? — раздался внезапно мужской голос у меня прямо над ухом. — Муниципальная полиция Московского сервитута. Пройдемте!

— Однако! — я резко развернулся на каблуках. — Это вы мне?

Меня сверлили взглядами три киборга в полицейской форме, с явно видимыми следами аугментации. Хромированные кисти рук у одного или терминатороподобная нижняя челюсть у другого — все это прямо говорило о ветеранском статусе этих мощных мужчин. Вчерашний земский милиционер на перроне рядом с ними вообще не смотрелся сколько-нибудь внушительно и угрожающе.

— Видимо, вам! — у их старшего имелся аугментированный глаз — с красной подсветкой, и, кажется, нечеловеческая грудная клетка. — Унтер-офицер Кабаргин! Пройдемте в ЖОП!

— А? — удивился я.

Мне показалось, что я ослышался.

— Железнодорожный отдел полиции! — рявкнул киборг. — И не делайте резких движений!

Я и не думал делать резкие движения. Я думал о том, что меня все-таки достали! Интересно было только — эти или те? Те или эти? С другой стороны — я в оливе, военных ботинках, с рюкзаком, бородат и хмур. В нашей Москве этого вполне могло хватить, чтобы тебя отвели в… Я понятия не имею, как у нас назывался ЖОП. В Беларуси и в двадцать первом веке продолжала существовать милиция, так что аббревиатуры были совсем другими. Так или иначе — в здешней Москве порядочки, похоже, не слишком отличались от шапочно знакомой мне Белокаменной.

Двери из обычного стеклопакета закрылись за моей спиной, отделяя самое обычное помещение с двумя столами, стульями и парой шкафов от внешнего мира. Сержант Кабаргин остановился посреди комнаты и скомандовал:

— Сайгаков! Садитесь за компьютер, печатайте протокол…

— Что за идиотизм, Панкратыч? Давайте, я напрямую… — возмутился Сайгаков с хромированными руками.

— Мунтжаков, объясни ему, а? — со страдальческим выражением лица попросил киборг Кабаргин. — А вы, Пепеляев, доставайте вещички из рюкзака, будем проводить осмотр. И из

карманов тоже всё…

Мунтжаков в это время что-то злым матерным шепотом объяснял Сайгакову. Я распознал только пару слов про «конченый интерфейс» и «гребаный адаптер». Судя по всему, их модные киборгизированные системы не стыковались со здешним допотопным компом.

— Записуй! — скомандовал Кабаргин. — Задержанный — Пепеляев, Георгий Серафимович, земский мещанин, школьный учитель, нулевка…

Сайгаков застучал железными пальцами по клавиатуре, а я откашлялся:

— Однако, ошибочка вышла… — но вещички из рюкзака доставать не переставал.

Там у меня много всего было. Еда, вода, аптечка, мультитул, пара смен белья, пара книг, пауэрбанк, корзина, картина, картонка и маленькая собачонка. А еще — костюм в чехле, клетчатый. И трость, намертво там же к вешалке приспособленная.

— Какая ошибочка? — спросил Мунтжаков.

— Меня зовут Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, вольный рыцарь, владетель имения Горынь. Ну, и что касается нулевки… Теперь без паники, сейчас будет фокус! — я вдохнул немного воздуха и сказал: — Ху!

В комнате запахло напалмом. А я, не мешкая, достал жалованную грамоту и перстень — из кармана и предъявил всё это полицейским.

— Ять! — сказал Кабаргин, вытирая копоть с лица. — Нас подставили.

— Эт чего — не тот Пепеляев? — удивился Сайгаков. — А как так-то?

— Каком кверху! — гаркнул унтер-офицер. — Видишь — этот дворянин, фамилия у него двойная и огнем пышет! Не бывает таких земских учителей, дурында! Учу вас, учу… Никак вы, ять, не научитесь!

На этом моменте я чуть не засмеялся: голос незабвенного Ведьмака очень явственно прозвучал в моей голове.

— Так что — я прав? Ошибочка? — спросил я, не торопясь, однако, складывать вещи обратно в рюкзак.

— Ошибочка, ваше благородие, — признал Кабаргин. — У нас в ориентировке точно значится: мещанин, нулевка. А что физия на вас похожа — так мало ли в России рыжих?

— Действительно, — я покосился на портрет Государя в углу.

Киборг тоже покосился и зачем-то перекрестился, как на икону. Интересно, а в моем мире бы это сработало? Понятия не

имею, на сколько процентов здешние полицейские — машины, а на сколько — люди. И уж тем более не знаю, какие-такие ветры электронные веют в их головах. Наверное, не имелось у них встроенной системы распознавания лиц типа фейс-айди, или текстовая ориентировка была важнее визуального изображения… А может — никакой ориентировки в природе не существовало, а где-то когда-то прозвучала личная просьбочка, например. И, столкнувшись с некими грозящими проблемами несоответствиями, команда робокопов с оленьими фамилиями решила со мной не связываться?

Так или иначе, Кабаргин сказал:

— Собирайтесь. Вопросов больше не имеем!

— У меня есть вопрос, — решил немного подушнить я. — А где карту Москвы купить, с отмеченными сервитутами-юридиками, не подскажите? И схему метро бы…

— Карту? — они переглянулись. — В смысле — бумажную?

— Ну… Да? — я в упор не понимал, что не так говорю.

— Ой, темнота-а-а-а… — протянул Сайгаков, но после грозного взгляда Кабаргина заткнулся.

А Мунтжаков посоветовал:

— А вы Янгел-карты с расширением «Москва-транспорт» скачайте себе, и там отметьте галочками свои предпочтения по маршруту, делов-то!

Я только кивнул нервно и, собрав вещи, отправился искать метро, на ходу тыкаясь в экран смартфона в поисках нужного приложения. Получалось, честно говоря, не очень. Все-таки я — существо дремучее.

Глава 19
Экзекуция

Москва, как выяснилось, представляла собой слоеный пирог. И если в юридике у Вишневецких таких слоев было два — панский и простолюдинский, то здесь — целых три, а местами даже четыре и пять.

На практике это выглядело следующим образом: всё, что располагалось выше десяти этажей, считалось опричниной. Задрав голову, можно было увидеть шпили из стекла и бетона, ажурные конструкции непонятного назначения, голографические проекции в воздухе и массу летательных аппаратов — от привычных уже конвертопланов до аэротакси и натуральных летающих тарелок. Там же, у опричных небожителей, расцветали висячие сады, порхали искусственно выведенные химерологами и генетиками яркие птицы… Верхняя Москва, Верхний Город представлял собой тот самый чудесный мир будущего, который мы все себе представляли.

На поверхности земли располагалась земщина — Средний Город: привычные панельные многоэтажки, супермаркеты, кафе, конторы, школы и детские садики, скверы и парки, храмы и ночные клубы, полные машин улицы и битком забитые людьми тротуары. От знакомой мне Москвы здесь имелось, пожалуй, только одно существенное отличие: автомобили были электрическими. Ни вони от выхлопных газов, ни гудения двигателей, только шелест шин, гудки сигналов и музыка из по-весеннему открытых окон.

Отдельные участки земли, настоящие усадьбы — обычно на месте исторических особняков и поместий древних аристократических родов — имели статус юридик. Но, в отличие от Минска, юридика здесь заканчивалась оградой. Шикарные резиденции Юсуповых, Морозовых, Урусовых, Трубецких, Гагариных, Орловых, Воронцовых и многих-многих других представителей магического дворянства пытались перещеголять друг друга блеском дворцов и ухоженностью парков. Иногда это смотрелось довольно странно: какой-нибудь задрипанный вещевой рынок, где снага на колоде рубят тушу то ли овечки, то ли собачки, и рядом — золотая ограда, вышколенные дружинники, блеск и роскошь.

На всё это я глянул буквально краем глаза и гораздо в большей степени — ознакомился теоретически, на экране смартфона. А на практике, своими ногами, я путешествовал в

основном по Нижнему Городу или Московскому Сервитуту. Огромная, разветвленная система подземных коммуникаций, включая метро, торговые центры, паркинги, жилые комплексы кхазадов, снага и гоблинов (и некоторых людей — тоже) — всё это существовало по правилам, отличным от принятых наверху. Здесь жил и работал свирепый и конкретный народ, привычный к постоянным схваткам с Хтонью!

Аномалии тут были явлением привычным, местами даже родным, прижившимся. Например — Призрачный Вокзал между Курской и Михалинской или Темные Пассажиры на Чертановской. К этому все привыкли и угрозой особенной не считали. А вот периодические нашествия Резиновых Людей, Огненных Червей, мутировавших крыс и прочих неприятных персонажей — это было бедой реальной, так что местные всегда были готовы к бою, часто — носили элементы брони и качественное холодное оружие или военные артефакты. Огнестрел тут был не в чести: в скученности и ограниченном пространстве подземки лупить длинными очередями из автомата — идея не самая адекватная.

До двенадцати ноль-ноль я должен был успеть посетить два места: любой строительный магазин и, конечно, Министерство Магии, то есть — Чародейский Приказ. Располагалось интересующее меня здание на Кудринской площади и выглядело… Да как сталинская высотка оно выглядело, только вместо тоталитарного ар-деко было выполнено в псевдорусском стиле. Ага, красного цвета, с башенками, плинфой и цветными крышами а-ля Кремль, храм Василия Блаженного и Спаса-на-Крови. Тут, в этой Москве, вообще любили псевдорусский стиль, его было много и густо. И все двадцать высоток, выстроенных в период бурного капиталистического роста экономики, который последовал после выхода из кризиса Восстания Пустоцветов, тоже представляли собой эдакое современное продолжение и расширение кремлевской эстетики.

Зачем мне было в строительный магазин? Когда-то давно мне рассказали способ, как пройти куда угодно. И, добавив к этому свои способности нулевки (точнее, отсутствие способностей), я намеревался пройти в святая святых магической бюрократии. Потому что если не я, то кто?

Рядом со мной в вагоне метро тряслась бригада кхазадов — в красных спецовках, оранжевых светоотражающих жилетах и оранжевых же касках.

— Хуеморген, — вежливо поздоровался я. — Господа, подскажите, где я могу найти строительный магазин?

— И вам здра-а-а-асте… — глянули на меня гномы. — А вам

чего надо? Магазинов и магазинчиков полно, но у каждого — своя специфика…

— А мне нужно вот… — я оглядел их. — Вот одежда для малярных работ на высоте, скажем. В районе метро Пресненская.

— Включи передачу данных, щас я тебе снимок экрана сброшу с отметкой, — прогудел самый молодой из них. — Там для кхазадов в основном товар, но и по твоему запросу найдется.

И показал мне фото вывески магазина, с названием. «Arbeitskleidung von Johann Rosenblum» — чего тут непонятного?

Я очень надеялся, что не заблужусь в том жутком лабиринте, куда направили меня попутчики. Станцию «Краснопресненская» я помнил — как-то в Москве специально посвятил день метрополитену — катался, выходил на станциях, осматривался. Был в моей жизни период увлечения очень занимательной книженцией — «Метро» одного маститого автора, которого даже обзывали «рок-звездой среди писателей» — вот под этим вот влиянием я и устроил себе такой подземный променад.

— *Променад, Гос-с-споди!* — вздохнул Гоша. — *Стошло только перед полицейскими дворянином назваться, и вот оно, полезло из тебя… Скоро пенсне купишь и в конце каждого слова «-с» добавлять начнешь!*

— ИДИОТ-С! — охотно подхватил буллинг меня, любимого, Пепел. — НО ВИЗИТ В ЧАРОДЕЙСКИЙ ПРИКАЗ МЫ ВСЕЦЕЛО ОДОБРЯМ-С!

* * *

Фокус с проникновением на практически любой объект мне показал как-то товарищ, еще в той, прошлой жизни. Он прочел его в какой-то книжке не то про ротмистра, не то — про поручика, который наводил шорох в Южной Африке во время англо-бурской войны. В общем, если два человека в рабочей одежде с лестницей в руках куда-то идут с решительным видом — никто и не подумает их останавливать.

Конечно, я был один, и таскать с собой лестницу по Москве — не лучшая идея. Да и Чародейский приказ наверняка был напичкан самыми мощными системами магической безопасности, которые, как говорят, сканировали эфир во всех частотах, в том числе — даже на предмет агрессивных намерений. Но! Меня-то просканировать они не могли! Никогда не поверю, что какой-нибудь стационарный менталистский артефакт сможет пробить мою «нулевошность» эффективнее, чем царевич Феодор Иоаннович! А ведь и тот слишком глубоко не полез, хотя

наверняка мог…

Так что единственное, что мне грозило — это визуальное обнаружение и самое банальное хватание за руки. И вот тут строительная спецовка, каска и солидный набор инструментов должны были мне пригодиться. Конечно, будь я на Земле — и в страшном сне бы мне присниться не могло, что я переодеваюсь в красный комбез и кислотно-желтый жилет, надеваю оранжевую каску и шагаю в сторону, например, Министерства энергетики, чтобы постучать головой о стол тамошнего начальника какого-нибудь отдела или и того больше — цельного замминистра. Но на Земле почти не было магии, и совершенно точно не существовало самонадеянности, порождаемой магией. Наша земная самонадеянность чаще всего оказывалась связана с большими деньгами, связями или технологическими средствами контроля и наблюдения.

И, главное — на Земле я не был драконом. Само понимание, что в случае чего я могу обернуться в самое страшное существо в мире и выжечь изнутри всю эту кремлеподобную высотку до того, как меня прикончат, придавала некоторой лихости и задора.

Костюм и багаж я оставил в камере хранения на вокзале, оливу на спецовку и каску поменял в кабинке платного туалета. Рыжую бороду с помощью драконских способностей втянул внутрь, на глаза нацепил защитные очки желтого цвета — мир тут же стал теплый и дружелюбный на вид, а черты моего лица исказились. Закинув на плечо сумку с инструментами и материалами самого серьезного вида — типа уровня, огромных клещей, мотка кабеля, киянки и прочего всякого — я двинул прямо к зданию Чародейского приказа.

Вокруг него совершал обход патруль опричников: ногами брусчатку меряла пара утомленных солнцем мужчин без брони, в обычной черной форме с собачьими головами и метлами на рукавах. Их явно разморило на весеннем солнышке, гораздо более, чем за безопасностью, они следили за ножками и попками девчат, которые в связи с наступившими теплыми деньками одевались куда как легко по сравнению с зимой, и для любого нормального мужика это всегда срабатывало как мощный удар под дых.

— Доброго дня! — я шел к опричникам открыто, даже руку протянул в приветствии. — Господа, а где тут пожарная лестница? Палыч каких-то ЦУ надавал, замок, говорит, поменять надо, клинить стал…

— Замок на пожарной лестнице? — они переглянулись, пытаясь понять, чего же хочет от них этот одинокий рабочий. — Слушай, ну это тебе стремянка нужна, там на высоте примерно

второго этажа ступеньки заканчиваются… А какой замок?

— Да я понятия не имею, Палычу какая-то баба из хозчасти мозг прополоскала, поменяй да поменяй… Он меня и отправил посмотреть, — я похлопал себя по сумке с торчащими инструментами.

— Владимировна, наверное, — вздохнул старший. — Такая душная, аж бесит! А Палыч — это который на гаражах, или который из сектора охраны?

Тут я почуял подвох — и не повелся. Наверняка не было ни там, ни там никакого Палыча! Так что выдал нечто максимально общее:

— Не, мы из спецстроя, по договору подряда… Так что, мне теперь за стремянкой идти? Елки-моталки… А где хоть лестница-то эта пожарная? Пойду, посмотрю фронт работы. А потом буду нашим звонить, пусть подвозят…

— «Парикмахерскую на Кудринке» знаешь? Которая на Большом Конюшковском? Вот на нее ориентируйся… Там у министерского здания такая… Ну, крыло, приступочка, как тебе объяснить? Выступ! Вот под мужиком каменным, который на самом углу крыши сидит — вот под ним лестница свисает. Там и заехать грузовиком можно, в принципе… — почесал затылок младший опричник. — А зовут тебя как?

— Кабаргин моя фамилия! — широко улыбнулся я. — Спасибо большое и сердечное! Я-то сам в Москве недавно, но сразу понял — окромя опричников, кхазадов и гоблинов тут толковых людей нет, и обратиться больше не к кому!

— Иди уже, работя-я-яга! — отмахнулись они и пошли делать обход дальше.

Найти мускулистого каменного мужика на углу этой самой пристройки и лестницу под мужиком оказалось довольно просто. Проблема подкралась внезапно: я представлял себе что-то вроде лестницы в фильме «Брат-2», по которой он шел выбивать гонорар неблагодарного хоккеиста у нечистого на руку менеджера, но все оказалось гораздо более печально… «Я узнал, что у меня есть огромная семья» тут мне помочь не могла. Тут имелась обычная железная висячая лестница с перекладинами! И ладно бы только тут! До двадцать третьего этажа, где заседал нужный мне стольник Виноградов, чьи координаты мне сообщил Павел Сапега, я мог добраться только и исключительно по такой же самой страшной конструкции.

— Однако! — только и смог сказать я.

Но — делать было нечего. Поудобнее пристроив на спине сумку с инструментом, я напружинил ноги — и прыгнул, уцепившись руками за последнюю перекладину. Ну да, без

дракона на такую высоту не взлетишь, так что я мигом подтянулся, сделал выход силой, в два счета забрался на крышу пристройки и спрятался за статуей мускулистого мужика, приводя дыхание в порядок и возвращая себе состояние нулевки.

Топот тяжелых ботинок опричников стал доказательством моих опасений.

— И какого хрена датчик сработал? — удивился старший, оглядываясь. — Какая, к черту, хтонь на поверхности?

— Да вот смотри, и у меня показал, — продемонстрировал какую-то приблуду на запястье младший. — А теперь — не показывает… Нуль! Чисто, аки в храме Божьем.

— Не упоминай имя Господа всуе! — погрозил пальцем старший. — Давай, отправь показания в Центр, пусть разбираются, крыса из Нижнего города по канализации поднялась или еще какая зараза. Сейчас-то — все тихо? Тихо! Вот и ладненько. А работяга этот где?

Они принялись оглядываться. Младший пожал плечами:

— Понаедут из земщины… Какой замок? Какой Палыч? Наверное, поглядел, что никакого замка тут нет — и свалил. Тоже доложить?

— Давай через часок. А то и рабочий, и хтонь — это уже чересчур. Помнишь, что господин штабс-капитан про мальчика, который кричал «Волки!» рассказывает постоянно? Во-о-от!

И они удалились дальше, бдительно разглядывая ножки и попки весенних москвичек. А я, честно говоря, перекрестился. Потому что в мою пользу сыграло бешеное везение и их безалаберность, и моя тройственная натура, и вообще… Если бы меня поймали тут, на крыше, и банально посадили в тюрьму за нарушение периметра режимного объекта — это было бы весьма кретинское завершение всей этой истории. А так — я имел прекрасную возможность размазать себя тонким слоем по очень-очень длинной металлической лестнице, которая вела на вершину Министерства магии.

Но никакой нужды лезть на вершину высотки не имелось! Мне нужно было на двадцать третий этаж! И без всякого дракона, что характерно. Предстояло сделать это как самому обычному человеку, если я не хотел, чтобы сработали все страшные-чародейские системы безопасности, которые срисовали даже один-единственный нечеловеческий прыжок! Так что я порадовался своей предусмотрительности и крепким сварочным перчаткам на руках, короткой перебежкой преодолел крышу пристройки, взялся за перекладину пожарной лестницы и полез наверх, размеренно дыша и бормоча под нос, конечно, Сергея нашего Есенина…

— Любовь Столица, Любовь Столица,
О ком я думал, о ком гадал.
Она как демон, она как львица,—
Но лик невинен и зорьно ал…

Может, на Арбат сходить после всего этого, поклониться памятнику Сергея Александровича? Должен ведь там стоять памятник Есенину? Не может не стоять!

* * *

Когда я ввалился в окно двадцать третьего этажа, то оказался в какой-то каморке, забитой картонными коробками с бумагами. Мне казалось, что на руках я уже натер мозоли, несмотря на перчатки, в глазах двоилось, легкие горели, от холода зуб на зуб не попадал, а ноги попросту отваливались. Каким идиотом нужно быть, чтобы рассчитывать на то, что я успею на Всероссийский педсовет после такого вояжа?

— УСПЕЕШЬ, — приободрил меня Пепел. — ГЛАВНОЕ ИЗ ОПРИЧНИНЫ СВАЛИТЬ — И ПОДЛЕЧИШЬСЯ. И ТАКСИ ВЫЗОВЕШЬ…

— *Такси можно и с крыши вызвать,* - вдруг подал голос Гоша. — *Опричное, летающее. Добросит до Белорусского вокзала.*

— Мы с вами — отличная команда! — признал я, закрывая за собой окно и пытаясь отдышаться. — Пойдемте искать кабинет 23–15 и бить замминистра магии, сиречь — дьяка Чародейского приказа Виноградова головой о стол!

— МЕСТО, КУДА ПРИВОДЯТ МЕЧТЫ — КАБИНЕТ 23–15 ЧАРОДЕЙСКОГО ПРИКАЗА! — пафосно провозгласил в моей голове дракон, и я подумал, что это мог сказать и я, и Гоша с одинаковой вероятностью.

Честно говоря, Министерство Магии меня разочаровало. По крайней мере — двадцать третий его этаж точно! Никаких телепортов в каминах, никаких волшебных примочек… Просто — длиннющий коридор с кабинетами, на дверях которых — таблички. Вообще ничего интересного! Ну да, ремонтик приличный, ручки золоченые, девочки с папочками носятся туда-сюда симпатичные, дядечки в дорогих костюмах… И никто из них меня не замечает, точнее — замечают, но спецовку и каску, а не меня. Магию я тут увидел только один раз: в холле какой-то моложавый господинчик в очках с золотой оправой явно чародейским образом вывел на стену проекцию графиков и вещал что-то своим коллегам:

— Заметьте, именно первый порядок идет по экспоненте, со

вторым порядком мы такой закономерности не увидели! Вообще никаких подвижек, даже на территориях, которые идут по экспериментальной программе. После обеда у нас планерка, Виноградов будет докладываться по этому региону, он у нас курирует…

Внутри меня все закипело, и я пошел мимо. Графики! Циферки! Экспоненты! Эксперименты! Планерки! Какое скотство! Дети наркотиками травятся, мальчики на потеху публике в кровь дерутся, девочки чуть ли не заграничными проститутками становятся — а у них графики!

Я очень аккуратно, но без стука вошел в кабинет 23 – 15.

— Это двадцать три — пятнадцать? Виноградов Кирилл Платонович? Я из хозчасти, Владимировна сказала, у вас окно на проветривание не открывается! — так же осторожно и тихо я закрыл за собой дверь на замок.

— А? Что? — хозяин кабинета поднял глаза от стопки бумаг. — Да-да, я Кирилл Платонович.

Кириллу Платоновичу было лет пятьдесят, он имел брюшко, брыли, большие залысины и золотые запонки. В общем-то походил как раз на замминистра, а не на дьяка. С другой стороны — замминистру, наверное, полагалась секретарша. Но дьяку, пожалуй, полагался кафтан с «разговорами», борода и высокая шапка! В общем — сплошной разрыв шаблона.

— Окошечко я посмотрю? — спросил я.

— Да-да, смотрите, только скоренько, скоренько, милейший, у меня планерка, надо готовиться! — он заерзал на стуле, подвигаясь и давая мне место пройти к окну.

Беглого взгляда на бумаги на столе хватило, чтобы понять — речь пойдет именно о моем Вышемире. Я даже дату последней инициации первого порядка увидал — 9 мая — и сильно удивился. Девятое мая — это ведь вчера! Что там такое у них случилось? Но на самом деле это было вторично, это могло подождать, ведь в данную секунду я хотел оторвать хозяину кабинета туловище, если честно. Мне невыносимо хотелось провернуть такой куншток, но…

— *Куншток, серьезно?* - Гоша — этот глас интеллигентности в моей голове, привел меня в чувство.

Так что я не стал отрывать Виноградову туловище. Я снял с головы каску и изо всех сил врезал этой оранжевой пластмассиной Кириллу Платоновичу по залысинам:

— ДАЦ!

А потом ухватил его за затылок рукой в сварочной перчатке и приложил физиономией о бумаги:

— ДАЦ! ДАЦ! — я в два счета открыл окно, в кабинет

ворвался свежий ветер высоты и показались облака.

Окровавленные документы закружились по помещению.

— Даже не смейте применять свои жалкие способности, Виноградов, — сказал я. — В этом случае я откушу вам всю голову, оторву туловище и выброшу все это в окно. Я и так скорее всего выброшу вас в окно, но, возможно, почти целым. Тогда у вас останется ускользающе малый шанс спасти свою жалкую и никчемную жизнь. Молча-а-ать! Я не менталист, но прекрасно могу прочесть ваши мысли. Вы думаете: что это за мракобес в строительной спецовке вломился сюда, как он это сделал и почему ударил вас строительной каской по затылку, а потом физиономией — по документам? Документов, вам, наверное, особенно жаль, Виноградов. Молча-а-ать, иначе я засуну эти бесовы таблички и графики вам в одно ухо, а потом достану из другого! Поясняю по всем пунктам сразу. Я — ваши дерьмовые галочки из отчетов. Я — оживший график роста инициаций. Я — причина сегодняшней планерки. Я все голову ломал, за каким бесом тут оказался, о каком балансе идет речь, какого-такого злодея я должен одолеть… Понимаете, Виноградов… А ну-ка тихо!

Он потянулся к своему телефону, так что мне пришлось ухватить его за шкирки и за ремень, подтащить к окну и, по классике жанра, высунуть наружу по самые щиколотки. Виноградов висел вниз головой, пучил глаза и задыхался от страха — еще бы! Его бренное тело свисало над Москвой, кровь с разбитого лица капала вниз, с высоты двадцать третьего этажа…

— Так вот, Кирилл Платонович… Вы, может, и неплохой человек, однако — редкостный говнюк. Вы и есть тот самый черный властелин, которого я должен победить, представляете! И никто, кроме меня, этого сделать не может! Понадобилась бесова уйма нелепиц, везения, странных стечений обстоятельств и совпадений многих факторов, чтобы я оказался здесь. Это просто фантастика, вы не поверите… Ваши дерьмовые графики! Рост инициаций по экспоненте! Ради этого вы выпустили джинна из бутылки своим бездействием. Вы подарили чувство безнаказанности магнатам, тормозили все жалобы и обращения по поводу роста преступности и проблем в коммунальной сфере. Вам плевать было даже на наркотики, подпольные бои и прочие откровенные мерзости. Вы даже не задумывались об этом, когда подписывали очередной документ!- я понимал, что все это больше похоже на истерику беременной гимназистки, а не на грамотную воспитательную работу, но ничего с собой поделать не мог. — Вам и в голову не могло прийти, что все эти инициации в каком-то задрипанном городишке происходят совсем не из-за

того, что вы приподзакрыли глаза на кучу гадостей и спровоцировали настоящий социальный кризис в отдельно взятом уезде! Объясняю на пальцах: дело не в вас и не в том ужасе, что вы устроили…

Вдруг подал голос мой телефон, так что я аж вздрогнул, и Виноградов вздрогнул, потому что я его чуть не выпустил. Пришлось втягивать его внутрь, повалить спиной на стол и держать за горло одной рукой, чтоб не мешал, и только после этого отвечать на телефонный звонок:

— Да-да, Ингрида Клаусовна! Да-да, я в Москве, добрался, все нормально, общаюсь вот сейчас с человеком, которого очень давно хотел повидать… В каком смысле — ночью инициация? — вот тут меня накрыло всерьез. — Как — Пегова? Подождите… Метеориты? Звезды с неба? Э-э-э-э… Нет, мы с зодиаком разбирались! Я из кабинета физики телескоп… Да куплю я телескоп, а Таня как? Что с ней? Никто не пострадал? Ну, вскипело озеро и вскипело, в конце концов! Озеро тоже в целом пустяки, дело житейское… У меня знакомая есть — гидромант высочайшего уровня, восстановим мы озеро! Главное — с детками порядок? Ну, Ингрида Клаусовна! Ну, я не специально, оно само!

Виноградов в этот момент начал сучить ногами: похоже, я слишком сильно его придушил. Гутцайт продолжала материть меня на шпракхе, но потом успокоилась и отключилась.

— Картина маслом! — я убрал руку от его горла. — А я вот удивлялся, что за девятое мая у вас в документах… А это моя Танечка Пегова! Она, оказывается, задание очень серьезно восприняла…

— К-к-к-к-какое… — он пытался спросить, но не мог.

— Какое задание? Домашнее задание, по обществоведению… Я учитель, однако. Школьный. Все ваши драгоценные инициации произошли только и исключительно среди учеников средней школы номер шесть города Вышемира. Там, где я работаю. Но вам ведь на это насрать, да? На школу, на детей, на учителей, на весь город! Главное, чтобы график этот бесов, по экспоненте чтоб! — я почувствовал, как у меня лицо перекосило. — Знаете, меня порой жутко раздражает моя мягкотелость. Просто за тех коммунальщиков, за пацанов из клуба «Рассвет», за девчонок из модельного агентства, за Шутова, за Сивуху, за швею из Дома Быта и за жителей пятиэтажек на Военном городке, у которых из-за вас яма с говнищем глубиной в семнадцать метров образовалась… Я ведь сожрать вас должен. Или за ноги из окна выбросить. А не могу… Вшивый интеллигент, вот я кто! Я всегда думаю о последствиях, вот какая заковыка… А еще — я историк, и в принципе могу поверить, что вы действовали, исходя из

своего понимания общего блага. Вполне себе представляю, что инициации любой ценой — это именно тот путь служения богохранимому отечеству, который вы для себя избрали. Может быть, вы даже патриот. Может быть, вы даже правы — на макроуровне…

— Но я… — он пытался отползти.

— Но вы не доводили директоров Управления благоустройства до самоубийства? Вы не продавали наркотики в туалете Дома культуры, не выпускали психов на улицы и не устраивали подтопление на улице Залинейной? Так и я Танечку Пегову за ручку не водил звезды считать! Однако и вы, и я самым непосредственным образом причастны к последствиям наших действий… В своем высоком здании, в своей Москве, в своем Министерства магии вы и подумать не могли о том, что ваши циферки и графики могут ожить, прийти к вам в кабинет и оказаться самым страшным чудовищем в мире, да? Не чудовище? О-о-о, знаете, что? У меня отличная идея! Город Вышемир, улица Мира, дом три, второй подъезд, четвертый этаж. Однокомнатная квартира — моя, дверь сразу напротив лестницы, не ошибетесь. Приезжайте сами, берите с собой друзей и знакомых, больших и страшных, самых мощных, которых только найдете… Но перед этим — напишите запрос на имя заместителя главы Сыскного приказа Ивана Риковича или — командира Кавказского опричного полка светлейшего князя Георгия Воронцова, или даже самого цесаревича Феодора Иоанновича с просьбой разъяснить: кто такой есть Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, и что он с вами сделает, если увидит второй раз… Можете даже нашу первую встречу в красках расписать, однако!

Я ударил его каской по лицу — на прощанье, а потом запрыгнул на подоконник, открыл окно нараспашку:

— Вы сами запомните и коллегам своим передайте: радуясь красивым циферкам и гладким отчетам, держите в уме, что в один прекрасный день к вам в окошко на огонек может постучаться дракон. И вы понятия иметь не будете, какой забытый Богом уголок земщины окажется его пещерой с сокровищами…

И шагнул вперед и вниз, навстречу ветру. К бесам такси!

* * *

Глава 20
Педсовет

«PRIMULA-HOLL» — вот что было написано над входом в гигантскую конструкцию из стекла, стали, бетона и голографических экранов. Честно говоря, я думал, что этот концертно-развлекательно-выставочный комплекс будет гораздо меньше! Да и вообще — могли бы педагогам выделить какой-нибудь ДК железнодорожников местного пошиба. А тут — просто Звезда Смерти и стадион Лужники под одной крышей! Честно говоря, название, явно отсылающее к весеннему цветку-первоцвету, резануло глаз, хотя и подснежник был совсем другой, и мир — тоже…

Все это великолепие сияло на весеннем солнце, внушая то, что должно было внушать. Наверное — уважение к гению архитекторов, удивление бездонности московского бюджета и тяжкий вздох после того, как число ступеней до входа было примерно прикинуто.

Ступени — белые, широкие — предназначались для плебеев. Элита подъезжала и подлетала на подземную парковку и на крышу. А мы — пешочком. Ничего не отвалится!

Я поднимался с чувством собственного достоинства. Походка энергичная, но без спешки, из одежды — тот самый, первый, клетчатый костюм из Дома Быта. Замечательные кожаные ботинки, в которых нога чувствовала себя как на диване, трость с заключенным внутри копьем Убийцы Драконов, горящий золотом перстень, аккуратно причесанные борода и волосы и максимально вежливая улыбка на лице. Кто-то бил каской и вывешивал за ноги замминистра магии с двадцать третьего этажа? Посмотрите в мои интеллигентские глаза и повторите это еще раз!

Ровно тридцать пять минут прошло с моего визита к Виноградову, и пока что мой смартфон не разрывался, а местная полиция, милиция и опричные штурмовики не бежали с автоматами наперевес, желая заковать некоего провинциального учителя в кандалы, а потом кандалы тоже заковать в кандалы — на всякий случай. Все было тихо, спокойно. До педсовета оставалось двадцать пять минут, и, наверняка, организаторы могли скоро начать.

На входе столпилась небольшая группка посетителей — и это казалось нормальным. Досмотр — дело привычное, небось, и рамки с детекторами металла, взрывчатых веществ, артефактов и вообще — магических эманаций тут присутствовали. И

опричники тоже — в полной боевой амуниции, в этих своих космодесантских черных скафандрах. Служивые тут дежурили из самого Кавказского полка! Если я что-нибудь и понимал в высоких раскладах, то Кавказский полк означал скорее всего Воронцова и — весьма вероятно — Феодора Иоанновича! Неужели царевич почтит своим присутствием работников ножа и топора… Сиречь — указки и мела?

— Здра-а-асте! — выпучил на меня глаза Петенька Розен. — А вы тут, Георгий Серафимович? И мы — тут!

Его усы, кажется, готовы были закрутиться, как у Рокфора из «Чип и Дейл», но магические способности молодого опричника такого спецэффекта не предполагали, так что ему оставалось только сверкать очами и скалить зубы. А потом к нему подошла очень красивая блондинка в милитари-комбезе с нашивками военного мага и спросила:

— А это тот Георгий Серафимович, из-за которого его высочество изволил хохотать, как припадошный, полчаса назад? Или какой-то другой?

— Роксана-а-а… — взгляд Розена, брошенный на волшебницу, обещал ей серьезные проблемы.

Но поздно! Вся толпа педагогов мигом повернулась в ее сторону, навострив уши. Присутствие на мероприятии кого-то из Грозных мигом поднимало статус всей этой фантасмагории до космических высот! Честно говоря, я всегда удивлялся, когда земные вышемирские бабушки рассказывали, как плакали, узнав о смерти Сталина. Но тут, в Государстве Российском, именно Грозные — отец и сыновья — были фигурами такого плана. Номер один. Суперстар. Идолы. Кумиры миллионов. Каждую их фразу разбирали по косточкам, все их визиты — даже прогулка по берегу реки или выпитый кофе — имели политическое значение. У каждого царевича имелся свой многомиллионный фан-клуб! Нечто похожее наблюдалось в нашей Великобритании, где королевская семья тоже постоянно жила под прицелами фотокамер, но здесь, в твердянской России, культ династии — неофициальный, но тщательно поощряемый — процветал, и народ действительно был готов жизнь свою положить, реализуя Слово и Дело Государево. Независимо от социального происхождения и финансового положения! Не бессмертный Бог-Император, конечно, но…

— Значит, смеялся? — спросил я, выкладывая на столик у рамки с детекторами трость и содержимое карманов. — И меня поминал?

— Именно так. Обещался прибыть! — кивнул Розен. А потом увидел трость и закатил глаза: — Да заберите уже это!

Проходите, проходите, толку-то вас обыскивать, Георгий Серафимович…

Приятно иметь дело со знающим человеком. Действительно — какое-такое оружие у дракона можно отнять, чтобы обезопасить окружающих? В общем, я прошел внутрь и оказался в вестибюле. Блеск ламп, белизна стен, какие-то колонны с зеркалами, легкая позолота и бес знает, что еще окружали меня. Я бывал в подобных комплексах — «Дворец Республики», «Минск Арена» — тоже достойные площадки для мероприятий, так что бродить туда-сюда, вращая головой, аки провинциал из анекдотов, не стал. Мне нужно было отметить командировку! И столики с регистраторшами размещались как раз возле гардероба.

— Пепеляев, Георгий Серафимович, сударыня… Из Великого Княжества Белорусского, Вышемир. Командировочку отметьте?

Изящная сударыня в белой блузке и юбке-карандаш сверкнула на меня очками и принялась рыться в списках, а потом аж руками всплеснула:

— Так вы ж выступаете! Вам на первый ряд! И вы должны текст модератору показать! Давайте сюда скорее ваши документы, а я позвоню Генриху Вильгельмовичу, он вашу речь просмотрит! — всполошилась она.

И принялась звонить неведомому модератору, по всей видимости — кхазаду. Мне было очень интересно, чем все это закончится, но главное — главное я сделал. Штампики в командировочное удостоверение получил! В принципе, можно было и назад ехать…

— Кто этот опаздывающий, кто? — бежал навстречу мне чернобородый гном в мешковатом костюме. — Давайте сюда ваше выступление. Я просмотрю.

— Не получится, — пожал плечами я.

— Это как это? — удивился он. — А ну — давайте сюда бумажку! Я из приказа Тайных Дел!

И сунул мне в лицо какое-то страшное удостоверение.

— А я — из шестой школы, — я сунул ему в лицо командировочное удостоверения. — За каким бесом мне бумажка? Думаете, если я пять уроков провожу, ни разу не заглядывая в учебник, мне для десятиминутного выступления понадобится шпаргалка?

— Уф! — сказал он. — В зале будет Феодор Иоаннович! Как вы себе это представляете?

— Отлично представляю, — кивнул я, а потом предложил: — А давайте, я не буду выступать? Посижу, поулыбаюсь, руки поподнимаю в нужное время. Педсовет же! Я даже к открытому

микрофону могу не выходить, думаю, тут у вас есть ответственные товарищи… Простите — благонадежные судари и сударыни, с заготовленными вопросами!

— Уф! — снова сказал гном. — Не можно не выступать! Протокол! Но только посмейте отчебучить что-то крамольное! В Урянхай отправим, тамошних снага трезвости учить!

— Всегда пожалуйста, — кивнул я. — Везде — детки, всем нужно внимание.

— Поговори у меня! За мной, шире шаг, ваше место — под самой сценой!

— … ВОЗЛЕ ПАРАШИ! — заржал дракон.

— *Я бы съездил в Урянхай…* — задумался Гоша.

А я пытался вспомнить: Урянхай — это Тыва или Бурятия? Наверное, все-таки Тыва.

* * *

Меня посадили на первый ряд, правда — с краешку. И это было хорошо, я любил сидеть с краешку: к выходу ближе! И мимо людей не нужно идти, что тоже немаловажно. Но у организаторов мероприятия имелись, конечно, свои резоны: по центру сидели первые лица Земского Просвещения, какие-то медийные личности, учителя года Государства Российского, важные светила от педагогики и прочие лучшие люди. Рядом со мной расположилась женщина лет шестидесяти — с огромной прической.

Никогда не понимал, зачем женщины делают себе огромные прически для торжественных случаев… Но им мое понимание было не нужно, у таких женщин свое представление о прекрасном и своя иерархия. У кого прическа больше — та и есть альфа-самка. Или вроде того.

Обстановочка тут была приличная, внушительная, что и говорить. Зеленые бархатные стулья, сцена с кучей огромных экранов, на потолке — космические переливы и звездные потоки. Музыка из тысячи динамиков, развешанных по всему залу, звучит как будто прямо в голове… Головой, кстати, я постоянно вертел — пытался высмотреть Ясю на балконе. Получалось не очень: скорее всего, имела место магическая маскировка, чтобы они нас видели, а мы их — нет. Если царевич здесь — оно и понятно.

По регламенту я должен был выступать чуть ли не в конце, в блоке для молодежи — после того, как, перемежаясь номерами концертной программы и награждениями, выскажутся корифеи. «Пути повышения престижа профессии школьного учителя» — вот

что они мне обозначили в качестве темы. Мне, и еще десятку педагогов, похоже. Поэтому я и не стал планировать речь заранее — какой смысл повторяться и бормотать общие слова в духе «присоединяюсь ко всему вышесказанному»? Так что я достал блокнотик и карандаш из внутреннего кармана пиджака и приготовился записывать основные тезисы: хорошие и плохие, всякие… Ну, и смотрел концертные номера, не без этого.

Кстати, концерт был хороший. Академический ансамбль танца Государства Российского выдал попурри из народных плясок всех племен и национальностей богохранимого отчества: от «Яблочка» и лезгинки до лаэгримского «Танца дождя» и даже уручьего женского перепляса с кардами. Несколько приятного вида девушек — вроде как здешних поп-звезд- исполнили какие-то тягучие проникновенные песни, до которых я никогда не был большим охотником.

Между концертными номерами за кафедру выходили люди и не-люди тоже. Честно говоря, у меня в голове путались их титулы и звания: лауреаты, номинанты, заслуженные, почетные, невероятные и и-де-аль-ны-е — они все были хороши, я уверен. Честно — вряд ли тут на сцене выступали персонажи совсем случайные. Они — те, которые продолжали работать педагогами — вправду горели своим делом, у них вправду точно имелись свои авторские методики и успешные ученики, и признание, и почет.

Ведущий всякий раз напоминал — здесь собрались настоящие профессионалы, здесь можно говорить все, что думаешь, закрытых тем нет, ведь каждый из присутствующих делом доказал свою преданность Родине и педагогике, и у нас идет деловой разговор и обмен опытом, так что стесняться не стоит! И все хлопали, соглашаясь. И я хлопал.

Но, выходя на сцену, каждый первый из выступающих начинал вещать весь тот же обтекаемый набор слов, который по их мнению от них хотели услышать! Я внимал всем этим маститым, важным, состоявшимся карьерно, профессионально или на худой конец — финансово педагогам и чиновникам от педагогики и чиркал себе в блокнотике то одно, то другое, постепенно закипая.

«… воспитание должно стоять впереди обучения…», «… патриотические и воспитательные мероприятия — неотъемлемая и важнейшая часть образовательного процесса…», «…главная задача земской системы образования — социализация учащихся, главный инструмент — инклюзивность…», «…учитель в начальной школе для ребенка — вторая мама», " формирование многогранной личности при помощи занятий по интересам,

кружковой деятельности, внеурочной занятости…"

После выступления главы Государственного Управления Земского Просвещения, попросту — здешнего министра земского образования господина Филатова, который катком прошелся по отсутствию энтузиазма и самоотдачи у нынешних молодых специалистов, я пребывал в бешенстве, но ведущий внезапно объявил:

— Его песни попадают в самое сердце, а музыка заставляет терять связь с реальностью… Дорогие педагоги — сегодня у нас в гостях — неповторимый Тиль Бернес! — и я зааплодировал вместе со всеми.

Он точно был попаданцем, этот обаятельный взрослый, крупный мужик на сцене. Иначе как бы в его репертуаре совмещались «Я люблю тебя, жизнь», «Любимый город», «Мама», «Мое сердце пылает» и внезапно — «Это моя жизнь»? Аранжировки были другие, язык исполнения — исключительно русский, но мотивы советской классики и матерого немецкого и американского рока из девяностых — очень и очень узнаваемыми! У меня даже настроение поднялось, и я спрятал блокнот и карандаш в карман: с речью в целом всё было понятно. А вот такую музыку я в следующий раз вживую бес знает, когда услышу… Вот построю партизанский лагерь, запущу первый заезд — и свяжусь с менеджерами этого Бернеса, пусть приедет детям спеть! Наверняка он и «Изгиб гитары желтой», и «Солнышко лесное» знает, как пить дать — знает!

В общем, я даже как-то подобрел и расслабился. И почти с удовольствием прослушал речь молоденькой черноглазой учительницы Нины Зурабовны из знаменитой и педагогической грузинской династии Бежанишвили про то, что учитель — это призвание и судьба, а не профессия, и про теорию гуманной педагогики — тут тоже такой зверь имелся, и тоже был он рожден в Тифлисе, как и на Земле… Нина Зурабовна сорвала аплодисменты.

А потом вызвали меня.

— Полесский феномен — Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, учитель истории, обществоведения и географии из средней школы номер шесть города Вышемир! — провозгласила ведущая. — В педагогических кругах уже легенды ходят об этом человеке: ему приписывают разработку авторской методики, результатом применения которой стали чуть ли не ежемесячные инициации первого порядка! Кроме того — ученики Георгия Серафимовича стабильно занимают призовые места в предметных олимпиадах по дисциплинам гуманитарного и естественно-научного цикла, успешно выступают на научных школьных

конференциях! Думаю, многие из здесь присутствующих слышали про социологическое исследование школьников «Куда идет молодежь?»

Тут раздались довольно громкие аплодисменты. Ну, и я как раз взбежал по ступенькам на сцену и поднял вверх руки в приветственном жесте — приятно было, что именно вот эта социология про то, что наши дети — хорошие, удостоилась одобрения. Я подошел к кафедре, поправил микрофон и сказал:

— Здравствуйте дети, садитесь! — а потом заткнулся, осознав, что ляпнул.

* * *

Прошла секунда, но мне она показалась вечностью. Я сначала покраснел, потом — побледнел, а потом улыбнулся — очень искренне. Это и вправду было бесовски смешно!

— ЭТО ФИАСКО, БРАТАН! — гоготнул дракон.

— *Это нужно использовать, и немедленно!* — посоветовал Гоша.

И я тут же сориентировался, и не переставая лучезарно улыбаться, проговорил в микрофон:

— Это к слову о профессиональной деформации, коллеги… — коллеги только сейчас сообразили, что произошло, и по залу прошел хохоток. — Знаете, о чем меня попросила моя директор перед тем, как спровадить на Всероссийский педсовет? Не говорить про низкие зарплаты. Я и не буду про них говорить, тем более — признаюсь сразу, для меня на данный момент работа в школе — это чистой воды благотворительность, хобби, или, если угодно — помутнение рассудка. Но еще два года назад всё было не так, и когда я по распределению приехал из университета в деревню Горивода вести там историю в сельской школе, то столкнулся с парочкой неочевидных проблем…

Я говорил без бумажки, так, как обычно говорят люди в повседневной жизни, не облекая слова в наукообразное и формализованное одеяние. И народ это почуял. Зашевелился! Они даже начали походить на живые души, а не на декорации для передачи про Всероссийский педсовет! Я продолжал:

— … приехало региональное телевидение снимать открытый урок. Им все очень понравилось — тема была отличная, про Реконкисту и становление Арагонской империи в 15–16 веках, с инквизицией, арагонской клятвой, идальго и всем прочим… Так что сняли они сюжет что надо и тем же вечером, посмотрев все это по телевизору, мне позвонил наш начальник уездного

просвещения — мировой мужик, если честно. Он похвалил за урок, сказал, что все отлично, но упрекнул: почему, мол, в джинсах? Невместно учителю уроки в джинсах вести. И я ему честно признался: нет денег на брюки! — по залу прошел шорох. — Знаете, что произошло после этого? Он позвонил моему директору, и мне выделили материальную помощь, и я купил брюки. Вопрос решился. Но у меня есть предложение: можно ребятам, которые после университета куда угодно распределяются, давать подъемные еще и на костюм? Нормальный приличный, вот такой, как у меня сейчас или как у импозантного мужчины в первом ряду, или у красивого парня на десятом… Да, да, такой костюм вчерашний студент себе купить не в силах, чисто физически! Разве что родители проспонсируют. Однако, мы ведь с вами тут собрались говорить о престиже и статусе молодого учителя, да? Думается, прилично одетый молодой специалист, который не клянчит денег у родителей, будет уважать себя немного больше, верно? Самоуважение — самая важная компонента повышения этого самого престижа. Учитель — я имею в виду учителя-предметника в первую очередь — должен сам уважать себя, свою профессию и свой предмет! — я выдохнул и осмотрел зал. — Заметьте, ни слова про низкую зарплату я пока не сказал!

Снова послышались смешки, и это было хорошо. А еще магическая завеса над балконом отдернулась, и я видел там, среди пустых кресел, три фигуры: светлейшего князя Георгия Воронцова — он улыбался и глаза его сверкали, через четыре сидения от него — Ядвига, душа моя, очень красивая и напряженная, она явно за меня волновалась. И — на самом последнем ряду — Феодор наш Иоаннович Грозный, собственной царственной рыжей персоной. Он беззвучно смеялся, запрокинув голову. Похоже, ему все очень нравилось! Ну и ладно.

Я продолжал:

— Я внимательно слушал все, что говорили выступающие. Воспитание, социализация, инклюзивность, гуманность… Все это, наверное, прекрасно. Однако — ни слова про то, что в школе я считаю на самом деле важнейшим и главнейшим явлением… — драматическая пауза тут была, кажется, не лишней. — Я имею в виду урок. Мероприятия, кружки, лектории, какие-то субботники и спектакли, экскурсии и спортивные мероприятия каким-то чудовищным образом в наших школах вдруг стали важнее урока! Более того — одни уроки у нас почему-то стали важнее других! Какое отношение у ребенка сложится об учителе истории, если его урок априори не важный, и это известно всем и каждому? Это ведь не математика — с истории можно сбежать готовить номер

для самодеятельности, педагог-организатор отпросит… Или пойти бегать эстафету — физрук договорится. А еще можно забрать пару мальчиков покрупнее, новые учебники из грузовика в библиотеку носить — завхоз словечко замолвит! О каком воспитании может идти речь, если мы не воспитываем в детях главное: обязательное, доскональное, тщательное отношение к самому главному делу, к, собственно говоря, тому, зачем мы все ходим в школу!? Дети ходят в школу уроки учить! А мы, учителя — уроки давать! Да, да, воспитание верноподданного и патриота, многогранной личности и социализированного члена общества — это, однако, чрезвычайно важно. Но на кой бес, простите, нам такие члены общества, которые привыкли относиться к своему главному делу так, будто это легко отменить, прогулять, променять на какие-то другие вещи, о которых забудешь через пару дней?.. Что за специалистов, родителей, руководителей и наставников мы растим? Да, учитель обязан уважать себя, обязан уважать свою профессию и свой предмет, обязан невероятно тщательно готовиться к каждому уроку, если у него есть хоть капля сомнения в том, что он «плавает» в теме… И, кажется, в этом случае он имеет полное право требовать такого же уважения и такой же обязательности от других. Знаете, мне кажется, если мы запретим все классные часы, все кинолектории и все спартакиады — наше богохранимое отечество устоит. А если мы с вами перестанем проводить уроки?

Весь «Примула-Холл» примолк. Я не знаю, чего они там ожидали — революционных пламенных речей, или открытия секрета массовых инициаций, а может — панегирических словес в пользу отечественной системы образования, но явно не вот этой вот оды уроку. Ну, и ладно. У меня, в конце концов, сегодня был тяжелый день. Да и вообще: чего мне бояться? Того, что меня уволят?

— Нет никакой авторской методики для стопроцентных инициаций. Нет никакого секрета, который сделает из ваших детей магов. Я просто стараюсь вести уроки хорошо — вот и всё. Спасибо за внимание, судари и сударыни! — закончил я и поклонился, может быть — несколько более театрально, чем следовало.

Две или три секунды продолжалась тишина, а потом на балконе один красивый рыжий мужчина встал — и начал громко аплодировать. И тут же хлопки раздались из разных концов зрительного зала, превратившись в гром аплодисментов. Однако, мне устроили настоящую овацию.

Когда я спустился со сцены и сел на свое место, тетенька с большой прической старалась от меня отодвинуться как можно

дальше и косилась как на прокаженного. Я хотел сквозь землю провалиться, если честно.

Глава 21
Аттестация

Яся, конечно, немного обиделась, что я бил Виноградова каской самостоятельно. Но в поезде мы помирились довольно быстро… Точнее — не быстро, у нас вся ночь в распоряжении имелась, и прошла эта ночь весьма приятно и активно — с перерывами на разговоры. Однако, словосочетание «железнодорожная романтика» теперь для меня обрело новый, гораздо более откровенный подтекст! Так или иначе — замотавшись в простыни мы сидели рядышком, пили чай и я рассказывал девушке про свои приключения в Министерстве магии, а она мне — про общение с Воронцовым и Федором Иоанновичем.

— Они конечно оба — мужчины видные… — стрельнула на меня глазками Вишневецкая, и прижалась бедром еще теснее. — Но тебя я ни на кого не променяю. На что мне эти князья и царевичи, с ними, небось, скучно! Просто представь — он прямо во время песни «Мое сердце пылает» от Тиля Бернеса с кем-то по телефону обсуждал необходимость сожжения дотла какой-то крепости в Сванетии — там, вроде как, кровавую магию практиковали с человеческими жертвами…

— Это царевич-то? — уточнил я.

— Нет, это Воронцов! Царевич время от времени с кем-то матерно ругался по поводу ограниченной военной операции в Маньчжурии, и орал что-то про миллионы жертв… И мясником кого-то называл. Мол, тоньше надо работать, а не из лягушек по пушкам палить…

— Учиться не здоровались? — хохотнул я.

— А? — она глянула на меня удивленно. — В каком смысле — не здоровались?

— Из лягушек, — я схватил ее за талию и усадил к себе на колени. — По пушкам. Так и сказал?

— Ой, ну и душнии-и-ила! — она стала в шутку отбиваться от меня ладошками. А потом вдруг посерьезнела: — Как думаешь — если «мясник», то это кто? Неужто — Сам?

— Думаю — Дмитрий. У меня от его плана усмирения Великого Княжества до сих пор мальчики кровавые в глазах… — Так, а это что за провокации, Ядвига Сигизмундовна? Ага-а-а, то есть спать вы до Вышемира, как я понимаю, не собираетесь!..

Честно говоря, я только и мечтал о том, чтобы мы, наконец, съехались. Если кто и мог вырвать меня из тяжкого плена

интеллигентских мудрствований и стальной хватки экзистенциального кризиса — то это именно Вишневецкая!

* * *

Не то, чтобы я попал сразу с корабля на бал. У меня было время выдохнуть, я даже вечером в Горынь съездил с визитом, и остался вполне доволен.

Охотничий домик стал совсем похож на настоящее жилье, уютный и теплый. Олежа Мельник и Чума с Дядькой на постоянку переехали на базу, они всерьез решили создать заповедник для нулевок, и носились с проектом эко-домов на альтернативных источниках энергии. То есть — у нас тут вскорости обещали появится два партизанских лагеря — для детей и для взрослых. А еще ребята из «Зеро» прикупили автобусы, и оформляли документацию на оказание услуг по пассажирским перевозкам — расширяли спектр деятельности.

Детский лагерь был совсем готов, Табачников и Комиссаров рапортовали: остается только дернуть рубильник и включить освещение, или — поднести факел к кострищу, чтобы начать первый партизанский созыв. Я походил по дорожкам, позаглядывал в жилые контейнеры, пообщался с парой кхазадов, которые решили остаться тут и наняться на все лето — по ремонту, уборке и всякой другой необходимой работе. Гномы были приличные, их рекомендовал Отто Шифер как самых непьющих и культурных, а такая рекомендация дорогого стоила.

Встретил я и братьев Машевских — они разрывались между строительством Центра паллиативной виртуальной медицины, и организационной работой на ниве становления Вышемирской нефтяной компании. Но — глаза у дядьев горели, они были полны энтузиазма, очень хвалили Пруткову, Варданяна и Рыбака, пребывая в полном восторге от их деловых качеств. Сам Центр пока представлял собой только огромный котлован и бетонные элементы фундамента, но Броник и Мечик обещали: когда основание и подземная часть комплекса будут готовы — семь этажей сверху соберут очень быстро. По оборудованию и персоналу у Клуба выдающихся банных джентльменов все схвачено, так что уже зимой первые капсулы примут пациентов-работников. Однако, будет у меня в юридике уголок победившего киберпанка…

При этом все локации Горыни — мой личный Охотничий домик, партизанский лагерь вокруг старой усадьбы, логистическая база «Зеро» и паллиативный Центр были отделены

друг от друга густым лесом, располагались на разных берегах озера, так что, обитатели и работники каждого из кластеров вовсе не пересекались, если не возникало такой серьезной необходимости. И это было хорошо.

А еще — хорошо было, что в школе мне не пришлось иметь бледный вид.

* * *

— Вы в случае чего возьмете меня на работу в этот ваш детский лягер фюр партизанен? — поинтересовалась Гутцайт. — В конце концов, мне надоело бояться увольнения.

— Вас не уволят, — усмехнулся я. — Кишка у них тонка против Феодора Иоанновича переть. Глядите, чтобы указивку сверху не спустили по поводу запрета на проведение внеклассных мероприятий в учебное время…

— Йа, йа… И вы знаете что из этого выйдет? — она тяжко вздохнула. — Мы детей не сможем на эти мероприятия затащить. Они и так ходят только потому, что их с уроков отпрашивают! Вы же не первый месяц в школе работаете, Георгий Серафимович! Что вы как майне кляне либе пупхен?

— А может и к бесам такие мероприятия, на которые детей нужно затаскивать? — с надеждой спросил я.

— О, нет! Никаких «к бесам!» Знаете, чему учат неинтересные мероприятия? Они учат детей терпению и готовят к взрослой жизни! Навык занять себя на никчемном заседании или унылой планерке, и не уснуть во время монотонного доклада — один из самых полезных, что приобретают дети в школе! — невозможно было понять, Ингрида Клаусовна шутила или говорила всерьез. Она поправила очки и закончила совсем на другую тему: — Идите уже к десятым классам, они меня совсем затерроризировали после этой инициации… Когда да когда Серафимыч приедет? За два дня я наверное шестьдесят четыре раза это вопрос услышала! Особенно эти девчонки, такие настырные, из «бэ» класса! Две Невские, Рожская, Бецкая и одна эта… Как ее? Тан!

— Ингрида Клаусовна, — я понизил голос и добавил. — Честно говоря — они меня уже немного бесят. Трутся вокруг постоянно, может быть даже следят! Я уже мечтаю, чтобы они скорее выпустились! Это ведь решительно невозможно терпеть: я ни в буфет, ни в туалет не могу сходить, чтобы не споткнуться о какую-нибудь из наших новеньких!

— А нечего было! — злорадно ухмыльнулась директриса. — Вы их сами пригласили, радушно, широким жестом! Я вас,

например, об этом не просила! Хотя, стоит признать, внебюджетное финансирование у нас выросло кратно. Летом начнем строительство пристройки с актовым залом! Рядом со столовой. И учатся они неплохо, базовая подготовка на уровне — у нас средний балл по итогам третьей четверти вырос…

— Ингрида Клаусовна, а хотите я вам в следующем году бассейн пристрою, только приструните их как-нибудь! — взмолился я. — Вы ведь директор школы, примите меры! Я ведь не достаю инициации из-за пазухи по щелчку пальцев, оно ведь само!

— Идите и страдайте! — скомандовала Гутцайт. — Лос, лос! Айн-цвай!

И я пошел.

* * *

Конец четверти и конец года — всегда морока. Последние недели — это подсчет отметок, выставление четвертных и годовых, и вечная нервотрепка по этому поводу. Четвертая четверть — решающая. Например — было у ученика три семерки в предыдущих четвертях, а тут — поднапрягся и девять получил! А это — восемь за год. А если это десятый класс? При поступлении что в колледж, что в университет бал аттестата учитывают!

И это притом что у меня — четыре предмета, четыре отметки, больше власти над аттестатами чем у кого угодно в школе! История отечественная и всемирная (если по-земному говорить), обществоведение и география. Стоит ли удивляться, что десятиклассники взяли меня в плотную осаду? И в целом — это было хорошо. В целом они были молодцы, и зажимать отметки тем, кто старается, я не собирался. Но возникали и ситуации совсем странные.

— А если я получу десять за четвертую четверть, у меня девять за год выйдет? — спросил Борис Панченко, молчун из десятого «бэ».

Он хоть и молчун, но письменные работы пишет неплохо, и в карте действительно ориентируется. Так что по географии у него стоит по четвертям 8,7,7. И вот сейчас он ждет вердикта по четвертой отметке.

— Борис, — мне хочется выругаться, но я же — интеллигентный человек, и потому я вздыхаю. — Однако, у меня есть к тебе два вопроса, и первый из них: как ты себе представляешь десять баллов за четвертую четверть?

— Ну, вы можете спросить меня по карте, — хмурится Панченко и смотрит исподлобья.

Он вообще парень упрямый, если не сказать другое слово.

— Ты знаешь, что такое десять баллов? Это — знания сверх программы. Допустим, я спрошу у тебя что-то за пределами школьного курса, и ты мне все это покажешь и расскажешь. Допустим! Но это — одна десятка! У тебя в четвертой четверти отметок маловато, здесь ты болел, а здесь — на спартакиаду уходил, а тут — отмалчивался. Вот, смотри — в журнале стоит одна восьмерка и одна девятка. В целом — молодцом, сейчас я тебя спрашиваю, ты отвечаешь и если не тупишь — зарабатываешь девять или восемь, за четверть — соответственно тоже, и за год — восемь. Вполне себе нормально, так?

— Если вы поставите мне три десятки, то будет десять за четверть и тогда вы сможете поставить девять за год, — снова хмурится Борис.

Вот как это у них получается? Откуда у некоторых подростков такая бесовская уверенность в собственной правоте и в собственных силах? И ведь это очень не плохой парень, просто — поймал «клин» в мозгу и не хочет видеть очевидного… Придется доказывать в два действия.

— Давай, — говорю, — Сударь мой Панченко. Выйди к доске и покажи на карте две пещеры — самую глубокую в мире и самую протяженную.

Борис непонимающе смотрит на меня.

— Десять баллов — значит сверх программы, — я пожимаю плечами. — Ладно — вторая попытка. Покажи, пожалуйста, самую древнюю из известных и самую молодую Хтонические Аномалии. Опять мимо? Это тоже география, и тоже — сверх программы… Третий вопрос задавать?

— Георгий Серафимович, а можно что-нибудь нормальное? — он, кажется, начинал уже на меня злиться.

Ну, бывает… Спрашиваю:

— Итак, течения Эль Ниньо и Ла Нинья! Снова мимо? Борис, ты вправду думаешь, что я тебя попрошу показать столицу Арагона, самую высокую вершину Анд и Гольфстрим и поставлю три десятки? Ваши отметки — это то, над чем работать нужно целый год, а не один последний урок. Ты хорошо работал, и получишь в аттестат хорошую отметку — восемь баллов из десяти — за четверть и за год. Это — хорошо, а не плохо. Но выдающимися, чрезвычайными знаниями по географии ты не обладаешь, в творческой работе участия принимать не хочешь. Открою тебе секрет — в школе у меня тоже не стояло по географии «десять». Была самая обычная девятка, потому что я

историю больше любил. Вижу — начинаешь на меня обижаться… Однако, последнее задание. Давай, бери мел в руку и пиши на доске: восемь плюс семь, плюс семь и плюс твои желанные десять. И дели на четыре. Что получается? Понял? И какой смысл в твоих обидах, Борис? Если хочешь потрясающий результат — нужно потрясающе работать долгое время, месяцы и даже годы…

И да, у меня на душе скребли кошки всякий раз, когда я не мог поставить ученика отметку чуть выше, поддержать и мотивировать его. Но, может быть, такой опыт ему будет полезнее, чем лишний балл в аттестате. Однако, жизнь такова и никакова больше!

* * *

— А пойдемте с нами фоткаться! — закричала Демочкина, вбегая в кабинет. — Мы фоткаемся на выпускной альбом!

— Что? — удивился я. — В каком смысле — фоткаться? Где все, Демочкина? У нас урок!

— Но Георгий Серафимович, он ведь последний! — она уставилась на меня как на умалишенного. — Последний урок!

— Вот именно… — нахмурился я.

Что за день сегодня такой, а? Сначала — Борис, потом — вот это. Вот как правильно поступить? Я вещал с трибуны, что урок — превыше всего, но и 10 «А» класс можно понять, всем хочется пофоткаться, а фотографы в период выпускных и последних звонков — персонажи весьма ценные, просто нарасхват, к ним на хромой кобыле не подъедешь, их время — дорого! Как быть-то?

— Так что, Серафимыч, идем фоткаться? — всунул голову в кабинет Вадим, а за ним — Ляшков.

— Не идем, а идёте, — решил я. — Вы все идете сюда, ко мне в кабинет.

— Это как? — удивились парни.

— Серафимыч хочет проводить урок, — трагическим шепотом проговорила Демочкина. — Представляете? Что мы скажем фотографу?

Десятый класс завалился в кабинет уже почти в полном составе и недоумевающе смотрел на меня. Вот так вот — вдруг любимый и замечательный учитель постепенно начинает превращаться в настоящего козла! Да? Нет!

— Зовите сюда вашего фотографа, — ухмыльнулся я. — Спорим — вы не придумали ни одной локации, ни одной позы, ни одного креатива? Вот, смотрите — офигенские карты, вот доска, мел, вот вам парты, вот учительский стол на который можно ноги

закидывать… Давайте и урок проведем и пофоткаемся, а?

— О-о-о-о-о! — загомонил десятый «А». — А че? А давайте! А нормально же! Серафимыч, а можно типа мы вас к доске вызвали? А можно реально ноги закинуть? А можно вот портреты эти взять? А коллекцию минералов? Мы будем лизать калийную соль и гадать на глобусе!

— Возьмите глобус, ради всего святого, но оставьте в покое калийную соль! — взмолился я, но поздно — ребят было не остановить!

Фотограф — худой и стильный кучерявчик, в целом пребывал в шоке, но сильно радовался: все-таки сложно повторить эмоции, когда по-настоящему ищешь Суринам, Бутан и Белиз на карте, или пытаешься вычислить объект по координатам — заданным широте и долготе. Или когда узнаешь отметки за четверть, за год, и, соответственно — в аттестат. В общем — у «ашек» последний урок по географии прошел гораздо веселее, чем у «бэшек». Бывает и такое.

Когда я уже уходил из школы, закрывал класс меня настигли те самые девчонки, из 10 «Б» — пять подружек-неразлучниц, эти самые Рожсая, Бецкая, Невские и Тан. Едва с ног не сшибли, честное слово! Бес знает что такое: явно на нервах, явно какие-то задерганные, зашуганные… Глазами хлопают, мнутся, мямлят…

— Однако, говорит по толку! — я рубанул ладонью воздух, создавая тем самым между собой и ними необходимую дистанцию.

— Георгий Серафимович, мы очень-очень боимся экзамена! Вы можете позаниматься с нами индивидуально? Дополнительно? Ну, как репетитор! — засуетились они.

— Гос-с-споди, девочки! — тяжко вздохнул я. — Прекратите уже, ладно? Я на всю страну заявил: не достаю я инициации из воздуха. Я не знаю, как это работает, я это не контролирую! Если бы кто-то из вас инициировался и стал пустоцветом, а потом — великой волшебницей, я бы только порадовался, помог бы и поддержал, насколько это возможно. Но — не тяните вы из меня жилы, а? Неужели вы думаете, что будь моя воля — я бы не…

Я едва не сказал — «не инициировал бы всех и каждого», но одернул себя. Слишком по Рэдрик-Шухартовски, однако.

— Ну и всё, — сказала Олечка Тан. — Как хотите теперь.

Развернулась и пошла прочь по коридору. Она была красивой девочкой, эта незаконнорожденная дочь кого-то из Солтанов. Может быть — и самого пана Юзефа Солтана, богатейшего землевладельца Вышемирского уезда? И характер у нее имелся, солтановский, железный… Так или иначе — остальные пошли следом за ней. И что это за бабий бунт? Как его понимать? Что

значит это «как хотите теперь?»

Честно говоря, я ретировался в мужской туалет, к самому дальнему окну, уселся на подоконник и прикрыл глаза, оперся затылком об оконную раму. Какой все-таки сегодня тяжелый день, а? Я когда на двадцать третий этаж взбирался и на Всероссийском педсовете так не выматывался. Накапливаемая усталость — вот как это называется. Конец учебного года всегда такой. Из последних сил, в общем.

Глава 22
Экзамен

День стоял невыносимо жаркий. Пыль кружилась в лучах солнечного света, бьющих сквозь щели в жалюзи. В кабинете было душно, парты стояли непривычно, на каждом столе «президиума», который ученики выставили для экзаменационной комиссии, бутылочки с питьевой водой и стаканы. Жирно и сладко пахло черемухой, которую кто-то заботливый пышными букетами выставил на всех свободных поверхностях.

— Цветы красивые, спасибо. Однако, выносим, — сказал я. — А окна и дверь — открываем, и десять минут сюда никто не заходит.

Мне еще мигреней и обмороков не хватало. И аллергий.

— А куда поставить? — растерянно посмотрел на меня Вадим.

— А к Джабраилову поставь, — усмехнулся я. — У него экзамен по математике уже прошел, так что ничего страшного. Пусть у него черемухой пахнет…

И пошел открывать окна, напевая себе под нос про «Белой черемухи гроздья душистые»…

— *Акации!* - поправил меня Гоша. — *Там была акация.*

Я осекся, потому что он точно был прав, распахнул все окна и пошел раскладывать номерки билетов и вопросники. Ребята заглядывали в дверь и нервничали. Некоторые теребили билетники, конспекты, пытались что-то повторять… Я вздохнул и вышел к ним:

— Так, мальчики и девочки, отставьте эти глупости. Повторю вам еще раз то же самое, что уже сказал на консультации: все будет нормально! Заходите, ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО смотрите на номерки, берете тот, что пришелся по душе — и идете готовиться. Не списываете, не подсказываете друг другу. Поверьте, все кто учился в университете ваши попытки списать видят насквозь, это будет выглядеть просто смешно и нелепо. Списывание — единственная причина по которой вы можете завалить экзамен. Мы с вам хорошо занимались целый год, с умственными девиантностями среди вас никого нет, все способные! Так что — просто пишете на бумажке все, что вспомните по вопросам билета, даже сумбур, потом перечитываете, поправляете и добавляете. И идите отвечать. Садитесь напротив меня и разговариваете со мной. На других членов комиссии можете даже не смотреть. Если я буду видеть что дела ваши плохи — задам

пару наводящих вопросов, побеседуем, все наладится. Главное не накручивайте сами себя: ни у кого тут нет желания вас засадить, наоборот — при первом же шансе вам поставят отметку как можно выше. Понятно?

— Поня-а-а-атно… — прогудели десятиклассники.

Я знал, что кое-кто из них все-таки хотел списать. И очень зря! В школе оно точно не стоит того. Я и сам списывал в университете в свое время, и даже более того — делал шпоры для всего курса. Но там расчет был очень циничным: я мог сдать без шпор на восемь или девять, запросто. Мне нравилось учиться, я любил историю, многи читал. Но со шпорами — можно было сдать на десять. И получить повышенную стипендию! Поэтому, если повезет — я был не против подсмотреть пару-тройку дат и терминов во время копошения у стопки с картами или спора отвечающего с экзаменатором — в этом я не видел ничего предосудительного. Да и максимум что грозило в университете — это пересдача. Одна. Ни разу ничего не пересдавал, но что такое одна пересдача для студента, в конце концов?

А тут одна пересдача грозила выпускникам завалом всей вступительной компании и повторным экзаменом в августе. И на кой бес оно им надо? Тем более — максимально лояльные условия для моих десятиклашек были обеспечены. Я еще раз присмотрелся к номеркам: белые бумажки, на белой скатерти! Усмехнулся и сел на свое место в «президиуме» — комиссию ждать.

В первой половине дня сдавали «ашки», во второй- «бэшки». Нагрузочка лично для меня — некритичная, а вот другие члены комиссии вполне могли «посыпаться». Хотя Ингрида Клаусовна у нас стальная женщина, она что угодно выдержит! На нее вся надежда. С «бэшками» и с великолепной пятеркой незаконнорожденных аристократических выпускниц я без директрисы дела иметь не хотел.

* * *

Гутцайт, Надежина и какая-то тетенька из Народного Просвещения пришли за пять минут до начала экзамена — они весело о чем-то общались, обсуждали какую-то свою знакомую, которая в сорок пять лет вышла в третий раз замуж и уехал в Раджапур, в Сиам!

— Свежо у вас тут! — сказала тетенька из просвещения.

— А что, цветов никаких не подготовили дети? — поморщилась Надеждина. — М-да, раньше экзамен для нас был

праздником, а теперь…

— Давайте уже начнем работать! — сторого блеснула стеклами очков Ингрида Клаусовна. — Присаживайтесь коллеги.

Коллеги присели, а я наоборот — встал, подошел к окну, потянул за цепочку управления, яркий солнечный свет упал на стол с номерками. Комиссия уже сидела, так что можно был оне переживать. Тогда, в прошлой жизни эта фишка меня никогда не подводила — не подведет и сейчас.

— Заходите, первая пятерка! — сказал я в полуприкрытую дверь.

Конечно, в первой пятерке оказались и Ляшков, и Демочкина, и Вадим, и близняшки… Не хватало Кузевича и Легенькой, но… У них теперь — своя дорога! Усевшись на место рядом с директором, я улыбнулся ребятам и сказал:

— Вон там, на белой скатерти — номерки. Выбирайте, не торопитесь, подходите ко мне, называйте номер билета — я дам вам карточку с вопросами.

Вадим, явно мандражируя, подошел к заветному столу, и вдруг лицо его прояснилось:

— Ага! — сказал он. — Нормально.

И взял бумажку из середины, и смело пошел ко мне. Его глаза смеялись, он понял, что я имел в виду под «ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО» и «максимально благоприятные условия».

— Билет номер один! — провозгласил парень торжественно.

Я невозмутимо кивнул, вручил ему карточку с двумя вопросами и практическим заданием, проштампованные черовики, ручку и предложил:

— Садись, готовься!

И каждый из первой пятерки точно так же улыбался, когда подходил к столу с номерками. Почему? Потому что номера билетов были напечатаны очень жирно, на довольно тонкой бумаге. И на ярком солнечном свету, на фоне белой скатерти, несмотря на то, что номерки, конечно, лежали цифрами вниз, вполне реально было взять именно тот билет, который хотелось. Никого я не предупреждал заранее, и стопроцентной гарантии, конечно, не было. И предъявить какая угодно проверка мне ничего не могла: ну тонкая бумага, ну бывает. Какая есть — на такой и печатаем! Хоть раз завезите в школу бумагу нормального качества, да вообще — любую, а потом предъявляйте.

Режим максимального благоприятствования — он такой. Тот, кто учил и ориентируется в списке билетов — тот молодец, может повысить балл еще больше. Кто занимался ерундой и полагался на авось — надеяться нечего. Все по-библейски: имеющему — прибавится, у неимеющего — отнимется. Я понятия не имею,

отнесли бы такой прием к гуманной педагогике или нет, этично это или наоборот — чудовищно…

Так или иначе — уже через пятнадцать минут кое-кто готов был отвечать — и понеслось:

— Князь Владимир Святославич сжег Полоцк и насильно взял себе в жены Рогволода! То есть — Рогнеду!

— Новая социальная политика стала реализовываться после Манифеста государя Василия Иоанновича Грозного в тысяча девятьсот двухсот первом году… Нет? Значит — в тысяча девятьсот двести втором, точно.

— Цирковые приходские школы были основным элементом системы образования до школьной реформы…

— До введения в обиход латиницы в письме пользовались кириллицей и мефодьицей.

— Основным видом промышленности было винокурение и табакокурение! Ну и переработка местного сырья!

— Сеймики — это представительные местные оргии в Речи Посполитой.

— Курбский из ВКЛ посылал в Александрвоскую слободу телеграммы с оскорблениями Государя.

— Антарктиду открыли известные мореплаватели Пелинск Скраузен и Лазарь Лев! — я бы и подслушанных шепотом Беллинсгаузена и Лазарева ему простил, но каким боком Антарктида касалась культуры белорусских земель в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого века он объяснить не мог.

Нет, если быть до конца откровенным — они меня радовали. Хорошо отвечали, просто сильно нервничали. И «А» и «Б» класс показали себя большими молодцами. Бэшки чуть хуже, но, например, та же Тан отлично ответила тему о становлении Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского в середине тринадцатого века, и просто блестяще — Восстание пустоцветов. Я рекомендовал ее на десятку — почему нет? Какая разница, что они ведут себя стремно, если выучили хорошо?

Так или иначе, после того, как последняя отметка была выставлена, а результаты — объявлены радостным детишкам, многие из которых подняли свои отметки на балл, я чувствовал себя как выжатый лимон.

— Вы ведь придете на выпускной, Георгий Серафимович? — спросила Ингрида Клаусовна. — Так и знайте, я не подпишу вам заявление об увольнении, если вы не придете на выпускной! Дети вас очень ждут!

— Йа-а-а? — вот тут меня пробило. — А может не надо?

— Надо, Гоша, — по-матерински похлопала меня по плечу

кхазадка. — Надо. Хотя бы на официальной части. Они же готовились, сюрпризы там подготовили какие-то награждения…

Я не любил официальные мерпориятия до зубовного скрежета. Все эти запоздалые признания в любви учителям, извинения за излишнюю резкость перед учениками… Нормально надо стараться сразу делать, чтобы самому стыдно не было, а не охать и ахать у микрофона! Да и вообще — я ведь уходил из школы, еще размотает меня в плане вселенской грусти и чувства вины — что я делать буду? Сожру ведь сам себя!

— Во сколько там официальная часть? Это завтра вообще?

— Завтра, конечно! На главной площади вручение золотых медалей отличникам — в восемь часов вечера, потом — аттестаты уже по школам. Вы витаете в облаках, Пепеляев! Спуститесь уже на грешную землю!

— Витаю, — признал я. — Периодически. Ладно, насчет площади не обещаю, но в школу — зайду! Однако на сабантуй оставаться не буду, не люблю я сабантуи.

Выпускные всегда вызывали в моей душе бурю эмоций: все эти прекрасные девушки в платьях, аккуратные мальчишки в пиджаках и с восхищенными взглядами, улыбки, цветы, ленточки через плечо, некое предвкушение грандиозного будущего… Куда все это денется через пару месяцев? Кто-то поступит, кто-то — наденет военную форму, другие — выйдут на работу, и из взрослых и самых уважаемых в школе ребята — выпускников, они превратятся в желторотых птенцов: новобранцев, первокурсников, стажеров. Они снова ничего не будут знать, и снова придется биться как рыба об лед, чтобы разобраться, как это все, к бесам, работает? А ведь только-только ведь осознали, как устроена школьная жизнь — и нате, разбирайтесь заново…

Наверное, на выпускной действительно стоило пойти.

* * *

На торжественное мероприятие в городе я бы просто не успел. Но оно и без меня неплохо прошло, уверен: золотые медали вручали Зборовский, а он с такими делами справлялся хорошо. Уместно шутил, обаятельно улыбался, был своим парнем, совсем не таким как все предыдущие уездные предводители.

Так что я с утра и днем снова посетил Горынь: следил за тем, чтобы в лагере все было в порядке, всего хватало. Ещё бы! Через несколько дней должен открыться набор на первый созыв, судя по опросам в Сети — желающих было более чем достаточно. Но мы жили в земщине, и забронировать место онлайн тут все ещё

казалось фантастикой — это ведь не опричные области с их бесконечной цифровизацией! Пока я не увижу очереди перед стойками регистрации, стопки свидетельств о рождении, заявлений от родителей и медицинских справок — все это вилами по воде писано и ничего не значит. Они ведь даже оплату не вносили — первый заезд был полностью благотворительным и полностью вышемирским. Проверяя кладовые и игровые, жилые контейнеры и веревочный парк, эко-тропу и спортивные площадки я гнал от себя дурные предчувствия, и списывал их на конец учебного года. В конце концов, «что-то кончается, что-то — начинается» если верить одному великому поляку, который написал историю не менее великого ведьмака.

Разгоняя «Урсу» по трассе под хриплый голос Тиля Бернес и тяжёлые гитарные риффы и скрипичные аккорды песни «Моё сердце пылает» я почти уговорил себя, что все на самом деле хорошо. Даже с Ясей поговорил — она заверяла, что обязательно приедет за два дня до начала заезда, и мы все ещё раз перепроверим вместе, и даже, может быть, поженимся втихаря у нас в соборе. С отцом Клаусом я по этому поводу разговаривал, и несмотря на некоторые не слишком серьезные препоны в виде принято тут официальной помолвки и не менее чем трехмесячного срока после нее, кхазад-священник был готов обвенчать нас в любой момент.

— Да прилепится муж к жене своей! Вот что сказал Господь, и кто мы, чтобы ему противоречить? — говорил гном. — А я скажу: мужчины — женитесь! Женщины — мужайтесь!

И смеялся громко своим густым басом. В общем — мировой мужик.

Я, честно говоря, здорово задумался по дороге, так что едва не проигнорировал взмах милицейского жезла: не полосатого, а другого — с катафотом на конце.

— Нарушаем? — подошёл к машине Криштопов и козырнул, и глянул с укоризной. — Георгий Серафимович, что-то вы какой-то невнимательный. Все-таки девяносто километров в час на въезде в город — это занадта! А шо занадта…

— … то не вельми! — согласился я. — Виноват, господин начальник милиции! Выписывайте мне штраф полностью. Задумался за рулем…

— Что, нервишки пошаливают?

— Не без того… Кошки на душе скребут, не знаю, какого беса?

— Вот и у меня — скребут. Потому вышел на пост, хотя вроде как должен лицом светить на мероприятии. А ты никак в школу? — поинтересовался самый честный Вышемирский милиционер.

— Надо ребята проводить, да, — кивнул я.

— Ну ладно. Ты если что — звони.

— И вы — звоните. Мы с вами на разных уровнях воюем, но определённо — в одну сторону.

— Точно! — он выписал мне штраф и протянул квитанцию.

А потом пожал руку. Потому что союзники-то мы союзники, но ездить нужно нормально!

* * *

Школа выглядела празднично. Крыльцо и надпись «DOBRO POZHALOVAT'» — изукрашены шариками, рядом — большой баннер-фотозона в стиле «NASH ZVYOZDNYJ VYPUSK» и столик с шампанским — самым настоящим. На Тверди имелось специальное постановление, дающее привилегию одну ночь в году выпускникам употреблять сей игристый напиток, от поставщиков двора Государя Всероссийского. Игристое белое вино «Жемчужина Апсара» обладало самым главным магическим свойством — от него не болела голова и не случалось похмелья. А легкое опьянение исчезало само собой через двадцать-тридцать минут. Конечно, можно было употребить ещё и ещё — но после четырёх-пяти бокалов включалось ещё одно магическое свойство, побочно-мочегонное, которое чисто физиологически вынуждало увлекшегося выпускника или выпускницу сделать перерыв в возлияниях.

В общем — вчерашние школьники, нынешние выпускники постепенно подходили к крыльцу, переговаривались, смеялись, фотографировались — изящный кучерявчик с камерой суетился на всю бешеную сумму, которую выплатили ему родители. Группа парней из «А» класса стояла чуть в стороне — красивые, взрослые, в отлично пошитых костюмах, свежепостриженные, с выражением некого лихого веселья и фаталистической бесшабашности на лицах. Я не стал проходить мимо — приблизился и протянул руку для рукопожатия:

— Джентльмены…

Джентльмены оценили — это было видно по их лицам. Я пожал руку каждому из них — все они теперь перестали быть моими учениками. Теперь они по праву могли считаться молодыми мужчинами, которым придётся решать вопросы совсем другого уровня…

— А правда, что вы из школы уходите? — спросил Ляшков.

— Из шестой — ухожу, — признал я.- Я построю свою школу, в Горыни. Вы ведь знаете, что у меня земля в Горыни, да? Но это

будет школа для учителей, учебное заведение особого рода. И для того, чтобы сделать его *как положено* — мне потребуется опыт. Тоже — особого рода. Следующий год буду работать в Мозырском колледже.

— Повезло Кузевичу! — проговорил кто-то.

— Может и вам повезет, — развёл руками я. — Была бы моя воля — вы бы все тут инициировались. Вы хорошие ребята, и достойны этого ничуть не меньше Пеговой или Шутова. Наверное, вам досадно, что они выиграли в такую лотерею, да?Но подумайте вот о чем: у меня в Горыни сейчас строится ещё и база отдыха для нулевок. Знаете, кто такие нулевки? Это такие как я, на кого магия вообще не действует.

— Это как? Вы что — правда нулевка? В смысле? А что это значит? — дети из земщины не особенно интересовались такими вещами. Точнее — все информационное поле вокруг них было устроено таким образом, чтобы не заострять их внимание на чем-то подобном.

— Ага, — кивнул я. — Это значит, что если я выпью с вами шампанского — то для меня это будет просто кислое вино с газами, от которого пучит и болит голова. Ничего интересного. Нулевка не подвержены магическому воздействию: его не сожжет файерболом, но и не подлечить алхимическое лекарство от рака, понимаете? Здесь, в земщине, это чувствуется не особенно сильно, но…

— … Но нам ещё повезло родиться цивильными, получается? — обрадовался Ляшков. — То есть — быть просто человеком это уже очень круто?

— И просто орком-на! — прогудел Башка.

— И просто орком быть тоже очень круто, — усмехнулся я. — Вон ваши девчонки скучают! Хватайте их — и пойдём наверх, смотреть как рыдает Ингрида Клаусовна, вручая вам аттестаты!

— А она умеет рыдать? — удивились пацаны.

— О-о-о, сегодня вы узнаете много нового! — откликнулся я.

И мы пошли в школу.

* * *

лучший способ поддержать автора и не пропустить следующий цикл по Тверди и другие книжки — это подписаться на мой профиль здесь))

Глава 23
Репутация

Честно говоря, я нет-нет да где-то на краю сознания и надеялся на массовую инициацию или что-то в этом роде — после выпускного. Ну да, я отчаялся проводить закономерности, и строить теории и причинно-следственные связи во всем, что касалось магии, но помечтать-то можно! Вот полыхнуло бы эдак у половины вчерашних десятиклашек — это бы я красиво из школы ушел!

Однако, нет: мы неплохо провели время, вот и все.

Конечно, неплохо провести время тоже дорогого стоит. Ребята и девчата подготовили милые и забавные сценки, неплохо пели, вручили нам шуточные грамоты и медали, вручение которых обыграли артистично и с юмором. Гутцайт досталась победа в номинации «Всевидящее око», мне — «Однако, здравствуйте!», Надеждиной — почему-то «Отпустите меня в Гималаи». Родители выпускников даже станцевали что-то типа попурри из местных популярных танцев, я понятия не имел ни об одном из них, но старательно хлопал. Эти мамашки и папашки лет сорока действительно старались и вообще — показали себя большими молодцами. Конечно, ребята с микрофоном в руках признавались в любви учителям, в стихах извинялись за шалости и прогулы, и все такое. Ингрида Клаусовна плакала. То самое, что я не люблю, в общем. Но это — мелочи. Так-то было весело, уютно и душевно.

Настораживало единственное: никто из пришедших на учёбу в шестую школу в этом году аристократических отпрысков не остался на неофициальную часть. Никакой дискотеки, никакого банкета, никакой культурной программы — это девушки-то, в шестнадцать-семнадцать лет! Их как ветром сдуло, едва все эти девицы Рожские и Невские аттестаты получили. Но, признаться честно, меня тоже сдуло, я домой пошел, спать, так что скребущие на душе кошки могли скрестись себе дальше, мне от этого ни прибытка, ни урона пока не получилось.

* * *

Имелась у меня одна традиция, которая началась в далёком моем выпускном 11 классе. Каждый год в первый день каникул (что после выпускного тогда, что в универе после сессии, что

потом, учительствуя уже, после экзаменов), я утром пил сидр на набережной. Глупость, конечно — с утра выпивать, но я брал маленькую бутылочку: в поллитра или пинту. От этого особенно не опьянеешь. Дело в том, что в Вышемире сидр стали продавать как раз под конец моей учёбы в школе, и одновременно с этим, в одиннадцатом классе мне исполнилось восемнадцать — так уж вышло, что в школу я пошёл в семь, а в конце школы был совершеннолетним. Вот я и взял тогда себе на законных основаниях первый раз алкоголь: новинку попробовать. Не скажу, чтобы прям сильно понравилось, но раз в год я с ним на лавочке сидел. Ну а что? Перегара от сидра нет, запах — яблочный, да и душевный спазм слегка снимает.

Вот и сейчас, купив пластиковую бутылочку с яркой этикеткой и надписью «SIDR», я расположился на днепровской набережной, за одним из столиков летнего кафе. Выкрутил крышечку и отхлебнул яблочного напитка. Как и на Земле — качество так себе, но вкус — почти тот же, так что традицию можно было считать соблюденной. Однако, кто мы такие без маленьких личных традиций, крохотных иррациональных фобий, зашитых далеко в подсознании детских комплексов и странноватых привычек? Одинаковые просветленные болванчики?

Здесь, под сводом палатки, было немноголюдно: сонная бармен-кассир смотрела висящий под крышей телевизор: обычно там показывали спортивные трансляции, сегодня же — какое-то очередное дурацкое ток-шоу. За дальним столиком опохмелялась смешанная компания мужчин: там были люди, снага, гномы и, кажется, один гоблин. Над рекой, по голубому небу плыли пышные облака, поддувал свежий ветерок, качая ветви деревьев с сочной, летней уже листвой. Стоя у ограждения набережной мама и две дочки бросали местным днепровский уткам хлеб, птицы гомонили на утином языке, плескались, ныряли за кусочками размокшего мякиша и явно радовались.

— … предложил мне… Ну… Предложил интимные отношения за хорошую отметку на экзамене, — вдруг услышал я и вздрогнул. — Я ведь новенькая, и сильно волновалась, вы знаете, какая у них там жёсткая конкуренция? Они все хотят ему понравиться, он как будто загипнотизировал всю школу! Там очень нездоровая, страшная обстановка вокруг него — и дети, и учителя, они все, все под его влиянием, готовы выполнять любые прихоти, ему все прощается… А мне — мне он сказал, что в аттестат поставит десятку, если я соглашусь!

— Оля мы знаем, что тебе тяжело рассказывать о произошедшем, тяжело вспоминать, но все уже позади… Здесь, в

нашей студии, ты в безопасности! Ты очень храбрая девочка, — голос ведущего был приторно-сочувствующим. — Я попрошу тебя побыть храброй ещё немного — мы ведь должны защитить других девочек от того, что ты пережила! Назови, пожалуйста, имя этого человека.

— … Серафимович Пепеляев… — я почувствовал, что у меня кольнуло в груди, а в голове зашумело.

Хорошо, что я сидел на этом бесовом пластиковом стуле, иначе, наверное, потерял бы ориентацию в пространстве и рухнул бы на землю, точно. Меня натурально штормило. Переведя взгляд на экран телевизора, я стиснул зубы и все никак не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть — в горле встал ком. Все эти фотографии… Они действительно могли выглядеть двусмысленно, в контексте того дикарства, который я только что услышал. Да, там, в студии самого популярного в Великом Княжестве Белорусском, Ливонском и Жемойтском Первого Независимого Телеканала сидела Олечка Тан, и говорила все это — на аудиторию в десять или пятнадцать миллионов.

И фотографии… Это я знал, что мне проходу не давали. Это мне было известно, что мы постоянно сталкивались с кем-то из новеньких-незаконнорожденных девочек то на лестнице, то в коридоре, то в дверях… Им постоянно что-то от меня было нужно: «Георгий Серафимович, а посмотрите — я правильно написала?» «Георгий Серафимович, а как это понять?» «Ой, простите, я такая неловкая!» Немного ретуши, грамотной минимальной подрезки, игры с освещением — фотография остаётся оригиналом, но вместо случайной сцены школьной жизни на ней — учитель и ученица в двусмысленной позе. У него — злая, напряжённая физиономия, у неё — наивная, удивлённая, испуганная. Здесь — я положил руку ей на плечо, чисто рефлекторно, при столкновении на лестнице, желая удержать от падения. Тут — она прижалась ко мне, в толпе во время ожидания у дверей столовой, я и внимания на это тогда не обратил! Однако, кому какое до всех этих нюансов теперь дело, верно?

Я встал, чувствуя, как страшно, быстро, громко стучит сердце, гудит в голове… Едва передвигая ватные ноги я покинул кафе, пошёл прочь по набережной, в ту сторону, где гуляло меньше людей. Первая осознанная мысль была — «Вишневецкая!» Несколько раз я пытался дозвониться — тщетно. Открыл «Пульс», нашёл её профиль, записал голосовое:

— Яся, тут кто-то решил меня крепко достать. Я, честно говоря, в смятении, понятия не имею, что с этим делать. Но обязательно все решу. Я ничего такого не делал, это какой-то бред, кошмар наяву. Пожалуйста, позвони Прутковой,

Табачникову, Машевским — пусть никому ничего не комментируют, лучше вам всем вообще выпасть из публичного поля на… Не знаю, на сколько. Не знаю, что будет дальше, Яся. Я тебя люблю, верь мне пожалуйста. Свяжусь с тобой!

Укрытие я нашёл под густыми ветвями плакучей ивы: она росла на косогоре над рекой, зелёные ветки почти касались земли — так себе индейское убежище. Спрятаться под деревом было довольно малодушно, но ничего лучшего я не придумал: любой в Вышемире мог уже посмотреть телевизор, любой мог начать задавать мне вопрос. И любой мой ответ оказался бы чудовищным. Это — ситуация в которой у мужчины-учителя нет хорошего выхода. Самый настоящий цугцванг. Это моя личная фобия, мой личный кошмар наяву, который сбылся здесь и сейчас.

Телефон стал разрываться через две минуты. Звонила Гутцайт, звонил начальник уездного просвещения — Валентин Александрович, звонил Женя Зборовский. А ещё — Элессаров, Джабраилов, Лючиэнь Иллидановна, Надеждина. Отто Шифер. Сосед Петрович. Вождь. Мама Вани Кузевича. Папа Кузьменка. Криштопов, Караулов, Кравченко. Я все вызовы сбрасывал, резко проводя пальцем по экрану, не задумываясь. Но — один входящий я сбросить не смог. Он не желал сбрасываться! И ему было плевать, что нет такого номера и такого контакта у меня в телефоне!

На экране сиял золотом двуглавый орел, а под ним — надпись: FEODOR IOANNOVICH GROZNYJ.

— Однако! — просипел я.

Такой вызов игнорировать было нельзя, так что я на него ответил.

— Пепеляев, — прорычал царевич Федор. — Не смей никого жечь и жрать, это приказ! Твои чувства, дворянскую честь, педагогический гонор и прочую интеллигентскую лирику засунь куда подальше и сделай то, что я сейчас тебе скажу, понял? Ударили по тебе, но целились-то в меня!

— Девочку не троньте, — выговорить это мне было очень сложно. — И других дурочек. Они понятия не имеют…

— Серьезно? Ты что, на самом деле такой наивный полесский святоша? — в голосе Грозного прозвучала то ли жалость ко мне, грешному, то ли искреннее удивление. — Ну, как ска-а-ажешь… Плевать на этих малолетних куриц, если честно. Не они — так другие. А теперь слушай внимательно! Ты прямо сейчас возьмёшь свой телефон — и выбросишь его в реку. Да, я знаю, под какой чёртовой ивой ты сидишь. Вряд ли кто-то еще знает, но нужно, чтобы и не узнали. А после этого — спрячешься там, где даже я

тебя искать не догадаюсь. Три… Ладно — два дня чтоб тебя никто не видел, понял? Этого вполне будет достаточно. И не смей, дурень, в квартиру возвращаться, там уже целая свора с камерами тебя ждёт. Не усугубляй ситуацию, слышишь? Давай, рыцарь, действуй! Немедленно!

— Есть — действовать немедленно, ваше высочество! — рявкнул я, и с оттяжечкой запустил телефон в Днепр.

Аппарат блинчиком поскакал по речной глади и я торжествующе посчитал:

— Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь! Буль! Есс! — хоть какой-то позитивный момент за сегодня.

* * *

До самого вечера я прятался в хмызняке — зарослях кустарника, которыми заросли берега Днепра и старичных озер. Именно тут, недалеко, я сжёг банду уголовников в самом начале моей здешней жизни, так что место имело теперь дурную славу и народ сюда не ходил. Честно говоря, спустя время -я не жалел о содеянном. Эх, вот бы нынешнюю проблему можно было решить подобным образом: наведаться к Солтанам и спалить к черту их поместье! Если что-то делала Олечка Тан, то за этим совершенно точно торчали усы пана Юзефа Солтана, того самого, который был секундантом во время моих разборок с Гольшанскими. Мимо главы клана такая атака на креатуру царевича (будем называть вещи своими имнами) пройти не могла. И, формально, Солтаны не нарушили никаких клятв — они ведь не входили в антипепеляевский альянс Пацов, Ольшанских и Олельковичей!

И ударили изощренно, не подкопаешься. Никакого физического вреда моим близким и ученикам нанесено не было. Страдала только репутация — да так, что любое моё действие или бездействие изначально толковалось против меня. Спрятался — виновен! Оправдывается — дважды виновен! Хладнокровный? Поглядите, какой законченный мерзавец! Нервничает? Ату его, задергался, негодяй! А если я нападу на Солтанов и буду требовать от них признания в злоумышлении и злодеянии против меня и отзыва иска, который они точно подали или подадут… Это вообще будет выглядеть чудовищно, и тут по мою душу придет уже не дуроватый сэр Джон Бальмунг, а целая делегация от аристократии Великого Княжества в силах тяжких!

Бальмунг! Только бы Зборовский не воспринял все это близко к сердцу… Я же сам вручил ему меч! Ещё подумает, что это и есть та самая история, ради которой я и вручил ему древнее оружие, и

решит, что настал момент идти и убивать меня. Потому что если я ТАК изменился, то… И в самом деле — зачем тогда жить? Я только мог надеяться, что за этот год Зборовский слишком хорошо узнал своего рыжего соседа, и не поведётся на эту ужасную провокацию Солтанов. Он — и все остальные, кого я полюбил и с кем сблизился здесь, на Тверди, в этой абсурдной и гротескной вселенной, которая стала мне роднее и дороже старушки-Земли.

Надеялся — и готов был выть от черной меланхолии, накатывавшей волна за волной. Они меня достали, ударили в самое больное. Кто-то там у них отлично разбирается в психологии… Ещё и Пепел с Гошей как назло молчали. С чего бы им не молчать, ведь они — это я и есть!

Однако, мой августейший покровитель был прав. Если кто и мог разобраться в этой ситуации — то только менталист. Или некто с авторитетом в Государстве Российском абсолютно непререкаемым. А я должен был засунуть свои эмоции ка подальше и подчиниться. Так что я прятался до ночи, а потом — вернулся на набережную, под ту самую иву.

В Вышемире имелось такое место, которое подходило под заданные царевичем условия: спрятаться на пару дней так, чтобы сам Феодор Иоаннович не догадался, и чтобы меня там не отказались принять. И находилось это убежище очень недалеко от набережной. Всего лишь — подняться вверх по косогору, ориентируясь на блеск золотых куполов, стремительным рывком преодолеть аккуратно подстриженный газон, подняться по лестнице и постучать в заднюю, алтарную дверь вышемирского собора, прячась в тени.

Я помнил слова отца Клауса, которые он сказал мне почти год назад, во время разборок с бандитами. И если и я мог кому-то доверять — то только ему… При определённых условиях.

Меня не заметили — ночь была темной, а свет фонарей на главной площади почти не проникал на церковный двор. Прихожане разошлись, пономари и певчие — тоже, но я знал — священник-кхазад допоздна остаётся в храме, делает какие-то свои церковные дела. Вот и теперь — только одно окошко светилось неярким, тёплым жёлтым светом. На улице холодало — я был одет по-летнему, в джинсы и тенниску, а использовать драконские штуки на церковной дворе мне казалось неправильным, и потому — оставалось мерзнуть.

— Вас ист дас? Кто там? — раздался бас отца Клауса, послышалось тяжкие шаги.

— Тот, кому вы обещали убежище.

— Гос-с-споди помилуй! — защелкали дверные замки. — Это

ты? А говорят — сбежал в Паннонию! А ещё — готовишь страшную месть Солтанам, Острожским и Ланевским… А другие — что покончил с собой. Но в это я не верю… Не верил. Сейчас-то чего…

— Отец Клаус, мне нужна исповедь. И укрытие на два дня.

Он сразу не торопился пускать меня, но услышав про исповедь — шагнул в сторону. Настоящий священник не может отказать просящему в церковном таинстве.

— Входи, чадо Божие Георгий, — дверь была распахнута ровно настолько, чтобы хватило пройти.

Я сделал пару шагов вперед и оказался в пономарке: боковом вспомогательном помещении при алтаре. Здесь пахло воском, ладаном, хранилась утварь для богослужебного обихода, стояла скамья, на которую и опустился отец Клаус, привычным движением одернув полы рясы. Мощной, широкой своей дланью он хлопнул по месту рядом с собой, приглашая присаживаться. Его светлая рука на тёмном дереве смотрелась контрастно.

— И в чем каяться будешь, чадо Божие? — спросил он после того, как я сел.

Глаза священника смотрели на меня внимательно. Можно даже сказать — проникновенно.

— В гордыне, тщеславие и честолюбии, — сказал я и опершись локтями на колени, уронил голову на ладони. — Они меня просчитали, отец Клаус. Они поняли, где моё слабое место — и ударили в него.

Он молчал.

— Я хочу, чтобы меня считали святым, отец Клаус, — эти слова давались мне нелегко. — Чтобы мной восхищались, чтобы любили, чтобы слова мои слушали и внимали им. Вот этот восторг в глазах детей — он и есть моё слабое место. И они лишили меня его, понимаете? Что бы ни произошло дальше, как бы не окончилась эта история — теперь всегда останутся те, кто смотрел это бесово… Простите… Это проклятое ток-шоу, и…

— … и видео в сети, и статьи в газетах, — медленно проговорил кхазад. — И все остальное, что ты только можешь себе представить. Ты пробовал отработать так против того модельного агентства — они отработали на порядок мощнее. Я, если честно, ничего не читал и не смотрел, но прихожане, понимаешь…

— Это Вышемир, уездный город. Конечно, я понимаю, — наверное, и пары часов не прошло после передачи, как уже *все всё знали.* — Так что даже после опровержения, после тысячи материалов с фактами о интригах аристократов или иностранной разведки, или инопланетян, или Бог знает кого ещё — после всего

этого останется множество народа для которых я буду…

— … учителем, который прелюбодействует с ученицами за отметки. Или за инициации, — жёстко подытожил священник.

У меня опять помутилось в голове, потому что я подумал про Легенькую, про Елену Владимировну, про Пегову… Мерзавцы, какие мерзавцы! ПОВИННЫ СМЕРТИ! СЖЕЧЬ, РВАТЬ ЗУБАМИ СВОЛОЧЕЙ, ДО СЕДЬМОГО КОЛЕНА ВЕСЬ РОД, ВЕСЬ КЛАН, В ПЕПЕЛ, В ТРУХУ, В АДСКОЕ ПЕКЛО!!!

— Георгий!!! — хлопнул ладонью по скамье отец Клаус.

Когти втянулись в пальцы, языки пламени, полыхающие из ноздрей, исчезли, мир снова окрасился в привычные человеческому глазу цвета, жар в груди прошел, и зуд по всему телу — тоже. Все стало так, как было минуту назад. Разве что в пономарке теперь пахло напалмом.

— Ты пришёл на исповедь, так исповедуйся! — прищурившись, ровным тоном проговорил священник. — Расскажи все как есть, облегчи душу — ты ведь сам, своей волей находишься здесь, сам попросил меня об этом. Исповедуйся — а потом я дам тебе убежище, и никто, ни единая живая душа — будь то хоть и сам Государь — не отыщет тебя, если ты сам этого не захочешь.

Я тяжело вздохнул, сложил пальцы в замок, оперся на них подбородком, немного помолчал и начал:

— Меня зовут Георгий Пепеляев, я родился в 1986 году на Земле, в Вышемире, районом центре Белорусской Советской Социалистической Республики в составе СССР. Умер в 2023 году, в Гомеле, областном центре независимой Республики Беларусь в палате интенсивной терапии, от обострения ряда хронических заболеваний на фоне многократно перенесенной коронавирусной инфекции. А ещё — меня зовут Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, и я также родился в 1986 году в Вышемире, уездном городе Великого княжества Белорусского, Литовского и Жемойтского, в составе Государства Российского. Кроме того, меня зовут Пепел, и я родился меньше года назад, в Мнемозинской Хтони, инициированный первым опричником Государя Иоанна Четвёртого, Малютой Скуратовым-Бельским. И я — школьный учитель. И дракон…

* * *

Глава 24
Регистрация

Я никогда не был особенно религиозным человеком, но к церкви и христианству привык относиться с уважением. В первую очередь — за огромный вклад в культуру, начиная с этики межличностных отношений и заканчивая изобразительным искусством, архитектурой, литературой, музыкой… Общечеловеческие ценности — это ценности христианские, кто бы что ни говорил. Ну какие, скажем, у ярла-викинга или жреца-ацтека общечеловеческие ценности-то? Не убей, не укради, не… Не смешно.

Поэтому, посещая храмы и монастыри что в прошлой жизни, что в этой, я обычно оставлял в ящиках для пожертвований какую-то довольно приличную денежку, просто потому, что мне хотелось, чтобы церкви — были! В конце концов, они здорово разбавляют городской архитектурный ансамбль! А сама церковная служба — торжественное, красивое действо, со сложной режиссурой и хореографией. Билет в театр всяко дороже стоит, чем свеча в храме… Да и вообще — мне ли, явному свидетелю бессмертия души и множественности миров, сомневаться в существовании высших сил? А что к обрядам религиозным не приучен — ну так воспитание такое…

Лежа на широкой лавке в церковных подземельях, я смотрел на расписанный сценами из библейской жизни потолок, дышал воздухом с явными нотками ладана, слушал доносящееся сверху пение хора и возгласы отца Клауса. Под головой у меня лежало монументальное издание в двух томах — «Istoriya hristianskoj cerkvi» автор — некто Husto Gonsales. Чтиво познавательное и увлекательное, переводное с арагонского новолатинского языка. Хоть как-то помогало отвлечься от тяжких дум.

— О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и о спасении их — Господу помолимся! — гудел над потолком священник-кхазад густым басом, и, кажется, стены резонировали от его низкого голоса.

Хор откликался — слова многоголосого ответа были непонятные, но звуки — величественные, торжественные.

— О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды — Господу помолимся! — продолжал отец Клаус.

Не знаю, сила этого места, или беседы с отцом Клаусом, или моя обычная склонность к самоконтролю и рациональному мышлению стали лекарством, а может — совокупность всех этих

факторов, но к исходу второго дня я решил, что и как буду делать в обозримом будущем. Крайний вариант оказался довольно очевидным: передать все мои вышемирские активы тем же Машевским, под честное слово. Создать Фонд, где будут аккумулироваться средства для учительских грантов — под контролем Прутковой. И уехать в Паннонию, вступить в Орду и учить ордынских деток. Что бы там не говорили про урукских подростков — и с ними нужно работать! Да и вообще, там не только уруки, там и снага, и гоблины, и людей много, и гномов, говорят — даже эльфы есть! Бабай Сархан, князь Хтонический, меня обещал принять. Однако, татуировки придется делать, а мне они не очень нравятся, но… Но учительскую семинарию я все равно построю! В Паннонии, в Орде, хоть у черта на бороде! Задумал — значит сделаю!

Главное, чтобы Яся согласилась. Главное, чтобы она поехала со мной. Наверное, поедет? Если поедет — все переживем. Очень жаль, было, конечно, бросать Горынь. Но суть ведь не в том, чтобы что-то СДЕЛАТЬ, верно? Суть в том, чтобы ДЕЛАТЬ! А делать можно где угодно — в Паннонии, на Сахалине, да хоть в Урянхае…

— В Урянхай пока не нужно ехать, — сказал Феодор Иоаннович, входя в келью, где я обитал последние двое суток. — Повремени.

— Ваше высочество! — я вскочил с лавки.

— Мое высочество, — повел рукой царевич, поправляя на себе опричный мундир без знаков различия. — Всё, я свои вопросы порешал, теперь твои пойдем решать. Невиновные наказаны, непричастные награждены, слоны — розданы. Знаешь, как сиамский король обозначает опалу для подданых? Передает слона во временное пользование! На годик-другой. Разорительное занятие, если хочешь знать! Но это все так, лирическое отступление, как ты любишь… Сейчас мы займемся делом! Ты за что больше переживаешь? Да не думай ты так громко про дурочек этих, с ними все понятно — или замуж в хтонические перди, или в монастырь — туда же… Ага! Репутация, стало быть. Переживаешь, что твои близкие и дальние, земляки и соратники поверят — и подумают что ты мерзавец. В этом все дело, да?

— В этом, — мне пришлось кивнуть. — А еще в том, что я не смогу делать то, для чего гожусь лучше всего. Все что у меня есть на самом деле — это моя работа. Я — школьный учитель, ваше высочество. Заберите это у меня — и ничего не останется.

— Ну как же? Ты консультант Сыскного приказа, рыцарь, землевладелец, народный мститель, жених, друг, сосед и всякое такое прочее… Не так уж мало, — Феодор Иоаннович

прищурился и глянул на меня хитровато, став при этом очень сильно похож на своего царственного отца. — А еще, ты — дракон. И просто хороший человек. Мой человек! Правда ведь, Георгий Серафимович? Ты — мой человек?

Я понимал, зачем он это спрашивает. Для своего человека он готов был сделать многое, и именно его покровительство давало мне возможность чувствовать себя более или менее свободно. Мне давно было очевидно — я в его команде, что бы это ни значило. Так совпало. Мы с этим царским сыном оказались по одну сторону баррикад, мои недруги были и его врагами, он одобрял мои начинания… По правде говоря, Феодор со своей тягой ко всему странному и необычному, и манерой находить неочевидный ответы на сложные вопросы нравился мне куда больше его братьев: милитриста-Дмитрия и прагматика-Василия.

— Я ваш человек, — кивнул я. — Если только при этом не нужно будет делать подлости и мучить маленьких детей.

— Нет уж, в этих делах от тебя толку не дождешься, это я прекрасно понимаю… Пойдем! — и форменным образом потянул меня за руку. — Здесь сложно работать, место — сильное. Выйдем на воздух.

Это довольно странное ощущение, когда царевич тянет тебя за руку, если честно.

Феодор Иоаннович двигался по подземным ходам собора так, будто бывал здесь через каждые два дня на третий, ориентировался совершенно естественно и вывел меня сначала под лестницу, которая вела на клирос (хоры), протащил по балкону, игнорируя певчих. Потом мы нашли еще одну лестницу — винтовую, и стали подниматься выше, выше, к самой колокольне. А дальше он просто открыл какое-то окошечко и полез наружу. Ну и я — за ним.

В лицо шибанул ветер, ударило солнце — очень сильно после подземелья. Мы оказались на церковной крыше. Отсюда было видно почти весь Вышемир! Многоэтажки центра, бараки Зверинца, огромный частный сектор, трубы заводского района, лента Днепра — до самого горизонта.

— Я люблю этот город вязевый
Пусть обрюзг он и пусть зачах…
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах! — не удержался я.

— Есенин? Да вы карбонарий! — умехнулся царевич. — Но я сам, если признаться честно, Есенина люблю.

И вдруг продекламировал:

— Все эльдары — гнилая рыба,
Авалон весь — жадная пасть.

Но Россия — вот это глыба!

Лишь бы только — царская власть! — а потом вдруг спросил: — Знаешь, как я могу решить твою проблему?

— Как? — спросил я, даже не пытаясь удивляться происходящему.

— По щелчку пальцев, — сказал он, и, подняв вверх правую руку, щелкнул пальцами.

Загудели глухо колокола. Задрожал металл крыши под нашими ногами. Купола заблестели невыносимо ярко. Галдя вспорхнули птицы, кажется, с всех деревьев в городе, страшно завыли собаки. А потом все стихло.

— Однако, получилось гораздо легче, чем я думал, — несколько сдавленным голосом проговорил Феодор Иоаннович. — У тебя есть платок?

Я глянул на него — носом у царевича шла кровь, она текла по усам, губам, бороде, стекала на грудь, на черный мундир без знаков различия. У меня был платок — в заднем кармане джинсов, благо — чистый. Я мигом протянул кусок ткани Грозному, и тот прижал его к носу.

— Сейчас, сейчас, — теперь голос его звучал слегка гнусаво. — Знаешь, я тебе даже завидую! Вот прикинь навскидку, сколько народу из тех, что знал с тобой лично и общался хотя бы пятнадцать минут, поверили в эту галиматью с изнасилованием за отметки?

— Сколько? — спросил я, наконец осознавая, что общаюсь сейчас с одним из четверых сильнейших менталистов Государства Российского, а скорее всего — и целого мира.

— Четыре процента, плюс-минус. Там сложно сказать — парочка типов вовсе не осуждали тебя, имея в виду что девчонки были довольно взрослые, и грешно было не воспользоваться положением… Я их только что прикончил, так что в расчет не берем, они мне в России и нахрен не нужны, — это прозвучало как-то буднично. — В общем — четыре процента. Остальных мне и переубеждать не пришлось. Там каждый второй и так словом и делом хочет поучаствовать в обелении твоего имени. Вон, одни прошение на имя Государя составляют, подписи собирают. Другие — оружие чистят и собрание Дружины устроили. Третьи к поместью Солтанов подбирались, но уже не подбираются — я запретил, там — мои дела, а не ваши. Думаю, тебе будет приятно услышать, что среди твоих детей — не поверил никто. Они прям злые были очень сильно. Это Ляшков придумал прошение составлять, и к Зборовскому твоему пошел! Ушлый парень, надо к нему присмотреться… С незнакомыми сложнее, там серединка на половинку, но тут я всё почистил. Вышемир — за тебя.

Полностью. Прямо сейчас. А дальше — уж как сам сыграешь…

— Однако! — я смотрел на него неверяще. — Вот так — по щелчку пальцев?

— Ты с кем разговариваешь, дракон?! — он глянул на меня так, что я затылком почувствовал всю стужу Арктики и Антарктики сразу. — Я — Грозный! Мы здесь хозяева! От Белостока до Владивостока, от Колывани до Эривани! Здесь — наше Слово и наше Дело! Осознал, Георгий Серафимович? А теперь давай — иди. Говори и делай что задумал. И не теряй бдительности — у этой партии еще не случился эндшпиль. И я рассчитываю на тебя!

А потом глянул на солнце, стукнул каблуком о каблук — и исчез.

Наверное, я никогда не стану на Тверди своим окончательно. Магия — вот что сводит меня тут с ума! Разве можно было поверить во все, что он мне сказал? И разве можно было не поверить?

* * *

Яся кинулась мне на шею, обняла, уткнувшись носом мне в ухо, обхватила ногами талию и заявила:

— Всё! Все, Пепеляев, идем жениться после регистрации! Понял? — и гладила мне волосы и целовала лицо.

— Понял, понял! — я смеялся. — Отец Клаус одобрит, хотя и сильно удивится, увидев меня снова на пороге храма!

— Так ты там куковал? — она ткнула мне кулачком в грудь.

— И ничего не куковал! — возмутился я. — Я страдал о горькой судьбе своей, боялся, что ты не поедешь со мной в Паннонию! Ну и книжку читал… «Историю христианской церкви» Гонсалеса! Прочел два тома.

— Значит, пока я тут рыдала и готовилась утопить всех Солтанов в смрадном болоте, ты книжечки почитывал?!

— Да там Солтаны, похоже, с боку припека… — дернул плечами я. — Если уж Феодор Иоаннович лично визит в Вышемир нанес, то…

— А! — сказала она. — Вот в чем дело! Ну, это многое объясняет. То-то я удивилась как у всех мозги на место резко встали…

Очень точно сказала. Точнее не придумаешь. Страшно дело!

Пыхтя и переругиваясь, в дверь Дома культуры, где мы с Ясей и встретились, ввалились Табачников с Комиссаровым. Они тащили два стола — один поверх другого. Зверолюды ударялись

об углы и дверные косяки, но не сдавались. Следом за ними зашел Валентин Александрович — бывший начальник уездного просвещения. Оказывается, он уволился к бесовой матери после случая с Олечкой Тан, даже не дожидаясь окончания этого резонансного дела — и теперь решительно направлялся ко мне.

— Доброго денечка, Георгий Серафимович, — он левой рукой подкрутил усы, а правую протянул мне для рукопожатия. — Я к вам — должок стребовать.

— Беру, — сказал я, пожимая ему руку. — Заместителем директора партизанского лагеря по воспитательной работе и общим вопросам. Четыре тысячи денег за заезд. Питание, проживание, медицинская страховка. Социальные гарантии.

— Матерь Божья! — хлопнул себя по ляжкам Валентин Александрович. — И чего я раньше не уволился?

— Потому что такого лагеря не было. И потому что никогда раньше вашего учителя с дерьмом не пытались смешать на великокняжеском уровне, — пожал плечами я.

— Действительно! — кивнул теперешний мой зам по воспитательной работе. — Ну, командуйте!

— А что командовать? — Садитесь, будете парней регистрировать, а Ядвига Сигизмундовна — девчонок. А я стану между вами бегать и создавать рабочий вид, — предложил я. — И руки пожимать и улыбаться.

На самом деле я сильно нервничал. Мне казалось — никто не придет. Менталистика — менталистикой, но подставляться и доверять детей человеку с таким количеством врагов и таким грузом проблем на плечах вряд ли кто-то захочет. В конце концов, белорусы — народ осторожный, рассудительный. За каким бесом им такой риск? За меня они или нет — это дело такое, спорное. Они могут быть за меня, и даже подписи собирать и оружие чистить, но доверить чадо странному, пусть и честному-благородному типу — это совсем другой вопрос!

— Где тут в партизаны записывают? — раздался голос Холода. В одной руке он держал внучку, в другой — огромную розовую сумку. — Серафимыч, ну что за непорядок? Мы вокруг этого Дома культуры круги нарезаем-ищем, и ни таблички, ни указателя…

— Вы? — удивился я. — А…

— Здрасьте, Георгий Серафимович! — замахала руками Светикова, радостно подпрыгивая. — А это мы! Сейчас еще Невзоркин с Морковкиным подбегут, они с родителями на автобусе. А Жаркин — он пешком!

— О-о-о-о! — на душе моей стало тепло. — А таблички развесить поможете? Мол — регистрация в Горыньский

партизанский лагерь — в вестибюле, вход со стороны сквера. Вот они, есть тут, просто действительно мы замотались и как-то не…

— Давайте-давайте! — и Светикова с Холодом, вооружившись скотчем и распечатками, отправились клеить объявления.

Только мы расставили столы и разложили по стопочкам бланки, и подготовили все папочки для приема документов, как от входа раздалось нервическое:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! — папаша-Белкин привел своих бельчат, и теперь размашисто, всем телом крестился и моргал — всем лицом!

— Мальчики — налево, девочки — направо! — замахал руками Валентин Александрович.

А потом — народ повалил потоком! Прибежали Невзоркин с Жаркиным и Морковкиным, волоча за собой родителей, и Кузьменок с Якубовским, и целая банда турникменов под командованием Белова — куда без них-то? К каждому я подходил, с каждым — здоровался, общался с родителями, и никто, ни одна живая душа и словом не намекнула про то дикарство, которое произошло три дня назад… Пришел Кравченко с внуком, и Элессаров — сам, чтобы вместе с нами ехать в лагерь, работать. Привела дочек та самая швея из Дома Быта. Мадам Шифериха — коренастых и деловитых племянников, орк Башка из десятого класса — младших братьев, числом четыре. Пришел Зборовский, держа за руку старшего сына. Я тут же глянул на ремень нашего предводителя: характерная пряжка выдавала в модном аксессуаре оружие Убийцы Драконов.

— Возьмешь моего старшего? — вместо приветствия спросил Женька. — Ему десять, ты вроде с двенадцати набираешь, но он парень самостоятельный, и очень просится к тебе. М?

Зборовский-младший смотрел на меня с надеждой. Он ведь и вправду был парень отличный, уж я-то знал!

— Доверяешь? — глянул я в глаза соседа.

— Пепеляев, не дури мне голову, — уездный предводитель широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу. — Кому, как не тебе?! И вообще… Пс!

Он вправду сказал «пс!» и поманил меня пальцем. В большом удивлении я наклонился к нему, и Женя прошептал мне на ухо:

— У меня Феодор Иоаннович был. Сказал — Вышемир тебе в кормление отдавать будет, жалованная грамота на столе у Государя. Это — на твою задумку по учительской семинарии и школе при ней. Так что…

— Так что без тебя я черта с два справлюсь! — таким же драматическим шепотом поведал ему я. — Ты останешься при должности, так и знай! И вообще — все останется как и было,

только еще больше! И лучше!

— Хо-хо! — усмехнулся сосед.

— Хе-хе! — не выдержал я.

Я был счастлив, честное слово! Не потому, что мне Вышемир вручить собирались, а потому что все эти люди, и не-люди, которые тоже самые человечные в мире человеки, привели ко мне своих детей! Есть ли что-то более ценное в этом мире?

— У тебя глаза светятся, — улыбнулась Ядвига, отрываясь от бумаг и глядя на меня. — Держи себя в руках, Геор-р-р-ргий!

— Держу, держу, душа моя! Сколько у нас уже записалось? — я понимал, что дела обстоят неплохо, и детишек в целом — много, но…

— Двадцать четыре девочки! — откликнулась Вишневецкая.

— И тридцать девять мальчиков! — вторил Валентин Александрович.

И это было очень, очень хорошо! Первому заезду — быть! Ура! Ура, чтоб меня!

— Судари и сударыни! — раздался мелодичный и очень властный голос от входа. — Где здесь проходит регистрация?

Весь холл мигом повернулся к дверям. Там стояла Лючиэнь Иллидановна в окружении группки аккуратненьких, красивеньких, очень изящных галадримских детишек. Их было не меньше дюжины!

— Это что — ее дети? — спросил я с удивлением.

Никогда бы не подумал, что директриса гимназии — многодетная мать!

— Какие дети, Серафимыч, побойтесь Эру нашего Илуватара! — драматическим шепотом проговорил Элессаров. — Это правнуки! О, Моргот меня задери, это все слышали, да? Я наверное, пойду в автобус тогда…

И попытался скрыться из холла.

— Но это тебе не поможет! — взгляд величавой эльфийки был яростным и многообещающим одновременно. — Георгий Серафимович, Ядвига Сигизмундовна, Валентин Александрович — препоручаю детей вам, все документы у них — в папочках, они все знают. А я должна наконец…

И спешно покинула вестибюль следом за Элессаровым, оставив нас всех в легком недоумении. Ей-Богу, если бы я не включил драконское зрения — то никогда в жизни не увидел бы, как чуть в стороне от крыльца, за бетонной колонной обнимаются эльфы. Может, они еще и целовались, но в конце концов, какое наше дело, чем занимаются два взрослых эльфа в нерабочее время, даже если они педагоги!

* * *

Эпилог

Шумели сосны, догорал большой костер на берегу озера Горынь. Едва-едва начинало светать — до побудки было еще далеко, но мы с женой — как странно было думать это слово! — никак не могли уснуть, эмоции сегодня зашкаливали: мы ведь поженились, и лагерь открыли!

Дети мирно спали в своих контейнерных домиках после суетливого первого дня в лагере. Распределиться по отрядам, познакомиться с воспитателями и инструкторами, заселиться, все вокруг осмотреть, сходить на экскурсию в старинный особняк и самый настоящий древний и страшный склеп с привидением внутри, съесть весь ужин и попросить добавки и… И зажечь костер, конечно! И спеть новую песню, текст которой раздали всем. Конечно, после такого кто угодно уснет крепко-крепко, как младенец!

— … *и снег, и ветер, и звезд ночной полет…* — пропела Яся, и положила голову мне на плечо. — Какая хорошая песня! Очень подходит тебе, лагерю, нам всем… Ты где ее откопал? Она драконская или эльфийская?

— Немного то, немного другое, — улыбнулся я. — Сложно сказать. Слушай, это что, нас и вправду можно поздра…

Я не договорил — громко и требовательно зазвонил телефон: простой, кнопочный, с восстановленным номером телефона. Цифры номера распознались, но толку от этого не было — все контакты утонули в Днепре. Я смотрел на вибрирующий аппарат, который достал меня не то в четыре, не то в пять утра и не знал — отвечать или нет.

— Нужно ответить, — кивнула жена.

И я нажал на зеленую кнопку и сказал:

— Однако, слушаю.

— Сапега говорит, — сказал Павел Станислав Сапега, граф и лидер второго по могуществу клана в Великом Княжестве. — Они идут по твою душу, Пепеляев. Ты доигрался.

— Кто — они? — честно говоря, я ни разу не испугался.

Они — это кто-то физический. Кто-то, кого можно сжечь, сожрать, утопить, затоптать и пристрелить.

— Скрежет, Доброй Ночи и Черный. Им достанет наглости и сил выпустить свою Ultima Ratio, слышишь? Они уже рядом, уже в твоей Горыни.

— Радзивиллы? — не поверил я.

— Радзивиллы, — подтвердил Сапега. — Беги, улетай, телепортируйся. Потом отомстишь. Не будь глупцом, Пепеляев!

— Буду, — сказал я. — Обязательно буду. Благодарю за информацию, Павел Станиславыч, дальше я уже сам.

И нажал отбой, и посмотрел на Ядвигу. Моя умница уже сунула руку в карман, достала второй перстень с трехголовым драконом и надела его на левую руку.

— Ты ведь знаешь, что я никуда не уйду? — прищурилась она.

— Конечно знаю. Сегодня мы вместе будем охотиться на Радзивиллов, душа моя, — я быстро обернулся, окинув взглядом спящий лагерь.

Что ж, часа два у нас есть. За два часа можно успеть почти все, что угодно — это я как учитель высшей квалификационной категории говорю. Встряхнувшись, я почувствовал, как начинает теплеть в груди, как зудит под лопатками…

— Взгляни! — Яся ахнула, глядя в предрассветные небеса. — Черная Панна Несвижа!

Фантасмагорическая фигура женщины в старинном черном платье и с гигантской, сверкающей лезвием косой в руках, поднималась над лесом на той стороне озера Горынь. Ростом она была метров тридцати в высоту, и вместо приличествующей благородной даме головы у нее имелся оскаленный страшный череп с острыми как иглы зубами. Ультима клана Радзивиллов. Барбара, некоронованная королева Речи Посполитой!

— По тобе пшишла смиерц, Пепел! — раздался трубный глас с кромки озера.

Несмотря на дальнее расстояние их было видно очень хорошо. Глава клана несвижских некромантов — Николай Радзивилл Доброй Ночи. Самый сильный некромант современности — Михаил Клеофас Радзивилл Скрежет. И — старый лич Николай Христофор Радзивилл Черный в теле молодого Кшиштофа Радзивилла.

Я медленно выдохнул. Нулевка, имаго… Всего это сейчас было недостаточно. По нашу душу пришли настоящие чудовища — и только чудовище еще более страшное способно противостоять им. И я должен это сделать. Здесь, за моей спиной — все что я люблю. Если я предам, позволю навредить — зачем тогда вообще жить.

— ***ДАВАЙ!*** - из моего горла вырвался утробный рык пополам с пламенем. — ***ДАВАЙ СДЕЛАЕМ ЭТО!***

Огненная волна прокатилась от моей макушки до самых кончиков пальцев, это было больно и приятно одновременно — так, будто становится на место вывихнутый сустав, будто наконец все начинает работать так, как надо! Небывалое ощущение легкости и правильности происходящего охватило меня, земля

стала дальше, деревья — ниже, а Яся…

— ТЫ ТАКАЯ МАЛЕНЬКАЯ! - удивился я, и нетерпеливо ударил мощным шипастым хвостом по земле, расправил огромные свои крылья и подмигнул жене.

— А ты — та-а-а-кой страшно красивый! — в ее глазах. — И та-а-акой страшно огромный! Потом покатаешь?

— ПОТОМ — ОБЯЗАТЕЛЬНО. ДАВАЙ УЖЕ ВЫБЬЕМ ИЗ НИХ ВСЮ ДУРЬ, А ПОТОМ ПОЛЕТИМ КАТАТЬСЯ, АГА?

Вишневецкая… То есть, конечно — с сегодняшнего дня — Ядвига Пепеляева-Горинович, моя любимая супруга, друг и соратник решительно кивнула, взмахнула руками — и светлые воды озера Горынь содрогнулись, и вздыбились, и поднялись гигантской волной, которая сравнялась с верхушками вековых сосен.

А я — взмахнул крыльями — и взмыл вверх, и чувствую как разгорается в груди огонь, не собирался его сдерживать. Сегодня дракон вышел на тропу войны!

* * *

— Да! Да-да-да-да! — Феодор Иоаннович радостно расхохотался и стукнул кулаками по приборной панели опричного конвертопалана. — Попались, курвины дети! Получилось, а? Нет, ты видишь — получилось!

Пилот — киборг, юноша южной внешности, все тело которого было человеческим, а конечности — аугментированными, остороджно проговорил:

— Я вижу пока только трех сильнейших некромантов и ультиму ужасающей мощи, ваше высочество…

— Господи, Латиф! — царевич совершенно не царским жестом ткнул в некий объект, который стремительно двигался над озером, а за ним двигалась огромная масса воды.

Киборг быстро надел на глаза очки дополненной реальности и вздрогнул: великолепный зеленый дракон с крыльями и гребнем цвета червонного золота заходил на атакующую траекторию, и целью его были три черные фигуры у кромки воды…

Феодор Иоаннович Грозный, явно довольный собой, откинулся в кресле второго пилота:

— Они и понятия не имеют, на что способен дракон, который охраняет свои сокровища! — к проговорил он, кивая своим мыслям. — Ни малейшего понятия!

КОНЕЦ

Однако, еще одна история мира Тверди дописана. Кажется, она получилась. Большое спасибо всем, кто читал и делился впечатлениями, и закидывал разные варианты и предположения- вы очень вдохновляете, ваша поддержка для меня действительно супер важная штука!

очень прошу всех, кто прочел историю Георгия Пепеляева, человека и парохода… То есть — препода и дракона — пойдите к первому тому вот сюда https://author.today/work/355222 и напишите под ним свои мысли и эмоции после прочтения

Совершенно точно у нас будет третья история по Тверди, нам ведь нужен молодой-перспективный менталист и нужны все, кого мы тут полюбили, верно? Да и Феодор наш Иоаннович должен присмотреться к шапке Мономаха, в конце-то концов! Так что третьей истории — быть, хотя и не сразу. Для того чтобы мне ее написать — нужно съездить в Питер. Об этом и всех остальных творческих планах — читайте в блоге. Чтобы не потерять обновления — подписывайтесь на мой профиль здесь. Это самый ценный для меня подарок.

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

Как приручить дракона – 5